

Российская Академия Наук
Институт философии
Центр философских проблем российского реформаторства

А.А. Кара-Мурза

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв.

Выпуск второй

Владимир Соловьев, Михаил Стахович,
Николай Волконский, Михаил Комиссаров, Василий Караулов,
Степан Востротин, Борис Зайцев

Москва
2009

УДК 14
ББК 87.3
К 21

В авторской редакции

Рецензенты:

кандидат филос. наук *В.П. Перевалов*

доктор полит. наук *М.М. Федорова*

К 21 **Кара-Мурза, А.А.** Интеллектуальные портреты: Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 2 [Текст] / А.А. Кара-Мурза ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 155 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0136-5.

Книга известного философа и политолога, доктора философских наук А.А.Кара-Мурзы представляет собой сборник оригинальных интеллектуальных биографий крупных политических мыслителей России XIX–XX вв. – Владимира Соловьева, Михаила Стаховича, Николая Волконского, Михаила Комисарова, Василия Караулова, Степана Востротина, Бориса Зайцева. Важной задачей автора является выстраивание «интеллектуальной родословной» либерально-центристской (либерально-консервативной) традиции в истории русской политической и философской мысли.

ISBN 978-5-9540-0136-5

© Кара-Мурза А.А., 2009
© ИФ РАН, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Настоящая книга является вторым выпуском из серии, посвященной отечественным мыслителям XIX–XX вв.¹. Как и в первой книге, персонажи этого сборника объединены особым к ним авторским отношением. В данном случае речь идет о большой историко-просветительской и мемориальной работе, в которой мне довелось принять самое активное участие.

Еще в начале 1990-х гг., на романтической волне «демократической революции», было решено установить в Москве памятник выдающемуся русскому мыслителю Владимиру Сергеевичу Соловьеву. Прошел конкурс проектов, а место напрашивалось само собой: «стрелка» на углу Пречистенки и Остоженки, центр старинного московского района, теснейшим образом связанного с жизнью философа. Казалось тогда символическим и то, что великий москвич Владимир Соловьев по праву займет место взамен Фридриха Энгельса, чугунная фигура которого странным образом оказалась тут на исходе «брежневского застоя». Увы, символизм далее случившегося оказался принципиально иным: ненавистник Москвы и богоборец Энгельс по-прежнему занимает чужое место, сурово взглядываясь в восстановленный храм Христа Спасителя.

Впрочем, дело казалось поправимым: Институт философии Академии наук, где мне посчастливилось работать вот уже более четверти века, предложил установить скромный памятник Соловьеву во дворике собственного здания на Волхонке – бывшей усадьбы князей Голицыных. Владимир Соловьев здесь часто бывал у своего старшего друга Ивана Сергеевича Аксакова, снимавшего у Голицыных несколько комнат, а впоследствии – у его вдовы Анны Федоровны. Но и тут проблема: на дворик, а по некоторым данным, и на весь квартал нашлись новые претенденты, кажется, совсем нечувствительные к истории отечественной философии. В конечном счете, философская общественность решила разместить мемориал В.С.Соловьева внутри здания бывшей голицынской усадьбы.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-00235а

¹ См.: *Кара-Мурза А.А.* Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006. Вып. 1.

Чтобы почтить память Владимира Сергеевича Соловьева в данном сборнике, я выбрал давно вынашиваемый мною текст о малоизвестном, но чрезвычайно важном пребывании молодого Соловьева в Италии в 1875–1876 гг.

В раздел «Итальянские сюжеты» включен также текст о Борисе Константиновиче Зайцеве – замечательном русском прозаике, переводчике, мемуаристе, одном из главных героев моей тетралогии о «знаменитых русских в Италии»². Я долгое время поддерживал переписку с внучатым племянником Б.К.Зайцева – глубоким знатоком наследия деда Евгением Николаевичем Зайцевым, к несчастью, совсем недавно умершим. 15 октября 2003 г., во многом благодаря нашей с ним инициативе, в Калуге, на здании реального училища, где когда-то учился Борис Зайцев (теперь это один из корпусов педагогического университета), была установлена мемориальная доска.

Замечательные русские люди, интеллектуалы и политики, ставшие героями эссе из второй части настоящей книги, были также в последние годы увековечены на родине, благодаря усилиям возглавляемого мною Фонда «Русское либеральное наследие».

10 сентября 2005 г. в г. Елец (сегодня Липецкой области) была открыта мемориальная доска в честь М.А.Стаховича с его барельефом и следующей надписью: «В этом здании Елецкого уездного земства работал Михаил Александрович Стахович (1861–1923), предводитель Елецкого уездного и Орловского губернского дворянства, один из основателей “Партии мирного обновления”, депутат Государственной Думы, член Государственного Совета, генерал-губернатор Финляндии, посол в Испании».

20 апреля 2006 г. на одном из исторических зданий г. Енисейска (Красноярский край), принадлежавших до революции купцам Востротиным, была открыта мемориальная доска выдающемуся предпринимателю, политику, полярному путешественнику Степану Васильевичу Востротину. На ней надпись: «Памяти городского головы Енисейска, крупнейшего деятеля российского либерального движения. Востротин Степан Васильевич (10.12.1864, Енисейск – 1.05.1943, Ницца)».

² См.: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Риме. М., 2000; *он же.* Знаменитые русские о Венеции. М., 2000; *он же.* Знаменитые русские о Флоренции. М., 2000; *он же.* Знаменитые русские о Неаполе. М., 2001.

29 апреля 2006 г. в с. Дубасово Гусь-Хрустального района Владимирской области на здании бывшего училища (ныне школы) была установлена мемориальная доска: «Здание построено во второй половине XIX в. в имени Михаила Герасимовича Комиссарова (1867–1929) – предпринимателя, мецената, депутата Государственной думы от Владимирской губернии».

А 27 сентября 2007 г. по нашей инициативе в Липецкой и Рязанской областях прошли мемориальные мероприятия в честь князя Николая Сергеевича Волконского. Сначала в г. Чаплыгине (ранее Раненбурге) на одном из самых красивых особняков города была открыта мемориальная доска, которая гласит: «Здание Раненбургского земства, в котором работал видный российский общественный деятель, депутат I и III Государственных Дум, член Государственного Совета, один из основателей партии “Союз 17 октября”, председатель Рязанской губернской управы князь Николай Сергеевич Волконский (1848–1910)». В тот же день в находящемся недалеко бывшем родовом имении князей Волконских в с. Зимарово, на месте разрушенного большевиками семейного склепа в ограде Храма Боголюбской Божьей Матери, был установлен и освящен поминальный крест.

В 2010 г. исполняется 100 лет со дня смерти Василия Андреевича Караулова (1854–1910), в молодости «народовольца», узника Шлиссельбурга, ставшего к концу жизни убежденным либералом, глубоко верующим человеком и религиозным мыслителем, активным участником Петербургского Религиозно-философского общества. Нам предстоит привести в порядок его знаменитую некогда могилу на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге, а также установить мемориальную доску в Красноярске, где Караулов когда-то отбывал ссылку.

Историко-философские и политологические разыскания возвращают нам забытые имена, окрашивая иные, казалось, хорошо знакомые, новыми красками...

*Алексей Кара-Мурза
лето 2009 г.*

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТРАНСТВИЯ ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА СОЛОВЬЕВА (1875–1876)

Предисловие. Об одной «хронологической погрешности»

Изучению творчества Владимира Сергеевича Соловьева посвящено бесчисленное количество текстов. Вместе с тем трудно оспорить вывод, сделанный столетие назад Н.А.Бердяевым: «В философско-богословских своих схемах Соловьев себя прикрывал, а не раскрывал», и самые знаменитые его тексты лишь «рационально прикрывают иррациональную тайну жизни Соловьева»¹. К этому же выводу пришел и такой знаток интеллектуальной биографии Соловьева, как К.В.Мочульский. По его мнению, «Соловьев не любил и не умел “высказывать” себя, а современники плохо его понимали. Он был человеком “закрытым”: окруженный друзьями, учениками, почитателями, он прожил беспредельно одинокую жизнь... У Соловьева было множество ликов, но настоящее лицо его почти неуловимо. О самом святом для него он предпочитал говорить в шуточной форме, любил издеваться над собой и мистифицировать друзей. Был ли он самим собой в своей философии, в своей церковно-общественной деятельности, в своей поэзии?.. И, может быть, все десяти томное собрание его сочинений – только его “изнанка”. Кем же был Соловьев?»².

¹ Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 355.

² Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 63–64.

Николай Бердяев, как известно, полагал, что «настоящего Соловьева нужно искать в отдельных строках и между строк, в отдельных стихах и небольших статьях»³. Добавим к этому возможному перечню материалы путешествий В.С.Соловьева, особенно тех из них, которые еще недостаточно изучены.

Заграничному путешествию В.С.Соловьева 1875–1876 гг. (в Англию, Египет, Италию, Францию) посвящена, казалось бы, немалая литература. Это вполне объяснимо: исследователи жизни и творчества Соловьева сходятся в том, что из этой поездки он вывез некоторые важные контуры своей дальнейшей религиозно-философской системы, первыми набросками которой стали тексты, написанные в Каире и Сорренто на французском языке и объединенные под названием «София»⁴. Письма самого В.С.Соловьева того времени, а также большая работа, проделанная его биографом С.М.Лукияновым, целенаправленно собиравшим свидетельства очевидцев – М.М.Ковалевского, И.И.Янжула, кн. Д.Н.Цертелева, А.А.Фишера фон Вальдгейма и др., позволяют достаточно подробно проследить путешествие Соловьева⁵. А его поэма «Три свидания», в которой в стихотворной форме описаны вторая и третья «встречи» с «Софией – Подругою Вечной» (сначала в лондонской библиотеке Британского музея, а затем – в пустыне под Каиром), окончательно закрепила в «соловьёведении» значимость поездки 1875–1876 гг.

Со временем эта поэма, впервые опубликованная в 1898 г. и в дальнейших переизданиях снабженная подзаголовком «Москва–Лондон–Египет 1862–1875–1876», стала обретать статус культового произведения⁶. Так, небезызвестная Анна Шмидт, еще в 1880-х гг.

³ Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева. С. 355.

⁴ Фрагменты, вошедшие в трактат «София», были впервые опубликованы в Швейцарии на языке оригинала (*Soloviev V. La Sophia et les autres ecrits francais. Lausanne, 1978*). Большая работа по комментированному переводу этих текстов на русский язык проделана А.П.Козыревым (См.: *Козырев А.П. Соловьев и гностики. М., 2007*).

⁵ *Лукиянов С.М. О Вл. С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 3. Вып. 1. Пг., 1921, главы XIX–XXV. (Далее в сносках: Лукиянов С.М. Материалы).*

⁶ Первая публикация поэмы В.С.Соловьева «Три свидания» в «Вестнике Европы» никакого подзаголовка не содержала. В конце публикации имелась пометка: «26–29 сент., 1898, Пустынька» (*Соловьёв В.С. Три свидания. Поэма // Вестник Европы. СПб., 1898. Ноябрь. С. 328–334*).

объявившая себя земным воплощением «Невесты Христовой», после прочтения соловьевских «Свиданий» окончательно уверовала в то, что автор поэмы является реинкарнацией Христа. Первейшую роль в этой новой мифологии стал играть именно *1876-й год*, в котором, согласно подзаголовку поэмы, произошло третье, решающее «свидание» Владимира Соловьева с «Софией» в египетской пустыне. В дополнениях к своему «Символу веры» А.Н.Шмидт написала о Соловьеве следующее: «И восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца: оставаясь в нетленном теле на небесах, вторично воплотившегося на земле в 1853 г. человеческим естеством (год рождения Соловьева. – *А.К.*); Божеское же естество вторично принявшего *в 1876 г.* (курсив мой. – *А.К.*) при видении Церкви в Египте и скоро грядущего судить живых и мертвых. Его же царствию не будет конца»⁷. Идеи Анны Шмидт оказали большое влияние на членов кружка «младосимволистов» (Андрея Белого, Александра Блока, Сергея Соловьева–мл.), а также на таких мыслителей, как Сергей Булгаков и Павел Флоренский, подготовивших к изданию собрание сочинений А.Н.Шмидт.

Александр Блок, находившийся под обаянием В.С.Соловьева и серьезно воспринявший учение Анны Шмидт (она посетила поэта в Шахматове в мае 1904 г., менее чем за год до своей смерти), внес свой вклад в создание «соловьевского культа». В известной статье «Рыцарь-монах», написанной по материалам доклада в Санкт-Петербургском Религиозно-философском обществе и вошедшей в мемориальный соловьевский сборник 1911 г., Блок под впечатлением недавней поездки в Италию так писал о поэме «Три свидания»: «Я вспоминаю сейчас одну надпись – на гробнице среди базилики св. Аполлинария в окрестностях Равенны; эта надпись гласит [цитирует по латыни]: “Св. Ромуальд, уроженец Равенны, молившийся ночью у этого алтаря и дважды видевший блаженного мученика Аполлинария, был призван в святой монашеский орден в 927 г.”. Обращенная от его лица непосредственно к Той, Которую он здесь называет Вечной Подругой, поэма гласит: “Я, Владимир Соловьев, уроженец Москвы, призывал Тебя и видел Тебя трижды: в Москве в 1862 г., за воскресной обедней, будучи девятилетним мальчиком; в Лондоне, в Британском музее, осенью 1875 г., будучи

⁷ Шмидт А.Н. Письмо В.А.Т[ернавцеву] (1903) // Из рукописей А.Н.Шмидт. М., 1916. С. 270.

магистром философии и доцентом Московского университета; в пустыне близ Каира, *в начале 1876 г.* (курсив мой. – А.К.)»⁸. И далее Блок утверждает с еще большей категоричностью: «Поэма, написанная в конце жизни, указывает, где начинается жизнь; отныне, приступая к изучению творений Соловьева, мы должны не подниматься к ней, а обратнo – исходить из нее; только в свете этого образа, ставшего ясным после того, как второй, производный, погашен смертью, можно понять сущность учения и личности Владимира Соловьева»⁹.

Между тем парадокс ситуации с канонизацией соловьевских «свиданий» состоит в том, что третья, египетская, «встреча» с «Софией – Подругой Вечной» *никак не могла произойти в 1876-м г.*, даже в его «начале». На основании достоверных источников, в первую очередь писем самого Соловьева, С.М.Лукиянов установил, что «третье свидание» состоялось после вынужденной ночевки в пустыне ранним утром либо 26-го, либо 27-го ноября 1875 г.¹⁰ Лукьянов, естественно, не смог игнорировать очевидный факт несовпадения дат, однако предпочел дать ему максимально аккуратную и нейтральную трактовку. В небольшой сноске к основному тексту своих «материалов к биографии Соловьева» он пишет всего лишь о «*хронологической погрешности*», вкравшейся в подзаголовок поэмы «Три свидания»¹¹.

⁸ Блок А. Рыцарь-монах // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 333. В сентябре 2008 г. я побывал в отреставрированной базилике S. Apollinare-in-Classe недалеко от Равенны. Древний саркофаг с надписью, так поразившей Александра Блока, по-прежнему на месте. – А.К.

⁹ Там же.

¹⁰ Здесь и далее в тексте, за исключением особо оговариваемых случаев, все даты даются по новому стилю. – А.К.

¹¹ «В подзаголовок этот вкралась хронологическая погрешность: третье “свидание” приурочивается здесь к 1876 г., а второе – к 1875 г., тогда как и второе, и третье “свидания” относятся к одному и тому же 1875 г.» (Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 263, прим. 1641). Здесь имеет смысл привести и высказанное тем же Лукьяновым сомнение относительно обстоятельств «первого свидания» Соловьева с «Софией» – в детском возрасте, во время воскресной церковной обедни. В своей поэме Вл. Соловьев относит его к 1862 г. («*мне девять лет...* и т. д.»). Однако его биограф и друг В.Л.Величко, имевший, по-видимому, подробный разговор с Соловьевым на эту тему, пишет, что описанные события имели отношение к влюбленности юного Соловьева в некую «Юлиньку С.», и произошло это «*на девятом году*» жизни Соловьева, то есть, получается, что в 1861 г. (Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и

Можно долго строить предположения относительно причин случившейся «хронологической погрешности» в триаде «1862–1875–1876». Диапазон возможных объяснений здесь весьма широк: от естественной человеческой забывчивости (поэма «Три свидания» написана Соловьевым через двадцать три года после описываемых событий) до сознательного, хотя и вполне невинного, смещения автором даты «третьего свидания», дабы каждой из трех «встреч» с Софией чисто утилитарно соответствовала *своя*, отличная от других дата. В самом деле, вряд ли при издании поэмы Соловьев мог предположить, что реальные даты его житейских странствий (тем более далеко за границей) будут скрупулезно отслежены потомками.

Однако возможно и еще одно объяснение – не вполне традиционное, но зато вполне в духе Владимира Соловьева. Ошибочное указание цифры «76» в подзаголовке поэмы «Три свидания» можно представить как явление *мистическое*, коим, разумеется, никак нельзя пренебречь. Иными словами, в нашей статье мы постараемся *реабилитировать* «1876-й год» и, опираясь на ранее малоизвестные факты, показать, что и в этом году произошли крайне знаменательные для В.С.Соловьева события. Речь пойдет в первую очередь не о первых двух месяцах 1876 г., проведенных В.С.Соловьевым в Каире, тоже по-своему важных, а о периоде с середины марта по середину мая 1876 г., когда Соловьев был в Италии.

Однако вначале коротко напомним о событиях, этому предшествовавших.

Начало поездки. Лондон. Каир

В марте 1875 г. Совет Московского университета, рассмотрев представление историко-филологического факультета, удовлетворил ходатайство двадцатидвухлетнего доцента В.С.Соловьева о предоставлении ему заграничной командировки на один год и три месяца в Англию, «преимущественно для изучения в Британском музее памятников индийской, гностической и средневековой

творения. СПб., 1903. С. 101). Лукьянов, обративший внимание на это расхождение, не уверен вообще, что речь в поэме «Три свидания» идет именно об этом, а не об «аналогичном эпизоде» (см.: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 47).

философии»¹². 21 июня Вл. Соловьев выехал поездом из Москвы по маршруту Варшава–Берлин–Ганновер–Кельн–Остенде. Оттуда он переправился морем до Дувра и далее в Лондон.

В Лондоне Соловьев работал главным образом в библиотеке Британского музея. К.В.Мочульский в своей «интеллектуальной биографии» Соловьева точно замечает: «Молодой философ поехал в Лондон не только для научной работы: он искал ключа к тайной мудрости, чуда, преображающего мир; ему было мало теоретического познания, он хотел дела... Соловьев никогда не был кабинетным ученым и отрешенным от мира мистиком. Он чувствовал себя религиозно-социальным реформатором, жил сознанием приближающегося конца света и хотел действовать немедленно, чтобы его ускорить...»¹³. Вот в это время Соловьеву и следует «второе видение» Софии – Премудрости Божией, когда некий Голос отчетливо произнес: «В Египте будь...».

И вот однажды – к осени то было –
Я ей сказал: «О, божества расцвет!
Ты здесь, я чувю, – что же не явила
Себя глазам моим ты с детских лет?»

.....

«В Египте будь!» – внутри раздался голос.
В Париж! – и к югу пар меня несет.
С рассудком чувство даже не боролось:
Рассудок промолчал как идиот.

Ненадолго остановившись в Париже, Соловьев пересекает Францию и попадает в Италию. Миновав далее Турин и Пьяченцу, он вынужден остановиться на несколько часов в Парме, откуда пишет матери 6 ноября 1875 г.: «Проехал Францию и северную Италию, не останавливаясь. В здешнем городишке должен провести несколько часов вследствие беспорядков на железной дороге. Если не опоздаю к пароходу в Бриндизи, то через 4 дня буду в Египте. Благодаря купленному в Париже носощипу (пенсне. – А.К.), мог видеть все места, через которые проезжал; видел Альпы, видел Ломбардию, впрочем, до сих пор ничего поразительного не нашел. Русская деревня нравится мне больше итальянской. Хорошо здесь только, что еще тепло и зелено, как у нас в августе... От Шамбери

¹² См.: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 64.

¹³ Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. С. 97.

до Турина ехали со мной в одном поезде 250 черных ряс из Вандеи в Рим с двугривенным папе на водку – славный народ и нисколько не похожи на иезуитов... Прежде Египта напишу Вам, вероятно, из Афин, где пароход останавливается на некоторое время»¹⁴.

Проехав далее по Адриатическому побережью Италии через Анкону и Бари в апулийский порт Бриндизи на итальянском «каблуке», Соловьев, судя по всему, на свой пароход все же опоздал, ибо прибыл в Египет не 10 ноября, как планировал, а 11 ноября. Однако время он почти нагнал: пароход, предполагаемый вначале, должен был зайти «на некоторое время» в Грецию, зато следующий, английский, оказался прямым в Александрию. Но Соловьев об Афинах не жалеет нисколько: для магистра философии и доцента это несколько странно, но он страстно рвется в Египет.

Через некоторое время в пустыне под Каиром ему следует «третье видение», о подробностях которого он, однако, умалчивает как в письмах родным, так и в устных рассказах. В письме от 27 ноября он коротко сообщает о случившемся матери: «Путешествие мое в Фиваиду, о котором я писал в прошлом письме, оказалось невозможным. Отойдя верст 20 от Каира, я чуть не был убит бедуинами, которые ночью приняли меня за черта, должен был ночевать на голой земле... вследствие чего вернулся назад»¹⁵. А вот воспоминания французского литератора Э.–М.Вогюэ, жившего в Каире в одном доме с Соловьевым и слышавшего рассказ о происшествии в пустыне из первых уст: «Несмотря на зной египетского лета, на Владимире Сергеевиче был длинный черный плащ и высокая шляпа. Он чистосердечно рассказал нам, что в этом самом одеянии он ходил один в Суэцкую пустыню, к бедуинам; он хотел разыскать там какое-то племя, в котором, как он слышал, хранились кое-какие тайны религиозно-мистического учения – Каббала и масонские предания, будто бы перешедшие к этому племени по прямой линии от Соломона. Само собой разумеется, что ничего этого он не нашел, и в конце концов бедуины украли у него часы и испортили ему шляпу»¹⁶.

¹⁴ Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э.Л.Радлова. СПб., 1909. Т. 2. С. 5 (далее в сносках – Письма).

¹⁵ Письма. Т. 2. С. 19. Через некоторое время, поняв, что подобное сообщение могло встревожить родных, он пытается их успокоить: «Происшествие с арабами более меня позабавило, чем испугало» (Там же. С. 21).

¹⁶ Цит. по: Владимир Соловьев. Pro e contra. Т. 1. С. 115.

Из Египта в Италию. Отель «Кокумелла»

4 марта 1876 г. Вл. Соловьев пишет матери из Каира о корректировке своих планов, намерении в ближайшие дни возвратиться в Европу и на месяц поселиться в Сорренто, на берегу Неаполитанского залива: «Пищи себе в Египте не нашел никакой, а потому через 8 дней и уезжаю отсюда в Италию вместе с Калачовым (сыном директора архивов), который жил здесь все время. Цертелев уезжает еще раньше. В Италии я поселюсь на один месяц в Сорренто, где в тиши уединения буду дописывать некоторое произведение мистико-теософо-философо-теурго-политического содержания и диалогической формы. Затем отправлюсь в Париж, где для очищения совести займусь немного в *Bibliothèque Nationale*, и, захав на несколько дней в Лондон, возвращусь к июню через Киев в Москву»¹⁷.

12 марта Соловьев отплыл из Александрии в Неаполь. Несколькими днями раньше по этому же маршруту отправился упоминаемый в переписке Соловьева князь Д.Н.Цертелев, который в конце своей жизни кратко высказался на эту тему: «Соловьеву не удалось выехать из Каира вместе со мною, как он предполагал, и я один отправился в Неаполь и во Флоренцию»¹⁸. Не известно ни одного факта о какой-либо размолвке друзей – в ближайшие полтора месяца они будут обмениваться доверительными письмами, а потом радостно встретятся во Флоренции. Скорее всего, разошлись ближайшие планы: Дмитрий Цертелев торопился встретиться во Флоренции с путешествующим по Италии старшим братом Петром Николаевичем, а Владимир Соловьев, в свою очередь, искал максимального уединения и возможности доработать и подготовить к изданию текст, который он начал в Каире и которому придавал очень большое значение.

16 марта 1876 г. Соловьев приплыл в Неаполь, откуда переехал в Сорренто. 20 марта он писал матери: «Покинув землю Египетскую 12-го марта, после благополучного плавания прибыл в Неаполь 16-го, где пробыл 2 дня, и... уехал в Сорренто

¹⁷ Письма. Т. 2. С. 23.

¹⁸ *Цертелев Д.Н.* Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 309.

вместе с Калачовым (с которым приехал и из Египта). Сорренто, как вам, вероятно, известно, есть маленький приморский городок в виду Неаполя и Везувия, и отличается всевозможными красотами природы, которыми я, впрочем, не успел еще насладиться по причине непрерывного дождя и бурных ветров, свойственных этому месяцу. Живу я в довольно дешевом отеле над самым морем и думаю пробыть здесь до конца апреля, который в Италии есть лучший месяц»¹⁹.

«Отель над самым морем» из письма домой – это, вообще говоря, мог быть любой отель в приморском Сорренто. Слова «довольно дешевый» в применении к гостиницам – понятие для Соловьева столь же привычное, сколь и относительное. Приехав за восемь месяцев до этого в Лондон, он, по его словам, тоже поселился в «маленьким дешевом отеле»²⁰, который, однако, по воспоминаниям бывшего в то время в Лондоне И.И.Янжула, на поверку оказался «дорогим аристократическим отелем», в котором, помимо запредельной цены за номер, Соловьеву навязали еще и знающего немного по-русски «комиссионера», которому надо было платить дополнительно фунт стерлингов в день. Янжулу, имевшему от отца Соловьева полномочия опекать Владимира в Лондоне²¹, пришлось срочно

¹⁹ Письма. Т. 2. С. 24. Слова в письме о «благополучном плавании» и точное соблюдение графика морского перехода говорят о том, что корабль, на котором плыл Соловьев, шел из Александрии в Неаполь кратчайшим путем – через Мессинский пролив. В случае большого шторма при подходе к Сицилии (в марте это нередко случается) капитаны иногда принимают решение плыть вокруг острова, через Трапани и Палермо, избегая рискованного прохода между печально знаменитыми Сциллой и Харибдой.

²⁰ Письмо родителям от 12 июля 1875 г. (Письма. Т. 2. С. 3). К сожалению, часто слова Соловьева принимаются исследователями за чистую монету и без минимальной перепроверки кочуют из одного исследования в другое. Например, К.В.Мочульский так и пишет: «В двое суток доезжает до Лондона. Попадает в маленький дешевый отель...» и т. д. (Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. С. 95).

²¹ И.И.Янжул вспоминал, что накануне отъезда в Лондон он встретился с отцом В.С.Соловьева – историком С.М.Соловьевым: «Сергей Михайлович в конце вечера отвел меня в сторону и сообщил мне интимным образом: “Вот вы теперь едете в Лондон, как сообщали, где скоро будет мой сын Володя... Он мальчик хороший, но жить не умеет, проживает очень много от неопытности; его обирают. Не будете ли вы так добры, если встретитесь, это, наверное, воз-

перевозить его в популярный среди русских ученых частный пансион, комната в котором (да еще «с чаем и кофеем») стоила всего три фунта в месяц²².

Есть веские основания полагать, что в Сорренто В.С.Соловьев поселился в отеле «Cocumella» в районе Сант-Аньелло, пригороде Сорренто в направлении Вико, Каstellамаре и Неаполя. По крайней мере, именно так считали члены семьи младшего брата Соловьева – Михаила, когда в 1890 г. **отправились** в Италию, предварительно забронировав номера в отеле «Cocumella»²³. Племянник Вл. Соловьева, Сергей Михайлович Соловьев-младший, так писал об этом путешествии: «Далее вспоминаю себя на широкой террасе отеля «Bauer»²⁴ в Венеции; зеленые волны плещут о ступени, скользят гондолы. Золотое великолепие святого Марка, голуби на площади, которых мы кормили маисом, разноцветные стекла в сверкающих витринах. Промелькнул Неаполь, грязный и жаркий, Каstellамаре, – и вот наш экипаж подъезжает к густому апельсиновому саду, и мы поселяемся в отеле “Cocumella”. Мы прожили в Сорренто сентябрь и октябрь. В отеле “Cocumella” еще жива была старая, грязноватая и дикая Италия. В большом саду все дорожки были завалены гнилыми апельсинами и лимонами... В конце сада была каменная площадка, прямо над морем: оттуда был виден Капри и дымящийся Везувий... Через пещеры, где росли кактусы, дорога вела на морской берег. Я собирал раковины и все, что оставлялось на песке приливом»²⁵.

можно, если пожелаете, позаботиться об его устройстве и помочь ему, в виду его неопытности”» (*Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. СПб., 1910. Вып. 1. С. 125.)

- ²² *Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном. С. 125–126; см. также письмо Вл. Соловьева родителям от 13 июля 1875 г. из Лондона (Письма. Т. 2. С. 4).
- ²³ На Брянском вокзале Москвы семью брата в Италию провожал сам В.С.Соловьев (см.: Соловьев С.М. Воспоминания. М., 2003. С. 91). Несомненно, он был в курсе, что в Сорренто Соловьевы намерены поселиться именно в отеле «Cocumella».
- ²⁴ Не могу не добавить, что здесь же, в венецианском «Бауэре», весной 1913 г. останавливались во время своего итальянского путешествия и мои дед с бабушкой – присяжный поверенный Сергей Георгиевич Кара-Мурза и его жена, дочь купца 1-й гильдии Мария Алексеевна Головкина.
- ²⁵ *Соловьев С.М.* Воспоминания. С. 92.

Известно, что и Михаил Соловьев, и его жена Ольга Михайловна (урожденная Коваленская) буквально боготворили Владимира Сергеевича²⁶. Легко понять, что, направляясь в Италию в 1890 г., Соловьевы хотели поселиться не просто в Сорренто, а в том самом месте, где Вл. Соловьев жил четверть века назад и «прославившееся» в силу обстоятельств, в которые тогда 14-летний Михаил был посвящен первым в семье. Позднее семейную легенду об отеле «Cocumella», созданном на территории старинного католического монастыря, близко воспринял и сын Михаила Сергеевича – Сергей Михайлович Соловьев-младший, который был уверен: «В этом отеле – древнем монастыре иезуитов – написана замечательная третья глава “Софии” – “Процесс космический и исторический”»²⁷.

Отель, где поселился в марте 1876 г. В.С.Соловьев, действительно имеет богатую историю. В конце XVIII в. помещения бывшего монастыря иезуитов были переделаны под пансионат для отдыха генералов наполеоновских армий. Собственно отель был создан здесь в 1822 г. и прославился своими постояльцами, среди которых Гете, Андерсен, герцог Веллингтон, Фрейд, Моравиа. Территория отеля примыкает к прекрасному ботаническому саду – **Parco dei Principi, достопримечательностью которого является самая знаменитая соррентийская вилла – Villa di Poggio Siracusa, приобретенная в конце XIX в. русским князем К.А.Горчаковым (младшим сыном знаменитого канцлера).** Собирая материалы об отеле «Cocumella», С.М.Соловьев пишет и о том, что в нем некогда останавливался и друг семьи Соловьевых – Павел Александрович Бакунин²⁸. Однако в текст книги Сергея Соловьева-мл. не вошло важное: летом 1865 г.

²⁶ С.М.Лукьянов замечает, что, будучи моложе Владимира на девять лет, Михаил настолько любил и уважал брата, что в порыве восторга целовал ему руки (Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 1. Вып. 1. С. 19). Что касается Ольги Михайловны, то она была ученицей Владимира Сергеевича и к тому же убежденной италоманкой: училась живописи во Флоренции, а в конце жизни даже расписала один из тамбовских храмов в духе Мазаччио.

²⁷ Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. С. 117. В 1912–1913 гг. Сергей Михайлович Соловьев-мл. снова проедет по «соловьевским местам» в Сорренто и Флоренции со своей женой Татьяной Александровной (урожденной Тургеновой).

²⁸ Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 117.

Павел Бакунин жил в Сорренто не один, а с семьей своего брата Михаила Александровича Бакунина. Очевидно, П.А.Бакунин не особенно афишировал факт встречи с братом-эмигрантом, которого разыскивали многие спецслужбы Европы, да и сам С.М.Соловьев не считал правильным упоминать об этом.

При описании отеля «Cosumella» С.М.Соловьев приводит длинную цитату из популярных среди русских читателей мемуаров Ипполита Тэна «Путешествие по Италии» в изысканном переводе П.П.Перцова²⁹. Будет, однако, более уместным сослаться на рассказ соотечественника – Иннокентия Федоровича Анненского, который, как нам удалось установить³⁰, останавливался в отеле «Cosumella» летом 1890 г., т. е. совсем незадолго до приезда туда Михаила Сергеевича и Ольги Михайловны Соловьевых. 28 июля 1890 г. Анненский писал жене из отеля «Cosumella»: «Вот я и в Сорренто, последнем этапе моем в движении на юг. Боже мой, что за красота этот юг! Я сижу на балконе, прямо перед глазами море: наконец-то я увидел настояще-синий (как в корыте с синькой) и настоящий изумрудный цвет моря. Огромный Везувий просто лезет в глаза... От залива отделяет нас один сплошной сад – я таких деревьев, такой зелени никогда не видал. Темная раскидистая шапка грецкого ореха и рядом пыльная оливка, красные апельсины – они поспевают в течение целых шести месяцев, золотые огромные лимоны, олеандры, фиговые деревья. Особую красоту вида составляют сосны особого вида, похожие на пальмы, с зеленью только наверху. С боковых крыльев балкона открывается вид на горы, покрытые сверху хвойными деревьями... Среди зелени садов (Сорренто – все один сплошной сад), там и сям видны отели, виллы, группы домиков, старинная церковь»³¹.

Судя по всему, весной 1876 г. все эти красоты неаполитанского побережья не очень интересовали Владимира Сергеевича Соловьева. Как же он проводил время и с кем встречался в

²⁹ См.: *Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция.* С. 117.

³⁰ *Кара-Мурза А.А. Иннокентий Федорович Анненский // Знаменитые русские о Неаполе.* М., 2002. С. 184–188. Добавлю, что в январе 2002 г. мне, благодаря межсезонным работам в отеле «Cosumella», удалось достаточно подробно осмотреть территорию отеля и прилегающую к ней виллу княгини Горчаковой с роскошным ботаническим садом. – *А. К.*

³¹ *Анненский И.Ф. Письмо Н.В.Анненской от 28 июля 1890 г. // Встречи с прошлым.* М., 1996. Вып. 8. С. 45–46.

Сорренто? Как мы знаем из писем Соловьева домой, его спутником в путешествии из Египта в Неаполь, а потом в Сорренто был Александр Николаевич Калачов, сын директора Императорского архива, историка-академика Н.В.Калачова, который регулярно выезжал на юг лечиться от туберкулеза³². По информации мужа сестры А.Н.Калачова, барона П.Г.Черкасова, весной 1876 г. Владимир Соловьев и Александр Калачов, помимо Неаполя и Сорренто, жили также некоторое время на острове Капри³³, что требует, однако, дальнейшего исследования.

С.М.Лукьянов постарался разыскать людей, которые могли лично встречаться с Вл. Соловьевым в Сорренто. Один такой свидетель был найден. Это А.А.Фишер фон Вальдгейм, крупный натуралист, профессор ботаники, ставший впоследствии Директором Императорского ботанического сада в Петербурге. Лукьянов пишет в этой связи: «В Сорренто он (А.А.Фишер фон Вальдгейм. – А.К.) участвовал в некоторых туристских прогулках по окрестностям, и ему приходилось видеть Вл. С. Соловьева. Подобно другим, он невольно обращал внимание на обаятельную внешность молодого философа, но близких отношений между ними не завязалось. Одно только хорошо запомнилось А.А.Фишеру фон Вальдгейму: необыкновенная щедрость Соловьева. Бедняки, преследовавшие туристов своим попрошайничеством, неизменно находили в Соловьеве отзывчивого и всегда благодушного благотворителя. Он беззаботно опоражнивал для них свой кошелек, а когда кошелек оказывался пустым, он бросал им, наконец, и самый кошелек, что было, по-видимому, приемом для него привычным»³⁴. Свидетельства А.А.Фишера фон

³² По некоторым сведениям, А.Н.Калачов скончался в 1877 г. (см.: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 256, прим. 1627).

³³ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 2. С. 17–18. Этой информацией бар. П.Г.Черкасов поделился с С.М.Лукьяновым в конце 1914 г. Правда, свидетельство это в устах барона выглядело странно: «Сначала они жили вместе на Капри, а затем в Италии». С.М.Лукьянов, видимо, посчитал такой оборот речи нонсенсом (в самом деле, остров Капри – это ведь тоже Италия) и указал в примечании, что под «Капри» Черкасов имел в виду, конечно же, «Каир» (Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 2. С. 187, прим. 1849). На наш взгляд, это все-таки излишне смелое решение: Капри находится так близко от Сорренто, что жить достаточно продолжительное время в Сорренто и не побывать на Капри – это тоже нонсенс. Остается признать, что вопрос о пребывании Вл. Соловьева весной 1876 г. на острове Капри остается открытым.

³⁴ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 330–331.

Вальдгейма совпадают с воспоминаниями близко общавшейся с В.С.Соловьевым в Сорренто Н.Е.Ауэр, которыми она в 1890-х гг. поделилась с С.К.Маковским: «Надежда Евгеньевна не без юмора рассказывала о необыкновенно расточительной его (Соловьева. – А.К.) щедрости и полной неприспособленности к практической жизни»³⁵.

Владимир Соловьев и Надежда Ауэр. Везувий. Сорренто

Здесь мы подошли к описанию наиболее интересной из встреч В.С.Соловьева в Сорренто, сыгравшей важную роль в его жизни, а именно – к его знакомству с Надеждой Евгеньевной Ауэр. Диапазон определений, которыми сам Вл. Соловьев характеризовал эти отношения, весьма широк: от «приятного знакомства» (письмо к матери, помеченное 12 апреля 1876 г.)³⁶, до «ухаживания» (письмо к брату Михаилу)³⁷ и, наконец, «увлеченности» (письмо к В.Л.Величко на Пасху 1895 г.)³⁸. Подтверждает факт «ухаживания за нею молодого, легко воспламеняющегося доцента» и сама Н.Е.Ауэр³⁹. В то же время С.М.Соловьев, как и многие из близких В.С.Соловьева, защищающих версию о «единственной любви» в его жизни – к С.П.Хитрово, предпочитал говорить об отношении Соловьева к Ауэр как о «мимолетном романтическом чувстве»⁴⁰.

³⁵ *Маковский С.К.* Последние годы Владимира Соловьева // *Маковский С.К.* Портреты современников. М., 2000. С. 278–279. Эти свидетельства становятся в общий ряд с десятками аналогичных случаев, имевших место уже в России и подтверждаемых многими наблюдателями. Не вдаваясь в перечисление, приведем лишь обобщающую характеристику этого явления (В.Л.Величко точно назвал его «мистической любовью к нищим»), данную князем Евгением Трубецким: «Он (В.С.Соловьев. – А.К.) был бесребряником в буквальном смысле слова, потому что серебро решительно не уживалось в его кармане; и это – не только вследствие редкой своей детской доброты, но также вследствие решительной неспособности ценить и считать деньги. Когда у него их просили, он вынимал бумажник и давал, не глядя, сколько захватит рука, и это – с одинаковым доверием ко всякому просившему» (*Кн. Трубецкой Евг.* Мирозозерцание Вл. Соловьева. М., 1913. Т. 1. С. 12).

³⁶ Письма. Т. 2. С. 25.

³⁷ См.: *Соловьев С.М.* Жизнь и творческая эволюция. С. 308.

³⁸ Письма. Т. 1. С. 222.

³⁹ См.: *Маковский С.К.* Последние годы Владимира Соловьева. С. 279.

⁴⁰ См.: *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 127.

Неоднократно отмечалось, что сам Владимир Соловьев был всегда крайне деликатен и немногословен в описании подобно-го рода сюжетов. Исследователи вынуждены строить догадки и даже вычитывать из текстов Соловьева прямо не изреченное. Так, С.М.Лукиянов предпринял под этим углом зрения текстологический анализ одного из писем Соловьева из Сорренто, а именно его письма от 27 апреля 1876 г. к Д.Н.Цертелеву во Флоренцию, в котором Соловьев, в частности, пишет: «Очень желал бы тебя увидеть, но крайняя скудость средств не позволяет захватить во Флоренцию, да и не знаю, застал ли бы тебя там. Что ты делал в это время во Флоренции? Уж не явились ли и у тебя сердечные дела?»⁴¹. С.М.Лукиянов задается вопросом: «Как понимать это “и” (“и у тебя”)? Сопоставляет ли здесь Соловьев кн. Д.Н.Цертелева с самим собою, поддававшимся или поддающимся романическим увлечениям? Ведь и в Сорренто у Соловьева были кое-какие “сердечные дела”...»⁴².

Надежда Евгеньевна Ауэр (в девичестве Пеликан) была младшей дочерью Евгения Венцеславовича Пеликана – профессора Медико-хирургической академии, лейб-медика вел. кн. Елены Павловны, ставшего затем директором Медицинского департамента⁴³. В мае 1874 г., в девятнадцать лет и менее чем за два года до описываемых событий, Надежда Ауэр «по страстной любви» и вопреки сопротивлению отца вышла замуж за скрипача-виртуоза венгерско-еврейского происхождения Леопольда Ауэра, приехавшего работать в Россию и ставшего солистом двора Его Императорского Величества, а потом и дирижером придворной певческой капеллы (в 1883 г. он сменил австро-венгерское подданство на российское).

⁴¹ Письма. Т. 2. С. 232.

⁴² Лукиянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 328.

⁴³ Друг семьи Ауэров Р.М.Хин-Гольдовская так пишет о Е.В.Пеликане: «Энциклопедически образованный, чрезвычайной доброты и доступности в общении и либерал, пользовался огромной популярностью во всей России» (цит по: Раабен Л. Леопольд Ауэр. Очерки жизни и деятельности. Л., 1962. С. 35). Кстати, именно Хин-Гольдовской, хорошо знавшей также и В.С.Соловьева, Макс Волошин посвятил свои стихи «Я мысленно вхожу в Ваш кабинет». Там есть, в частности, такие строчки:

«К Вам приходил Владимир Соловьев,
И голова библейского пророка
(К ней шел бы крест, верблюжий мех у чресл)
Склонялась на обшивку этих кресл...»

После свадебного путешествия в Венгрию молодые супруги сняли апартаменты в Петербурге на Крюковом канале, а позднее купили большую дачу в Дуббельне – известном курорте под Ригой, где регулярно давались представления и концерты. Постепенно литературно-музыкальный салон Ауэров стал одним из самых популярных в столице. В семье Леопольда и Надежды Ауэров родились четыре дочери – Зоя, Надежда, Наталья и Мария⁴⁴.

Внешность Надежды Ауэр описал близко ее знавший известный юрист А.Ф.Кони: «Надежда Евгеньевна – белокурая стройная особа, с изящным лицом польского типа; глаза темно-голубые, изящные ручка и ножка, мягкий контральт... Нельзя было назвать ее победительной красавицей, но она покорила окружающих необыкновенно мягкой и изящной женственностью»⁴⁵. Аналогичный образ Надежды Ауэр рисует близкая к ее семье А.Унковская: «блондинка, изящнейшее в мире существо»⁴⁶. Надо добавить, что Н.Е.Ауэр была очень образованной женщиной: свободно читала и переводила с французского, знала наизусть Монтеня, Ронсара, Бодлера.

В ту весну 1876 г., о которой идет речь, Леопольд Ауэр был сильно занят концертной деятельностью, и Надежда Евгеньевна отправилась в Сорренто в сопровождении некоей «приятельницы», фигурирующей в письмах Владимира Соловьева, как «m-lle Train». О некоторых подробностях взаимоотношений Соловьева и Ауэр в марте-апреле 1876 г. пишет в своей книге С.М.Соловьев. Одна из соррентийских историй, по-видимому, хорошо известная родным Соловьева со слов, несомненно, самого Владимира Сергеевича, выглядит так: «Н.Е.Ауэр недавно вышла замуж и очень тосковала о своем муже, находившемся в Петербурге. Однажды Соловьев попросил провести с ним вечер. Надежда Евгеньевна согласилась при условии, что Соловьев даст ей услышать голос или звуки скрипки ее мужа; подобно многим, она верила в магические способности Соловьева. Когда они остались одни, Соловьев вперил в нее такой взгляд, что ей сделалось

⁴⁴ Мария Ауэр – эта та самая «Муха», которой был одно время сильно увлечен в Париже близкий к семье Ауэров молодой Максимилиан Волошин. – А. К.

⁴⁵ Своими воспоминаниями А.Ф.Кони поделился с С.М.Лукияновым (*Лукиянов С.М. Материалы*. Кн. 3. Вып. 1. С. 328).

⁴⁶ *Унковская А.* Воспоминания // *Вопр. теософии*. 1916. № 5–6. С. 42.

страшно. Лампа сама потухла, в воздухе явственно пронесся звук отдаленной скрипки. Лампа вновь зажглась сама собой, а измученный напряжением Соловьев упал на колени перед Надеждой Евгеньевной и зарыдал»⁴⁷.

6 апреля 1876 г. во время прогулки с Надеждой Ауэр к кратеру вулкана Везувий с Владимиром Соловьевым приключилось несчастье. О подробностях случившегося написал в своих воспоминаниях князь Д.Н.Цертелев, одним из первых услышавший эту историю непосредственно от Соловьева во Флоренции. Когда путешественники уже спускались с крутого склона Везувия верхом на лошадях, к Соловьеву «пристала куча мальчишек, требуя милостыни. Соловьев раздал им всю мелочь, а так как они продолжали приставать, то в доказательство, что у него больше ничего нет, бросил им свой кошелек; когда и это не помогло, вздумал спастись от них бегством»⁴⁸. Спасаясь от попрошаек, Соловьев на крутом склоне попытался пустить лошадь в галоп, та оступилась и упала, а сам всадник больно расшиб руки и колени. Соловьев был доставлен в клинику в Неаполь, где пролежал около недели.

Обобщив все имеющиеся в его распоряжении материалы, биограф Владимира Соловьева, С.М.Лукьянов, пришел к выводу: «Несчастливая случайность, жертвою которой он (Соловьев. – А.К.) сделался, угрожала ему, действительно, существенными бедами... Соловьев был, можно сказать, на волосок от смерти тут же, на месте. В Англии и в Египте ему приходилось считаться с серьезными для него мистическими переживаниями; теперь, в Италии, ему суждено было испытать, в буквальном смысле слова, серьезные столкновения с реальной действительностью... Пожалуй, в душе Соловьева обстоятельство это, хотя своих соображений по соответствующей части он и не высказывает, могло получить особое освещение и истолкование»⁴⁹.

⁴⁷ *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 127. Надо добавить, что С.М.Соловьев считал, что его дядя, Вл. Соловьев, обладал «исключительными оккультными знаниями и силами» (*Соловьев С.* Идея церкви в поэзии Владимира Соловьева // *Соловьев С.* Богословские и критические очерки. Томск, 1996. С. 14.)

⁴⁸ *Цертелев Д.Н.* Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Санкт-Петербургские ведомости. 1910. № 211, 4 окт. С. 3.

⁴⁹ *Лукьянов С.М.* Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 327.

Перевезенный в свой отель в Сорренто где-то 13–14 апреля, Владимир Соловьев лишь 20 апреля смог написать несколько строк Д.Н.Цертелеву во Флоренцию: «Дорогой Дмитрий Николаевич! Могу написать тебе только несколько слов: рука болит. Возвращаясь с Везувия, я искалечился и, может быть, останусь калекой на всю жизнь. Нахожусь в состоянии плачевном и намерений никаких не имею. В мае, вероятно, буду в Париже»⁵⁰. В тот же день Соловьев пишет столь же короткое доверительное письмо брату Михаилу, которому недавно исполнилось 14 лет: «Дорогой Миша! Поздравляю тебя с совершеннолетием и сожалею, что не могу по сему случаю прислать тебе ни торжественной оды, ни даже длинного письма, ибо рука моя действует плохо. Две недели назад, возвращаясь с Везувия, я упал вместе с лошадей и получил рану на колене и разбил обе руки. 4 дня лежал без движения и теперь еще едва хожу»⁵¹.

Несмотря на то, что биографу Соловьева, С.М.Лукиянову, удалось убедительно реконструировать период между 6 апреля 1876 г. (падение на склоне Везувия) и 20 апреля (первые письма, написанные рукой Соловьева уже из Сорренто), для него осталось загадкой так называемое «пасхальное письмо» Соловьева матери, отправленное, судя по авторской пометке, из Сорренто 12 апреля по новому стилю. В этом письме Соловьев, в частности, пишет: «Я это время жил попеременно в Неаполе и Сорренто; сделал одно новое приятное знакомство, о котором напишу после... На днях оставляю Сорренто и еду в Париж один...»⁵². С.М.Лукиянов справедливо обратил внимание на серьезное противоречие, которое, впрочем, не стал никак комментировать: «Спокойный тон письма от 31-го марта (12-го апреля) 1876 г. не позволяет предполагать, чтобы Соловьев находился в это время в сколько-нибудь исключительных условиях. А между тем примерно за неделю до названной даты с ним приключилось несчастное происшествие, которое могло угрожать даже очень тягостными последствиями»⁵³.

⁵⁰ Письма. Т. 2. С. 231.

⁵¹ Цит. по: *Лукиянов С.М.* Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 323. Это письмо было найдено Лукьяновым в архиве Российской публичной библиотеки и не вошло в первое Собрание сочинений В.С.Соловьева. Это скорее всего говорит о том, что письмо было конфиденциальным и хранилось Михаилом Соловьевым отдельно от семейного архива. – *А.К.*

⁵² *Лукиянов С.М.* Материалы. Кн. 2. Вып. 1. С. 311.

⁵³ Там же.

Действительно, как могло получиться, что Соловьев смог написать матери 12 апреля достаточно объемное письмо, если 6 апреля он получил тяжелейшие травмы, в том числе обеих рук, и даже 20 апреля с трудом смог вывести несколько строчек брату Михаилу в Москву и Цертелеву во Флоренцию? Загадка усугубляется еще и тем, что, судя по отметке на письме матери, оно было написано 12 апреля именно в Сорренто, в то время как все другие документы и материалы убедительно говорят, что минимум до 13–14 апреля Соловьев еще лежал в больнице в Неаполе. На мой взгляд, все противоречия снимаются предельно простым объяснением, на которое не отважился осторожный Лукьянов, часто предпочитающий вообще замалчивать очевидные нестыковки.

Итак, не поздравить родителей с Пасхой Владимир Соловьев никак не мог. Но и написать вовремя он был тогда не в силах по причине серьезнейших травм. Судя по всему, он выбрал меньшее из зол, пойдя на сравнительно невинную хитрость: написал письмо позднее, когда чуть поправился, проставив «правильную дату». Нашу версию косвенно подтверждает еще одно, без точной даты, но, очевидно, более позднее письмо Соловьева младшим членам семьи: «Дети мои! Благодарю вас сердечно за письма ваши, еще в земле Египетской мною полученные, и на которые я хотел отвечать отдельно, но сначала разные дела, а потом падение на Везувии и происшедшее от оногo калечество воспрепятствовали. Италия мне надоела порядочно и давно уже собираюсь в Париж, да боюсь повредить колено и остаться безногим. Теперь мы с Калачовым осиротели вследствие отъезда двух добродетельных дам, которые за нами ухаживали. Приходится самому себе корпию щипать. Надеюсь, что вы проводите праздники веселее. Будьте здоровы, рука устала. Неужели мама не получила моего последнего письма, посланного к Пасхе?»⁵⁴.

Надо добавить, что после 20 апреля Соловьев, судя по всему, быстро пошел на поправку, так как 27 апреля уже смог написать во Флоренцию большое письмо Д.Н.Цертелеву, высказывавшему готовность ехать в раненому другу в Сорренто: «Сердечно благо-

⁵⁴ Письма. Т. 2. С. 26. В.С.Соловьев, как представляется, несколько нарочито «удивляется», что его пасхальное поздравление не было получено. Но это неудивительно: тогда, перед Пасхой, это письмо не только не было отправлено, но еще и не написано.

дарю тебя за участие и готовность ехать ко мне, но, к счастью, в этом нет никакой надобности. Рана моя... совершенно заживает, и рукой также могу действовать, и на днях отправляюсь в Париж. После своего падения я пролежал неделю в Неаполе, где меня лечил хороший немецкий доктор, а потом в Сорренто два русские. Очень желал бы тебя увидеть, но крайняя скудость средств не позволяет заехать во Флоренцию, да и не знаю, застал ли бы тебя там... Возвращаясь в Россию, я буду проезжать через Петербург; может быть, увидимся там, а то в Липягах непременно»⁵⁵.

Судя по всему, в самом конце апреля или в первых числах мая 1876 г. Н.Е.Ауэр и ее компаньонка м-ль Трайн уехали из Сорренто. Но в эти последние перед их отъездом дни выздоравливающий Владимир Соловьев буквально осыпал их знаками благодарности. На этот счет есть мемуары В.А.Пыпиной-Ляцкой – дочери известного историка русской культуры, академика А.Н.Пыпина, в доме которого Соловьев часто бывал: «С большим юмором рассказывал он (Соловьев. – А.К.) также о своих злоключениях в Италии, когда он, поднимаясь на Везувий с двумя знакомыми дамами, повредил себе ногу и лишен был возможности продолжать путешествие. Последние деньги истратил он на чудные розы, которые послал своим спутницам, и жил в гостинице в долг, ожидая присылки денег из Москвы. В гостинице сначала ему охотно открывали кредит, но потом стали косо поглядывать. Владимир Сергеевич все более и более сокращал свои потребности, стал уже питаться одним кофе. Деньги все не шли. Как только нога поправилась настолько, что явилась возможность передвигаться, он обратился к русскому консулу, рассказал о своей беде, дал о себе необходимые сведения и просил ссудить деньгами. Консул

⁵⁵ Письма. Т. 2. С. 232. Добавим, что добросовестный С.М.Лукьянов попытался установить имена «двух русских докторов», лечивших перевезенного из Неаполя в Сорренто Соловьева, однако успеха не добился: «Кто были врачи, лечившие Соловьева, мы выяснить не были в состоянии...Наличность русских врачей в Сорренто не удивительна, если принять в соображение данные, относящиеся до тогдашнего положения этого благословенного уголка» (См.: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 327). Разгадка и здесь, как представляется, проста: почти наверняка этими «двумя русскими» были... Надежда Ауэр и ее компаньонка м-лле Traïn. Во врачебных навыках по крайней мере Н.Е.Ауэр сомневаться не приходится: как-никак она, как мы помним, была дочерью «министра здравоохранения» Российской Империи!

выслушал серьезно, денег дал, но выразил сожаление, что у столь знаменитого уважаемого человека, как историк Соловьев, такой “беспутный” сын. Вернувшись в гостиницу, Владимир Сергеевич велел подать себе шампанское и как можно больше роз. Хозяин гостиницы стал называть его князем. Рассказывал Владимир Сергеевич искренно и с увлечением»⁵⁶.

«На заре туманной юности»

В литературе о В.С.Соловьеве существует версия о том, что Владимир Соловьев и Надежда Ауэр могли встречаться и раньше весны 1876 г., а именно летом 1872 г. Эту версию, восходящую к одной из ранних статей С.М.Лукьянова⁵⁷ и воспроизведенную им в его фундаментальном исследовании о «молодых годах» Соловьева⁵⁸, считает, например, «весьма убедительной» К.Мочульский, который строит на ней свое дальнейшее изложение⁵⁹.

Действительно, С.М.Лукьянов еще в 1914 г. обратил внимание на удивительный смысловой резонанс между драматическим случаем на Везувии весной 1876 г. и **событиями лета 1872 г.**, описанными В.С.Соловьевым в его единственной повести «На заре туманной юности», впервые опубликованной в майском номере «Русской мысли» за 1892 г.⁶⁰. Основой повести стала действительно имевшая место поездка Владимира Соловьева в Харьков, к его кузине Екатерине Романовой, которая некоторое время считалась его невестой, фигурирующей в повести под именем «Ольги». Между тем главный интерес представляет сейчас не она, а, собственно, главная героиня повести – попутчица Соловьева, молодая особа, назвавшаяся «Julie». Не вдаваясь в подробное изложение фабулы повести, отметим два обстоятельства, за которые цепко ухватился дотошный С.М.Лукьянов.

⁵⁶ *Пытина-Ляцкая В.А.* Владимир Сергеевич Соловьев. Страничка из воспоминаний // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 208–209.

⁵⁷ *Лукьянов С.М.* Юношеский роман В.С.Соловьева в двойном освещении // Журнал М-ва нар. просвещения. 1914. № 9. С. 132–133.

⁵⁸ *Лукьянов С.М.* Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 327.

⁵⁹ *Мочульский К.В.* Владимир Соловьев. Жизнь и учение.

⁶⁰ Мы пользовались текстом повести по изданию: Письма Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., Т. 3.

Первый касается несчастного случая, который происходит с героем повести. При переходе из вагона в вагон он теряет сознание и едва не погибает под колесами поезда, но Julie удерживает его и тем самым спасает⁶¹. С.М.Лукиянов делает плодотворное предположение о том, что в превращенной форме Соловьев в повести 1892 г. мог передать свои ощущения от драмы у Везувия в 1876 г.⁶².

Второе, на что обратил внимание Лукиянов, – это заключительная фраза соловьевского рассказа 1892 г.: «Четыре года после того я встретился с Julie в Италии, на Ривьере, но это была такая встреча, о которой можно рассказывать только любителям в ночь под Рождество»⁶³. Лукиянов пишет: «Если действие рассказа относится, в самом деле, к весне 1872 г. и имеет автобиографическую основу, то ближайшим сроком для появления “Julie” в жизни Соловьева должно бы считать весну 1876 г. В это время Соловьев был в Италии, на пути из Каира в Париж. Конечно, мы не считаем себя вправе идти слишком далеко в этих сопоставлениях и вовсе не стремимся к безусловно точным отождествлениям. Но не любопытно ли, что в 1876 г. в Италии, на Ривьере, Соловьеву пришлось подвергнуться довольно тяжелой опасности, напоминающей ту, которая – по предположению, в 1872 г., т.е. четыре года тому назад – угрожала герою рассказа «На заре туманной юности» на пути в Харьков, и что в обоих случаях дело не обошлось без женского помощи? Уж не это ли приключение близ Везувия имел в виду Соловьев, когда заканчивал свой только что названный рассказ, и не было ли у него

⁶¹ Считаю нелишним привести в примечаниях этот фрагмент повести: «Утомление долгой дороги, непривычные волнения прошедшей бессонной ночи, наконец, горячий напряженный разговор о самых отвлеченных материях, – все это вместе, должно быть, совсем расстроило мои нервы. Только что я, пройдя впереди моей дамы, хотел ступить на вторую чугунную доску между вагонами, как вдруг потерял сознание. Я очнулся на площадке своего вагона. Потом мой новый приятель, видевший нас через отворенную дверцу и поспешивший на помощь, рассказал мне, что я, наверное, упал бы в пространство между вагонами и непременно был бы раздавлен поездом, бывшим на всем ходу, если бы не “эта барынька”, которая схватила меня за плечи и удержала на площадке. Это я узнал потом» (Письма. Т. 3. С. 295).

⁶² Лукиянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 327–328.

⁶³ Письма. Т. 3. С. 298.

намерения связать вагонное происшествие на пути в Харьков с каким-то более поздним эпизодом в его жизни, казавшимся ему значительным?»⁶⁴.

Продолжим линию, начатую Лукьяновым. Разумеется, молодая дама, назвавшаяся «Julie» (если сам факт такой встречи имел место), никак не могла быть ни самой Надеждой Ауэр, ни даже ее прямым прототипом. «Julie», по ее собственным словам, была уже несколько лет замужем, имела детей, в пятый раз ехала в Крым. Надежде Ауэр в 187 г. было лишь семнадцать лет (она – ровесница Кати Романовой), и замуж она выйдет лишь через два года, в мае 1874 г.

Но есть другое обстоятельство, говорящее в пользу версии Лукьянова, но не отмеченное им самим. Портрет «Julie», написанный автором повести «На заре туманной юности», поразительно похож на реальный портрет Надежды Ауэр в зрелые годы. Вот описание «Julie» Соловьевым: «Молодая белокурая дама, небольшого роста, худенькая и очень стройная. Лицо у нее было далеко не красиво, но когда она ласково взглядывала своими светлыми глазами, это некрасивое и простое лицо становилось чрезвычайно привлекательным. Не то, чтобы ее взгляд был особенно выразителен, но в нем было что-то более глубокое, чем мысль, какой-то тихий свет без огня и блеска»⁶⁵. А вот портретные характеристики Надежды Ауэр в изложении, частично уже нами представленном, близко знавшего ее А.Ф.Кони: «Белокурая стройная особа, с изящным лицом польского типа; глаза темно-голубые, изящные ручка и ножка...», «сидела в кресле, ласково улыбаясь», «нельзя было назвать ее победительной красавицей, но она покорила окружающих необыкновенно мягкой и изящной женственностью», «она теплилась и грела, как яркая лампада» и т. п.⁶⁶.

⁶⁴ Лукьянов С.М. Юношеский роман В.С.Соловьева в двойном освещении. С. 113–115.

⁶⁵ Письма. Т. 3. С. 284.

⁶⁶ См.: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 344–345. Приведенные сравнения позволяют подвергнуть сомнению расхожую версию о том, что толчком к написанию Соловьевым повести «На заре туманной юности» было его любовное увлечение Софьей Михайловной Мартыновой, приходящееся как раз на то время, когда повесть увидела свет. Не оспаривая саму возможность такого подхода, отметим, что Мартынова никак не могла быть физическим прототипом Julie. Она, дочь наказного атамана Оренбургского казачьего войска, имела ярко выраженные восточные черты лица (см. об этом, напр.: Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. Париж, 1988. Кн. 1. С. 107).

Итак, С.М.Лукьянов, как никто знающий и чувствующий молодого Вл. Соловьева, судя по всему, прав в главном: художественное описание Соловьевым своих переживаний, после того как он «чудом избежал гибели» на железнодорожном перегоне между Курском и Харьковом, является отголоском реальных ощущений, имевших место в 1876 г. на берегах Неаполитанского залива. Перечитаем отрывок из повести уже под этим углом зрения: «Тут же очнувшись, я видел только яркий солнечный свет, полосу синего неба, и в этом свете и среди этого неба склонялся надо мною образ прекрасной женщины, и она смотрела на меня чудными знакомыми глазами и шептала мне что-то тихое и нежное. Нет сомнения, это Julie, это ее глаза, но как изменилось все остальное! Каким розовым светом горит ее лицо, как она высока и величественна! Внутри меня совершилось что-то чудесное. Как будто все мое существо со всеми мыслями, чувствами и стремлениями расплавилось и слилось в одно бесконечное сладкое, светлое и бесстрастное ощущение, и в этом ощущении, как в чистом зеркале, неподвижно отражался один чудный образ, и я чувствовал и знал, что в этом одном было все. Я любил новую, всепоглощающею и бесконечною любовью и в ней впервые ощутил всю полноту и смысл жизни... Я долго не мог говорить. Я только смотрел на нее безумными глазами и целовал край ее платья, целовал ее ноги. Она тоже ничего не говорила и только прикладывала мне к голове платок, намоченный одеколоном. Наконец, бессвязным отрывочным шепотом я стал передавать ей, что делалось со мною, как я ее люблю, что она для меня все, что эта любовь меня возродила, что это совсем другая, новая любовь, в которой я совершенно забываю себя, что теперь только я понял, что есть Бог в человеке, что есть добро и истинная радость в жизни, что ее цель не в холодном, мертвом отрицании...»⁶⁷. Здесь, со всей очевидностью, совмещаются реальный образ Надежды Ауэр и скорее всего вымышленной «Julie» из «Туманной юности».

Завершая эту тему, имеет смысл обратить внимание еще на одну интересную перекличку смыслов, не замеченную С.М.Лукьяновым. Мемуаристка Е.И.Боратынская, рассказывая о Владимире Соловьеве, вспоминает рассказ своей старшей приятельницы А.О.Смирновой-Россет о том, как Владимир Соловьев

⁶⁷ Письма. Т. 3. С. 295–296.

любил пугать дам страшными мистическими историями. В числе других Смирновой-Россет особенно запомнилась следующая. Английский художник встречает в железнодорожном вагоне (sic!) загадочную даму, которая вскоре исчезает. Вскоре художник получает заказ от некоего лорда написать портрет его умершей дочери. Художнику советуют создать образ не той, умершей несколько лет назад девушки, а повзрослевшей молодой женщины, такой, какой дочь лорда могла стать спустя годы. Художник мучается непростой задачей, и тут в его студии появляется молодая дама, в которой художник узнает прекрасную незнакомку из железнодорожного вагона. Дама требует, чтобы он рисовал с натуры ее портрет, что художник и делает. А дама сама надписывает его в посвящение отцу⁶⁸.

Непосредственная слушательница Соловьева – Смирнова-Россет – умерла в 1882 г., следовательно, описываемый ею разговор произошел раньше. Так или иначе, но эпизод со случайной попутчицей в вагоне и реинкарнацией женских образов невольно наводит на мысль, что эта тема была близка Владимиру Соловьеву и вполне могла стать отправной точкой для сюжета его единственной повести.

После Сорренто. Флоренция

Литературный критик и педагог Н.А.Макшеева вспоминала, как 19 апреля 1896 г. она навестила В.С.Соловьева в Царском селе, в «розовом домике на Церковной улице». Когда гостя сообщила Соловьеву, что едет на тирренское побережье Италии, тот ответил: «Теперь еще ничего, а уж в мае там невыносимо будет из-за цветов, так они ароматичны. Я положительно не мог спать, когда мне пришлось быть в это время в Италии»⁶⁹. Это свидетельство добавляет небольшой, но характерный штрих к жизнеощущению Владимира Соловьева в апреле-мае 1876 г. К последствиям тяжелой травмы на Везувии, оказывается, добавились еще и «невыносимые», не дававшие уснуть запахи цветов... Вот при каких обстоятельствах писались итальянские фрагменты «Софии».

⁶⁸ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 2. С. 9–10.

⁶⁹ Цит по: Владимир Соловьев: Pro e contra. Т. 1. С. 369.

Впрочем, возможно, речь идет уже о пребывании Соловьева во Флоренции, куда он направился после Сорренто. С.М.Лукьянов полагает, что «в Сорренто Соловьев оставался почти до половины мая по новому стилю, ибо в Париж он прибыл 1-го (13-го) мая»⁷⁰. Это – явное заблуждение: многие факты говорят о том, что между Сорренто и Генуей, откуда Соловьев направился поездом во Францию, он не менее недели еще пропутешествовал по Италии.

В начале мая 1876 г., несколько наладив свои финансовые дела, Соловьев приехал во Флоренцию к кн. Д.Н.Цертелеву. В те дни во Флоренции жили также брат последнего Петр⁷¹ с женой – выдающейся певицей-контральто, солисткой Мариинского театра Елизаветой Андреевной Лавровской. В те месяцы в Неаполе и Флоренции с триумфом прошли выступления Лавровской-Цертелевой, после чего музыкальные общества этих городов выпустили памятную медаль в ее честь.

Сведения о пребывании Владимира Соловьева во Флоренции более чем скудны. Собственно, единственной подробностью является воспоминание Д.Н.Цертелева, впервые опубликованное в 1910 г., незадолго до смерти автора: «Во Флоренции Соловьев пробыл несколько дней, и я предложил ему познакомиться с А.М.Жемчужниковым, как одним из главных участников в коллективном творчестве К.Пруткова, и он охотно принял мое предложение, но, поздоровавшись с ним и увидав какой-то заинтересовавший его № газеты, он занялся чтением почти все время, пока мы разговаривали с Алексеем Михайловичем»⁷².

Эпизод этот мало что говорит о состоянии Соловьева, тем более что Цертелев умалчивает об одном немаловажном обстоятельстве. Незадолго до описываемой встречи (судя по всему, именно Цертелев и Соловьев пришли в гости к Жемчужникову, а не наоборот), у А.М.Жемчужникова скончалась жена, Елизавета Алексеевна (урожденная Дьякова), и он, в поисках утешения, путешествовал по городам Европы. Вряд ли 55-летний вдовец был в тот момент особенно настроен делиться с двумя молодыми людьми забавны-

⁷⁰ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 329.

⁷¹ Петр Николаевич Цертелев был сыном князя Н.А.Цертелева от первого брака с А.Н.Воиновой, т. е. единокровным братом Д.Н.Цертелева.

⁷² Цертелев Д.Н. Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 310.

ми обстоятельствами создания образа Козьмы Пруткова. Не стоит забывать и то, что за несколько месяцев до описываемых событий скончался и граф Алексей Константинович Толстой, двоюродный брат Жемчужникова и один из создателей «Козьмы Пруткова». Поэтому «разговор», о котором пишет Дмитрий Цертелев (сам он был, напомним, племянником вдовы писателя, Софьи Андреевны Толстой), заведомо не мог получиться веселым. Вполне возможно, что В.С.Соловьев почувствовал это общее настроение и предпочел уединиться с газетой, оставив возможность Жемчужникову и Цертелеву предаться общим не совсем веселым воспоминаниям.

При всей скудости документальных свидетельств о пребывании В.С.Соловьева во Флоренции, он все-таки пробыл там «несколько дней», и можно высказать ряд предположений, подкрепляемых некоторыми фактами, правда, в основном косвенными, относительно его флорентийских маршрутов и впечатлений.

Первое вероятное предположение состоит в том, что В.С.Соловьев (возможно, в сопровождении Цертелева) посетил во Флоренции собор Сан-Лоренцо и находящуюся внутри него Капеллу Медичи со знаменитыми скульптурными шедеврами Микеланджело. Согласно нашей версии, воспоминание об этом всплыло в памяти Соловьева несколько лет спустя, летом 1883 г. Тогда, после тяжелейшего заболевания тифом, Соловьев отдыхал в бывшем имении графа А.К.Толстого в Красном Роге в гостях у вдовы литератора, Софьи Андреевны Толстой, и ее племянницы Софьи Петровны Хитрово; в тот год Соловьев особенно верил в то, что она станет его женой. Лето в Красном Роге прошло для Соловьева «под знаком Италии»: продолжая писать «Духовные основы жизни», он читает и переводит Петрарку и Данте. Именно тогда В.С.Соловьев и сделал ставший известным перевод знаменитых эпиграмм на тему микеланджеловской статуи «Ночь» из Капеллы Медичи:

(Эпиграмма Дж. Строцци на статую «Ночь» Микеланджело)

Ты Ночь здесь видишь в сладостном покое,
Из камня Ангелом изваяна она,
И если спит, то жизнью полна:
Лишь разбуди, – заговорит с тобою!

(Ответ Микеланджело)

Мне сладок сон, и слаще камнем быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядеть – одно спасенье....
Умолкни, чтоб меня не разбудить⁷³.

Позднее крупнейший отечественный итальянист А.М.Дживелегов попытался описать то грандиозное впечатление, которое производят скульптурные аллегории Микеланджело в Капелле Медичи собора Сан-Лоренцо: «Через все непонятности, которых немало, – ларчик под левою рукою Лоренцо, цветы в ногах у «Ночи», маска под ее рукою, сова, забравшаяся к ней под колено, – через темную символику, великая реальность изображенного действует с силой подавляющей»⁷⁴. «Сова Минервы» – символ философии. Можно не сомневаться, что Цертелев и Соловьев, два дипломированных талантливых философа, уже замыслившие свои докторские диссертации, не могли не говорить об этом во Флоренции. В дальнейшем творения Микеланджело в Капелле Медичи собора Сан-Лоренцо стали важным элементом «культы Флоренции» в литературе русского Серебряного века во многом благодаря одному из его зачинателей – Владимиру Соловьеву.

Выскажем и еще одно предположение о флорентийских маршрутах В.С.Соловьева в мае 1876 г. – конкретно о посещении им знаменитой картинной галереи Питти, находящейся в бывшем дворце Великих герцогов на левом берегу Арно. Толчком к этой

⁷³ Соловьев Вл. Стихотворения. Изд. 7-е (под ред. и с предисл. С.М.Соловьева). М., 1921, С. 202. Как известно, после открытия в 1520 г. капеллы Медичи со скульптурами Микеланджело флорентийский поэт Джованни Строцци написал по поводу аллегии «Ночь» хвалебную эпиграмму, перефразировав античное четверостишие Филострата. Микеланджело ответил гораздо более политически заостренным текстом, который прокомментировал: «Вдохновившись одной из моих скульптур, молодой флорентиец сочинил эпиграмму, прекрасную по форме, но не по содержанию... В долгу я не остался и ответил ему четверостишем, в котором напомнил землякам о нашем позоре (падении республики. – А.К.)» (*Кристофанелли Р. Дневник Микеланджело Неистового*. М., 1985). Классическим образцом перевода на русский эпиграмм Строцци и Микеланджело являются две версии, написанные в 1855 г. Ф.И.Тютчевым. Впоследствии свои версии перевода предложили такие корифеи стихосложения, как М.А.Кузьмин, Вяч. И. Иванов, А.М.Эфрос, А.А.Вознесенский, А.Б.Махов. Однако и в этой солидной кампании перевод Владимира Соловьева считается одним из лучших. – А.К.

⁷⁴ Дживелегов А.М. Микеланджело. М., 1938. С. 99.

гипотезе стали записи Владимира Соловьева, занесенные им в «Альбом признаний» Т.Л.Сухотиной-Толстой в начале 1890 г. На вопрос, кто является его любимым художником, Соловьев однозначно записал в альбоме: «Мурильо», – а на следующий вопрос, о его любимой картине, последовал столь же категоричный ответ: «Непорочное зачатие». Логично предположить, что с картинами Бартоломе Эстебана Мурильо (1618–1682) Соловьев был хорошо знаком по петербургскому Эрмитажу, где собрана, пожалуй, лучшая (после, естественно, родной для Мурильо Севильи) коллекция полотен испанского художника⁷⁵. Однако когда началась любовь Соловьева к творчеству Мурильо, если учесть, что в молодые годы он, коренный москвич, достаточно редко бывал в северной столице?

Весьма вероятно, что первотолчок был дан именно во Флоренции в 1876 г., где в галерее Питти находится общепризнанный шедевр Мурильо – «Мадонна со стоящим младенцем». Именно эта флорентийская «Мадонна», имеющая абсолютно славянский («родной» – по признанию многих русских) вид, производила огромное впечатление на наших соотечественников. Достаточно назвать лишь Аполлона Григорьева, который, по его собственному признанию, мог часами простаивать и плакать над этой «Мадонной» Мурильо в 1857 г. Григорьев написал об этой «славянской мадонне» целое эссе в объемном письме Е.С.Протопоповой, а затем и большое стихотворение⁷⁶. Как известно, отец Владимира Соловьева, историк Сергей Михайлович Соловьев, был очень близок с А.Григорьевым (ум. 1864) и был одним из активных участников группировавшегося вокруг Григорьева кружка. Владимир Соловьев вряд ли мог знать Григорьева лично, но, несомненно, много слышал о нем и от отца, и от А.А.Фета.

⁷⁵ Украшением этой коллекции, как известно, являются и два больших полотна на тему «Непорочного зачатия». Одна из этих картин ранее принадлежала испанскому маркизу Эскилаче, а затем герцогской семье Браски, из которой вышло несколько кардиналов и даже один папа – Пий VI, и была приобретена для Эрмитажа в Риме в 1842 г. Другое «Непорочное зачатие» из Эрмитажа ранее входило в собрание британца Р.Уолпола и было приобретено в 1779 г. русским посланником в Англии А.И.Мусиным-Пушкиным.

⁷⁶ См.: *Кара-Мурза А.А.* Аполлон Александрович Григорьев // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. М., 2001. С. 47–49. Восхищены «Мадонной» Мурильо были и более поздние русские визитеры во Флоренции, Савва Мамонтов и Константин Коровин: «В Палаццо Питти мы простояли перед мадонной Мурильо. Удивительная теплота и женственность».

После Флоренции. Венеция. Генуя

Что касается завершающего этапа итальянской поездки В.С.Соловьева 1876 г., то С.М.Лукьянов, со ссылкой на князя Евгения Трубецкого, останавливается на одном из происшествий, случившихся с Соловьевым в Генуе. Правда, биограф делает здесь оговорку: «Здесь считаем целесообразным отметить один небольшой эпизод, который биографам Соловьева приходится приурочивать к участку от Генуи до Канн. Досадным образом, мы не можем указать в точности, к какому именно времени относится этот эпизод, т.е. принадлежит ли он к составу первой поездки Соловьева за границу, или же его следует включить в повествование об одной из позднейших его поездок. Вероятнее последнее, но общий смысл эпизода характерен не столько для той или другой поездки в частности, сколько для личности Соловьева вообще, а потому мы и даем ему место в настоящей главе»⁷⁷.

Представляется, что педантичный Лукьянов здесь зря перестраховывается. Ни о каком включении данного эпизода «в повествование об одной из позднейших поездок» не может быть и речи. По маршруту Генуя–Канны Владимир Соловьев ехал первый и последний раз в жизни. Так что рассказ Е.Н.Трубецкого, услышанный князем, несомненно, из уст своего учителя, однозначно относится к моменту переезда Соловьева из Италии во Францию, то есть к маю 1876 г.

Итак, Лукьянов пишет со слов Е.Трубецкого: «Однажды, когда он (Соловьев. – *А.К.*) ехал из Генуи в Канн (повторяю, это несомненно май 1876-го. – *А.К.*), в занятое им отделение вагона вошла какая-то супружеская чета; оставив вещи на полке, она тотчас удалилась, после чего поезд тронулся. Соловьеву мигом представилось, что в покинутом чемодане лежит зарезанный младенец. Взволнованный страшной картиной подозреваемого преступления, он решился заявить об этом кондуктору. Оказалось, разумеется, что в чемодане находились обыкновенные пассажирские вещи, а супруги просто-напросто завтракали в вагоне-ресторане». Трубецкой делает из этого эпизода характерный вывод: «Глядя на действительность с недостижимой для простых смертных высоты, он, понятное дело, ясно видел общую схему жизни, но сбивался

⁷⁷ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 331–332.

в оценке ее отдельных явлений и в особенности индивидуальных характеров. Его неуравновешенное, вечно работавшее воображение часто приписывало людям несуществующие положительные качества... Та же близорукость относительно житейского нередко вовлекала Соловьева в заблуждения противоположного свойства: иногда он предполагал адские замыслы там, где на самом деле были только самые обыденные и невинные человеческие поступки»⁷⁸.

Однако не это в общем верное обобщение поражает нас в мемуарах князя Е.Н.Трубецкого, а вот это краткое замечание в том же самом абзаце: «За это же путешествие с ним случилось другое характерное для него приключение: не рассчитав путевых издержек, он оказался без денег в Венеции (sic! – А.К.) и, чтобы доехать, вынужден был заложить свои часы»⁷⁹.

Поскольку речь идет все о «том же путешествии», когда был и случай в поезде между Генуей и Каннами, а такая поездка была у Соловьева только один раз – в мае 1876 г., то получается, что и Венеция была тогда же. Вырисовывается только одна возможность заезда Соловьева в Венецию: выехав из Флоренции от Цертелевых, Соловьев отправился сначала в Венецию, а потом уже поехал в Геную и далее в Канны. Если это так, то вся поездка Соловьева по Италии «удлинится»: чтобы пробыть «несколько дней во Флоренции», побывать в Венеции хотя бы один день и, в конце концов, быть 13 мая в Париже, Соловьев должен был выехать из Сорренто в конце апреля, в крайнем случае – в самых первых числах мая. Это не противоречит единственному из известных свидетельств Цертелева: «В конце апреля или в начале мая Соловьев был уже во Флоренции... Во Флоренции Соловьев пробыл несколько дней»⁸⁰.

Владимир Соловьев и Надежда Ауэр: новые встречи

Осенью 1894 г. на популярном финском курорте Рауха на озере Сайма Владимир Соловьев и Надежда Ауэр случайно встретились вновь. Соловьев написал тогда брату Михаилу: «Еще третьего

⁷⁸ *Трубецкой Евг.* Мирозозерцание Вл. Соловьева. М., 1913. Т. 1. С. 14–15 (цит. по: *Лукьянов С.М.* Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 331–332).

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Цертелев Д.Н.* Из воспоминаний. С. 310.

дня гулял по снежным равнинам на Сайме с м-м Ауэр, за которой 19 лет назад ухаживал на Везувию; какой символизм! Теперь у нее 19-летняя дочь Зоя, напоминающая мне Катю Владимировну (Романову) лет двадцать тому назад»⁸¹. Позднее Соловьев подробнее написал об этом В.Л.Величко: «Я благополучно приехал, но не совсем благополучно водворился в Раухе. Она полна гостей, комната моя оказалась занятой, и мне дали другую внизу, с ходящими над моей головой индивидуями обоюбого пола и разного возраста. Зима здесь в полной силе, и это начинает быть скучным. Некоторая компенсация всего этого – соседство семьи Ауэр, воспоминания о Сорренто, где я был 19 лет тому назад»⁸².

Владимир Соловьев посвятил Надежде Ауэр два стихотворения, написанные во время пребывания в Финляндии в 1894–1895 гг. И если первое – «Сайма в полдень» («Этот магово-светлый жемчужный простор...») – это явная стилизация с нехитрым описанием окрестного пейзажа, то второе – «Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает», написанное в апреле 1895 г., – несет в себе подлинный трагизм и является вершиной стихотворного творчества Соловьева. Это стихотворение заслуживает того, чтобы привести его полностью:

Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает,
Тень мертвых уж близка,
И радость горькая им снова отвечает
И сладкая тоска.

Что ж он пророчит мне, настойчивый и властный
Призыв родных теней?
Расцвет ли новых сил, торжественный и ясный,
Конец ли смертных дней?

Но чтоб ни значил он, привет ваш замогильный,
С ним сердце бьется в лад,
Оно за вами, к вам, и по дороге пыльной
Мне не идти назад.

⁸¹ См.: Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция. С. 308.

⁸² Величко В.Л. Владимир Соловьев. С. 187. В первом томе «Писем» В.С.Соловьева письмо это воспроизводится несколько иначе. Фамилия семьи Ауэров скрыта под буквой N, а последняя фраза звучит так: «Где я 19 лет тому назад слегка увлекался m-me N., – теперь она наполовину оглохла и с нею три взрослых дочери» (Письма. Т. 1. С. 222).

Близкая дружба Владимира Соловьева и Надежды Ауэр продолжилась в Петербурге. К тому времени Ауэр разошлась с мужем-скрипачом, хотя официально развод будет оформлен много позже. Хорошо знавший ее в те годы А.Ф.Кони рассказал С.М.Лукиянову: «Надежда Евгеньевна с годами оглохла... Надо было говорить очень громко, чтобы она хоть что-нибудь услышала. Это была очень образованная женщина, с грациозным складом ума, умевшая высказывать разные мысли в изящной форме. Так как глухота мешала ей посещать различные публичные собрания, театры и т. под., то она вела довольно уединенную жизнь; но у себя дома она теплилась и грела, как яркая лампада»⁸³.

Близко знал Н.Е.Ауэр и Сергей Константинович Маковский: «В семье Ауэр... царила не только музыка, но и французская книга. Надежда Евгеньевна читала и перечитывала своих любимцев неумолимо. К тому же смолоду она стала глохнуть, в сорок лет слышала совсем плохо, больше угадывала слова по движению губ – оттого престала посещать концерты, вообще замкнулась у себя дома, в обществе избранных французских авторов и немногих друзей – писателей по преимуществу. Своим едва слышным голосом, необыкновенным изяществом обращения и умением проникаться мыслью собеседников эта хрупкая, преждевременно увядающая, даже некрасивая, но изумительно очаровательная женщина приколдовывала к себе, когда этого хотела»⁸⁴. «Одним из приколдованных», полагал Маковский, «был и Владимир Сергеевич Соловьев, которого я встретил у Ауэр. Они познакомились за границей, где-то в горах... Надежде Евгеньевне невольно говорилось о том, что другому не скажешь, она располагала к исповеди... Владимир Соловьев не раз поверял ей свои тайные видения. От нее не раз слышал я рассказы об этой “ненормальности” философа. Он был галлюциантом закоренелым»⁸⁵.

Маковский был непосредственным участником встреч Соловьева и Ауэр сначала на Сайме, а потом в Петербурге: «Соловьев дружески сошелся с Надеждой Евгеньевной, и эта умственная близость оставалась неомраченной в его последние годы. У меня создалось впечатление, что ни с кем не общался он так задушевно просто, ни-

⁸³ См.: *Лукиянов С.М.* Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 343–344.

⁸⁴ Владимир Соловьев. Pro e contra. Т. 1. С. 517.

⁸⁵ Там же. С. 517–518.

кому не поверял чистосердечнее своих тайных дум и невероятнейших духовных “приключений”... Н.Е.Ауэр была одной из тех, кому он верил и кому доверял свои таинственные видения. Искушенная во всех тонкостях интеллектуализма конца века, она восторгалась гениальностью Соловьева, умела его слушать и ничему не удивлялась. После Рауха он часто навещал ее в Петербурге (больше по вечерам), чтобы поделиться мыслями и рассказать о являвшихся к нему запросто призраках... Он любил говорить о мире загробном. Может быть, уже предчувствовал смерть?»⁸⁶.

Владимир Сергеевич Соловьев скончался 13 августа 1900 г. в имении своих друзей Трубецких в Узком. После 1876 г. он никогда не был в Италии: история о том, что в 1888 г., во время поездки в Париж для печатания своих церковно-политических работ на французском языке, он якобы имел тайную аудиенцию у римского папы в Ватикане, не более, чем легенда.

Дальнейшая судьба Надежды Евгеньевны Ауэр, напротив, оказалась тесным образом связана с Италией. После революции она переехала во Флоренцию и жила там до 1929 г., когда решила вернуться на родину, поближе к дочерям. Скончалась в 1933 г. Ее глухота с годами еще более обострилась, но ее друг, А.Ф.Кони, однажды обратил внимание на удивительный факт: «Надежда Евгеньевна странным образом могла всё ясно слышать лишь на железной дороге, под равномерный стук колес...»⁸⁷.

⁸⁶ *Маковский С.К.* На Парнасе Серебряного века. С. 100.

⁸⁷ *Лукьянов С.М.* Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 343–344.

«ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ» VERSUS «ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ»

(Историософские размышления Бориса Константиновича Зайцева)

В середине 1920-х гг., уже в парижской эмиграции, русский литератор Борис Зайцев однажды вдруг ясно припомнил тот день и час, когда его впервые в жизни пронзило чувство несовершенства этого мира. Ему, учащемуся калужской гимназии, было тогда одиннадцать лет: «Я носил ранец и длинное гимназическое пальто с серебряными пуговицами. Однажды, в сентябре, нагруженный латинскими глаголами, я сумрачно брел под ослепительным солнцем домой, по Никольской. На углу Спасо-Жировки мне встретился городской. На веревке он тащил собачку. Петля давила ей шею. Она билась, и упиралась, и жалобно волочилась по канаве рядом с тротуаром. В те годы я был очень робок. Все-таки побежал за городовым, пробормотал что-то вроде: Куда вы ее тащите? – Городовой посмотрел равнодушно и скорей недружелюбно: Известно куда. Топить. – Послушайте... залепетал я. – Отпустите ее, за что же так мучить? – На это раз городской сплюнул и мрачно сказал: Пошелка ты, барин, в...»¹.

Немолодой уже Зайцев записал в дневнике (эти фрагменты вошли потом в автобиографическое повествование «Дни»): «Я хорошо помню тот осенний день, пену на мордочке собаки, пыль, спину городского и ту клумбу цветов у нас в саду на Спасо-Жировке, вокруг которой я все бегал, задыхаясь от рыданий. Так встретил я впервые казнь. Так в первый раз возненавидел власть

¹ Зайцев Б.К. Дневниковая запись от 18.02.1926 // Зайцев Б. Дни. М., 2000. С. 61–62.

и государство. С тех пор мои любви и нелюбви менялись и слагались, но через все прошла и *укрепилась безграничная ненависть к казни* (выделено мной. – А.К.)»².

Быстро освободившись от искушения победить несправедливость революционным заговорщицеством (Зайцев-студент одно время был близок к эсерам), Борис Константинович рано решил посвятить себя литературе, пестуя свое «пространство культуры» – полнокровное, самодостаточное и, как ему казалось, неязвимое для поползновений политики в любой ее форме. В самые первые годы двадцатого столетия недоучившийся студент Горного института и юридического факультета, начинающий литератор Борис Зайцев с головой окунулся в мир литературной богемы. Позднее в эмиграции он напишет, что окружавшие его тогда писатели, художники и, конечно, он сам мало отдавали себе отчет об истинном состоянии России. Увлеченные интенсивностью жизни («сколько бурь, споров, ссор, примирений!»), люди его поколения и круга не смогли, например, распознать великий, но и трагический феномен так называемого «русского Ренессанса», частью которого сами явились: «Россия, несмотря на явно неудачное правительство, росла бурно и пышно, тая все же в себе отраву... Некоторые называли даже начало века “русским Ренессансом”. Преувеличенно, и не нес ренессанс этот в корнях своих здоровья – напротив, зерно болезни... Материально Россия неслась все вперед, но моральной устойчивости никакой, дух сомнения и уныния овладевал»³.

Большое значение в становлении литературного таланта Бориса Зайцева имело его приобщение к европейской культуре и в первую очередь – к культуре Италии. В 1904 г. он вместе с женой Верой Алексеевной (дочерью А.В.Орешникова, хранителя Исторического музея) впервые побывал во Флоренции, городе, ставшем, по собственному признанию, его «второй родиной». Тогда же во Флоренции он выбрал себе на всю жизнь духовного водителя – им стал гениальный поэт и несчастный скиталец Данте Алигьери. Зайцев позднее вспоминал: «Началось с Флоренции 1904 г., первой встречи с Италией. Собственно, я тогда почти ничего не знал о ней. Но как город этот сразу ударил и овладел, так и семисотлетний его гражданин Данте Алигьери Флорентиец. Не могу точно вспомнить,

² Зайцев Б.К. Дневниковая запись от 18.02.1926. С. 62.

³ Зайцев Б.К. Молодость – Россия // Зайцев Б. Дни. С. 13, 16.

но наверно знаю, что он поразил сразу – профилем ли, своей легендой, неким веянием над городом. Началась болезнь, называемая любовью к Италии, несколько позже и к самому Данте»⁴.

С тех пор Зайцевы бывали во Флоренции почти ежегодно: в 1907, 1908, 1910, 1911–1912 гг. – и всегда во Флоренции останавливались в одном и том же отеле – «Итальянская корона», рекомендуя его и всем своим знакомым: «С нашей легкой руки, стада русских оживляют скромные коридоры с красными половичками скромного albergo»⁵.

В годы литературной молодости, отвечая на вопросник для известного биографического словаря С.А. Венгерова, Зайцев считал важным отдельно отметить: «Не могу не прибавить, что одним из крупнейших фактов духовного развития были путешествия в Италию и страстная любовь к итальянскому искусству, природе и *городу Флоренции*. Не боясь преувеличить, автор этих строк мог бы сказать, что имеет две родины, и какая ему дороже, определить трудно»⁶. Это ощущение Борис Зайцев пронес через всю свою долгую жизнь. Спустя более чем полвека, незадолго до смерти, он напишет: «Если бы я верил в перевоплощение, то утверждал бы, что во Флоренции когда-то жил, и Данте был чуть ли не моим соседом». «Да, вот так получилось, что калужско-московско-тульского человека заполонил этот флорентиец средневековый! – подводил итог своим “отношениям” с Данте восьмидесятипятилетний Зайцев. – Не вру, действительно рядом жили и не один год, и в тяжелые времена»⁷.

В первые два десятилетия XX в. именно Флоренция стала главным объектом массового «культурного паломничества» в среде русской интеллигенции. В Петербурге начинателем этой традиции принято считать блестящего историка и педагога Ивана Михайловича

⁴ Зайцев Б.К. Семь веков // Русская мысль. 6.02.1965.

⁵ Действительно скромная гостиница «Итальянская корона» на углу Via Nazionale и Via del Agiento существует и в наши дни – я останавливался там во время одной из своих поездок. Кстати, хозяева и персонал отеля полностью в курсе его «русской истории» и поддерживают идею «Московского флорентийского общества» (есть в нашей столице и такое) установить на фасаде дома мемориальную доску в честь знаменитых постояльцев – Зайцева, Осоргина, Муратова и др. – примеч. А.А. Кара-Мурзы.

⁶ Из письма Б.К. Зайцева – С.А. Венгеру. 24.05.1912.

⁷ Из письма Б.К. Зайцева – Л.Н. Назаровой 12.03.1965.

Гревса; его преклонение перед Флоренцией разделили затем его ученики – такие корифеи русской мысли, как Лев Платонович Карсавин, Георгий Петрович Федотов, Владимир Васильевич Вейдле.

А в Москве «первым флорентийцем» стал Борис Зайцев, который быстро втянул в эту орбиту такую новую звезду, как, например, Павел Павлович Муратов, тогда увлекавшийся главным образом французской живописью, – автор ставших потом культовыми для интеллигенции «Образов Италии» – книги, которую он посвятил Зайцеву. В числе «новообращенных» оказались в 1910-х гг. и мои родные дед и бабушка – присяжный поверенный и знаток театра Сергей Георгиевич Кара-Мурза и его жена Мария Алексеевна, урожденная Головкина. Путевой дневник деда за 1913 г. свидетельствует: настольными книжками в их итальянском турне по стандартному для «русских пилигримов» маршруту «Венеция–Падуа–Флоренция–Рим–Неаполь» были сочинения Зайцева и Муратова – близких знакомцев по московским литературно-художественным салонам...⁸.

Сам Борис Зайцев неоднократно писал о той «почти религиозной роли», которую Италия сыграла в жизни его, Муратова, и других людей их круга: «Мы любили свет, красоту, поэзию и простоту этой страны, детскость ее народа, ее великую и благодатную роль в культуре. То, что давала она в искусстве и в поэзии, означало, что есть высший мир. Через Италию шло откровение творчества»⁹. Можно сказать, что Борис Зайцев стал одним из интеллектуальных лидеров процесса, важного для русского «Серебряного века», во многом спонтанного, но со временем все более акцентированного.

⁸ Отметим, что италофильские настроения Бориса Зайцева и Павла Муратова все-таки несколько разнились. Похоже, наиболее четко угадал эту разницу хорошо знавший обоих известный итальянский литературовед Этторе Ло Гатто: «Зайцев дал поэтическую картину окружавшей жизни; знание искусства помогало ему лучше чувствовать ее пульс. Несомненно, он читал “Образы Италии” Муратова, но при этом открыл, что тот шел от жизни к искусству, а не наоборот» (Э. Ло Гатто. Борис Зайцев // *Зайцев Б.* Звезда над Булонью. М., 1999. С. 547).

⁹ *Зайцев Б.К.* Письмо другу. С. 99. Напомню попутно тот факт, что другая культурная книга русского «Серебряного века» – «Смысл творчества» Николая Бердяева была написана именно во Флоренции и по свежим следам от ее посещения. (Подробнее об этом см.: *Кара-Мурза А.А.* Николай Александрович Бердяев и Евгения Казимировна Герцык // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. М., 2000. С. 205–219.)

Это характерный процесс размежевания двух пространств – «пространства власти» и «пространства культуры», создающегося в значительной степени переживаниями «паломничества» в Европу. То было движение, однозначно плодотворное для самоопределения русской культуры, но весьма неоднозначное для российской политики. Ведь значительная часть творческих сил периодически и иногда надолго как бы самоустранялась с арены политики, оставляя «один на один» официозное охранительство и нарастающий русский радикализм, другими словами, – Реакцию и Революцию.

Впрочем, было бы ошибкой говорить, что «образы Европы» и конкретно Италии были обречены на выстраивание в русском интеллигентском сознании «чистого пространства культуры». Параллельно этому в русском зарубежье конца XIX – начала XX в. активно формировалось и свое диссидентское «пространство власти» как политической альтернативы наличному русскому режиму. Если говорить конкретно об Италии, то ограничимся хотя бы примером «русского Капри», где в числе эмигрантов (от Плеханова до Чернова) перебивали целых четыре будущих большевистских наркома – Ленин, Дзержинский, Луначарский, Красин¹⁰. Здесь важно другое: это альтернативное русское «политическое пространство» пребывало и развивалось синхронно с итальянскими культурными паломничествами Зайцева, Муратова и других «русских культурников». Кстати, и Зайцев, и Муратов, судя по всему, заметно недолюбливали Капри, и это несмотря на фантастическую красоту этого места. Почти наверняка именно из-за риска столкнуться с политизированными русскими: этой политики, почему-то всегда тяготеющей к нетерпимости, им хватало и на родине¹¹.

В своем личном поиске предреволюционных лет, в своем разграничении пространств «власти» и «культуры» Борис Зайцев был предельно логичен и последователен: он предпочитает офи-

¹⁰ См. подробнее: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Неаполе. М., 2001. С. 12–13.

¹¹ Свой имидж именно «культурника», а не «политика» долгое время пытался поддерживать живущий на Капри Максим Горький. Известно, как он не раз чертыхался на толпы «бородатых русских», которые, проходя мимо окон горьковской виллы, считали своим долгом затянуть нестройным хором песню из пьесы «На дне»: «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно...». Подробнее см.: *Кара-Мурза А.А.* Алексей Максимович Горький // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Неаполе. С. 236–237.

циозному Петербургу провинциальную Москву, а петербургской сановной политике – культуру «прекрасной Италии». Характерно, что в самой Италии он явно отдает предпочтение «родине творчества» – Флоренции – перед Римом с его застывшим духом имперского величия. Но и в самом Риме для него не всё однозначно: он явно предпочитает демократический Форум («светлый и дневной») имперскому Палатину («темному и ночному»)¹². Двигает Зайцевым, судя по всему, не просто нелюбовь к политике: когда надо было отстоять свою общественную позицию, он делал это с редкой для интеллигента твердостью. Для Зайцева «политика» и «культура» – метафизически разнородные субстанции. Первая, как правило, – нивелировка, усреднение, забалтывание и омертвление смыслов. Вторая, напротив, – созидание, творчество, жизнь.

Борис Зайцев, либерал-христианин по натуре и умонастроению, свято ненавидевший фальшь имперского официоза, весьма недолголюбивал и «либеральствующую общественность». Чего стоит только его зарисовка с одного из популярных в начале века «банкетов» – на этот раз по случаю юбилея судебной реформы Царя-Освободителя: «Банкет в Эрмитаже по случаю сорокалетия Судебных уставов. Отличные уставы, гордость наша, но до чего же тоска была слушать честных стариков из “Русских ведомостей”... Все “на посту”, многозначительно разглаживают бороды, все в упоении от себя и уверены, что вполне могут спасти Россию от “надвигающейся черной реакции”. Потому, что знают, где “огоньки”, где “факелы в беспросветной мгле окружающего”. Будьте покойны, приведут, куда надо. Колонный зал “Эрмитажа”, триста интеллигентов, осетринка америкэн, сбившиеся с ног “человеки” в белых рубахах и штанах...» И характерная для «культурника» Зайцева концовка: «Нет, отсюда уж лучше улизнуть в Литературный кружок!»¹³.

При всем при этом Борис Зайцев – очевидно не интеллектуальный сноб и не воинствующий эстет. Его не интересуют искусственные сгущения «дистиллированной культуры»; он ищет реальных полнокровных проявлений культуры победившей и побеждающей.

¹² Зайцев Б.К. Рим // Зайцев Б. Звезда над Булонью. М., 1999. С. 479–483. См. об этом также: Кара-Мурза А.А. Борис Константинович Зайцев // Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме. М., 2000. С. 417–418.

¹³ Зайцев Б.К. Молодость – Россия. С. 12.

В России он видит прямо обратное: победу над творчеством и культурой «идеи власти» в разных ее ипостасях. В Италии, и в первую очередь во Флоренции, его особенно увлекает то обстоятельство, что здесь «идея культуры» стала настолько сильна, горда и независима, что оказалась способной великодушно принять и вместить и саму политику, когда-то, между прочим, предельно «темную», кровавую и тираническую.

Поразительно глубоки и интересны рассуждения Бориса Зайцева о культовом для флорентийцев месте сожжения диктатора Джироламо Савонаролы на площади Синьории. «Не раз бывало во Флоренции: был властелин, завтра растерзан. Но ныне огромная медаль выбита там (на месте казни Савонаролы. – А.К.), и в день годовщины, в середине мая, груды венков и цветов утишают боль этого сердца; дивные розы Флоренции и Фьезоле окаймляют его носатый профиль; профиль того, кто при жизни топтал их, но велико погиб и вызвал удивление и восторг веков»¹⁴.

Да, Савонарола был жестоким тираном, но так велика культурная сила Флоренции, что она и его, человека все-таки искреннего и верного гражданина города, готова взять под свое покровительство. Вот это особо поражает Зайцева: величие и великодушные культуры, способной принять политику как свою законную, пусть и не самую рафинированную часть. Во Флоренции политический изгнанник Данте стал со временем символом величия города. Данте парадоксальным образом принял казненного Савонаролу под свою опеку и тем самым победил его. «Казнь», которую так возненавидел одиннадцатилетний калужский гимназист Борис Зайцев, оказалось возможным победить – победить культурой.

Данте и Савонарола равно ушли в бессмертие – эту возможность и привилегию подарил им породивший их город. Флоренция для Зайцева – символ общеродового торжества человечества над смертью. Его любимое место во Флоренции – маленькое кладбище рядом с монастырем Сан-Миниато, там он всякий раз проводил вечер перед отъездом из любимого города: «Чёрные кипарисы, мрамор, решетки, гробницы, золотые надписи, часто ангелы крылатые изображены – и все это навсегда спит, но *над* её бессмертным телом. И цветут каждую весну розы на могилах, умирая сами; и дамы в трауре приезжают сюда, и плачут под этими кипарисами. В светлом вечере звонит коло-

¹⁴ Зайцев Б.К. Флоренция. Молодость // Зайцев Б. Дни. С. 442–443.

кол San-Miniato, а она всё лежит там у себя, туманеет вечерней дымкой, и вечно юны и древни эти острые колоколенки. Да, там жили, думали, творили, пламенели и сгорали тысячи душ; длинными рядами шествуют они со времен Данте. Все навсегда ушли отсюда. Но всегда живы и, как в дивную корону, вставили сюда свои алмазы... Скоро будет Флоренция засыпать; но наутро пробудится – как раньше, вечная и мудрая, лёгкая, бессмертная и стройная»¹⁵.

В 1915 г. Борис Зайцев издает свой знаменитый роман «Дальний край», в котором Италия и в первую очередь Флоренция является не просто фоном, а важным содержательным элементом действия. Вот, к примеру, фрагмент, когда главные герои, Петр и Лизавета, впервые приезжают поездом во Флоренцию: «Петя отворил окно, и в бархатной ночи, в звездах над горами, в сонной переключке служащих на станции – и особенно в щелканье соловья из кустов – он почувствовал такое дорогое и родное, что захотелось плакать. Всё здесь его, казалось ему; всё ему принадлежит. Его сердце принимает в себя весь этот новый, так мало еще известный, но уже очаровательный мир...». И далее: «Лишь только они слезли во Флоренции, увидели Santa-Maria Novella с острой колоколенкой, увидели флорентийцев, флорентийские дома с зелеными ставнями, услышали крики ослов и звон флорентийских кампанилл, – оба сразу поняли, что это их город... Монахи, торговцы, уличные ораторы, запахи овощей на рынке, серый камень дворцов, лоджия Орканьи, где спят среди статуй флорентийцы, щелканье бича, рубиновое вино, бессмертие искусства – это Флоренция, это принадлежало им». Налицо в беллетризованной форме любимый лейтмотив Зайцева – «главного русского флорентийца» и поклонника Данте: Флоренция – это «вторая родина» для русского культурного человека.

В разгар первой мировой войны Зайцев, по совету Павла Муратова, начал работу над ритмическим переводом «Ада» из «Божественной комедии» Данте. К этому переводу он будет воз-

¹⁵ Зайцев Б.К. Флоренция. Молодость. С. 35. Кладбище рядом с монастырем Сан-Миниато навеяло аналогичные чувства и другому русскому италофилу, В.В.Вейdle, полагававшему, что и во всей Флоренции, но здесь, у Сан-Миниато, особенно «самую смерть нельзя помыслить старухой»: «Если и встретишь ее, бродя среди жизнерадостно-многоречивых могильных плит, то не в образе скелета с разящей косой, а в виде отрока, опрокинувшего факел, – такой, как после греков, в первые века христианства видели ее: знамением, преддверием бессмертия» (см.: Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Флоренции. С. 21).

вращаться в самые тяжелые годы своей жизни и окончательно завершит работу только в глубокой старости: «Дважды приходилось бросать всё, скрываться на время, но на столе все стоял белый гипсовый Данте, всё смотрел безучастно-сурово, с профилем своим знаменитым, во флорентийском колпаке, на возню дальнего потомка русского вокруг его текста»¹⁶.

Летом 1916 г. тридцатипятилетний Борис Зайцев, «ратник ополчения второго разряда», был призван в армию, а в декабре стал юнкером ускоренного выпуска Александровского военного училища. В июле 1917 г. артиллерийский прапорщик Зайцев, тяжело заболевший пневмонией, получил отпуск и приехал для лечения в имение отца Притыкино Каширского уезда Тульской губернии. Именно там он с опозданием узнал о большевистском перевороте: «Мне не дано было ни видеть его, ни драться за свою Москву на стороне белых»¹⁷.

Понятно и отношение Бориса Зайцева к большевистскому перевороту: он воспринял его как тотальную победу в России «идеи власти» над «идеей культуры». Но то, как остающийся пока в России Зайцев защищал этот сильно сократившийся плацдарм культуры в окружении наступающего пространства новой власти, заслуживает уважения и восхищения.

Уже в ноябре 1917 г. Борис Зайцев, один из самых авторитетных русских писателей, активно включился в общественную и литературную жизнь Москвы. Ему особенно претили покушения отечественных «савонаролов» на свободу мысли и слова. В те дни он писал в газете Клуба московских писателей: «Гнет душит свободное слово. Старая, старая история... Жить же, мыслить, писать будем по-прежнему. Некого нам бояться – служителям слова. Нас же поклонники тюрем всегда боялись. Ибо от них и их жалких дел останется пепел. Но бессмертно слово. И осуждает. Ни сломить, ни запугать его нельзя»¹⁸. А 16 ноября 1917 г. Зайцев публикует получившее широчайшую известность «Открытое письмо» наркому Луначарскому, с которым некогда прятельствовал во время

¹⁶ Зайцев Б.К. Семь веков // Зайцев Б. Дни. С. 365.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Кара-Мурза А.А. Борис Константинович Зайцев: культура против большевизма // Наше либеральное наследие. М., 2004. Вып. 1. С. 179–180.

¹⁸ Зайцев Б.К. Слову – свобода // Зайцев Б. Дни. С. 29.

итальянских путешествий (в 1907 г. они даже жили во Флоренции в одном отеле – той самой «Итальянской короне» неподалеку от знаменитой церкви Сан-Лоренцо).

Письмо Зайцева стало своего рода манифестом о необходимости решительного размежевания русской культуры и большевистской диктатуры: «Милостивый государь Анатолий Васильевич! В мае 1907 г. во Флоренции нам приходилось встречаться довольно часто, вместе бродить по городу, который вы любили, беседовать об итальянских художниках... Прошло десять лет. Ныне, игрой фатальных общественных обстоятельств, вы сделали «министром»... Вы не протестовали против цензуры социалистических газет, против принятого центральным комитетом вашей партии решения о закрытии всех «буржуазных» газет – вы, русский писатель!... Остается предположить, что в вас есть черты, которых я не замечал, прискорбные черты нравственной одичалости. Всякой снисходительности пределы есть. Нельзя быть писателем и дружить с полицейскими. Сколь ни печально и ни тяжело это, все же должен признать, что с такими «литераторами», как вы, мы, настоящие русские писатели, годами работающие под стягом искусства, просвещения, поэзии, – общего ничего иметь не можем»¹⁹.

Революционные и первые послереволюционные годы были драматическими для Зайцева. В Февральскую революцию был растерзан бесчинствующей толпой его племянник Юрий Буйневич – офицер Измайловского гвардейского полка. Через два года умер отец. Чекистами был арестован и расстрелян его пасынок Алексей Буйнов. В первые послереволюционные годы ушли из жизни друзья Зайцева – Л. Андреев, С. Глаголь, Ю. Бунин, В. Розанов, А. Блок. Зайцев вспоминал о том времени: «Убогий быт Москвы, разобранные заборы, тропинки через целые кварталы, люди с салазками, очереди к пайкам, примус, пшенка без масла и сахара, на которую и взглянуть мерзко. Именно вот тогда я довольно много читал Петрарку, том “Canzonieri” в белом пергаментном корешке, который купил некогда во Флоренции, на площади Сан-Лоренцо... Думал ли я, что эта книга будет меня согревать в дни господства того Луначарского, с которым во Флоренции мы по-богемски жили, пили кьянти и рассуждали о Боттичелли? Да, но тогда времена были в некотором смысле младенческие...»²⁰.

¹⁹ Зайцев Б.К. Давнее. Луначарский. Каменев // Русская мысль. Париж. 5.11.1960.

²⁰ Там же.

Именно в те годы «русский флорентиец» Борис Зайцев во всей полноте проявил во многом потаенные до времени свойства своей природы, которые позволили ему стать безоговорочным лидером свободной русской литературы сначала в большевистской Москве, а потом и в эмиграции. В 1921 г., когда избирали Председателя Союза писателей, большевистские «кураторы» всюду лоббировали кандидатуру Максима Горького, но тайным голосованием Правления (всеми голосами против одного) был избран Зайцев. Его заместителями стали Николай Бердяев и Михаил Осоргин.

Постепенно открытая политическая борьба в Советской России становилась все менее возможной, но какое-то время можно было еще находить и удерживать отдельные анклав культуры. Борис Зайцев написал в те первые послереволюционные годы свои знаменитые очерки о городах Италии. В предисловии к этой книге есть характерные слова: «В самый разгар террора, крови автор уходит, отходит от окружающего – сознательно это не делалось, это просто некоторая “*evasion*” (бегство), вызванная таким “реализмом” вокруг, от которого надо было куда-то спастись»²¹.

В своих «итальянских очерках», написанных вдали от Италии, Зайцев противопоставляет темноте и тлену окружающей его советской повседневности светлую гармонию бессмертной Флоренции: «Есть в ней нечто от древней, бессмертной гармонии, где всё на месте, всё нужно и в мудром сочетании принимает побудительный, неуязвимый оттенок. Таково впечатление: *тлен* не может коснуться этого города, ибо какая-то нетленная, объединяющая идея воплотилась в нем и несет жизнь. Называли Флоренцию Афинами; это понятно и верно, это сродно самим богам ионическим, эллинской кругообразности, светлости мрамора; только плюс христианство, которым многое *ещё* осветлено, еще оласковано»²².

Очерки, написанные в Притыкино зимой 1918–1919 гг., имели немного шансов быть опубликованными в России. Но для Зайцева не это было главным. «Я кончаю свою итальянскую книжку, – писал он весной 1919 г. И.А.Новикову. – Она поддерживала меня этой

²¹ Зайцев Б.К. О себе (1947). К слову сказать, что уже упоминавшаяся в этом тексте моя родная бабушка по отцу Мария Алексеевна, дочь купца 1-й гильдии, в совершенстве знавшая три иностранных языка, в годы террора и голода перевела в Москве книгу именно об итальянской культуре – «Венеция в XVIII в.» Филиппа Монье.

²² Зайцев Б.К. Флоренция. Молодость. С. 28–30.

ужасною зимой; в ее мире светлом я сколько-нибудь мог дышать... Но когда все это *выйдет*? Через 3–5 лет? “Посмертными произведениями”? Все равно. Это сейчас жизнь моя. Еще привожу в культурный вид малинник. Этим делом занимался и Ариосто, которого читаю, и нахожу, что он на меня похож. Хороший был писатель, дай Бог ему Царства Небесного»²³.

Позднее, уже в эмиграции, Зайцев вспоминал об одном случае, как он в мае 1919 г. читал в саду интеллигентского особняка в центре Москвы главы из своей работы о Рафаэле: «Я читал за столом, вынесенном из дома под зеленую сень, в оазисе среди полуразрушенной и полуголодной Москвы, в остатке ещё человеческой жизни, среди десятка людей элиты – слушателями были, кроме хозяйки, Вячеслав Иванов, Бердяев, Георгий Чулков. Помню, когда я закончил, солнце садилось за Смоленским бульваром... Помню удивительное ощущение разницы двух миров – нашего, с этим золотящимся солнцем, и другого»²⁴.

В апреле 1918 г. в Москве был создан Институт итальянской культуры – «**Studio Italiano**», **основателями которого были работавший** в библиотеке Румянцевского музея итальянец Одоардо Кампо и Павел Муратов. Кружок стал бесценным пристанищем высокой культуры в большевистской Москве. Зайцев с первых же дней стал активным участником институтских сессий и неоднократно выступал там с докладами на итальянские темы. О подготовке к одной из таких лекций, посвященной все тому же Данте Алигьери, Зайцев вспоминал: «Итак, иду читать. Для этого надо бы купить манжеты, неудобно иначе. Захожу в магазин. В кармане четыре миллиона. Манжеты стоят четыре с половиною. Ну, почитаем и без манжет...»²⁵.

А вот еще одна грань жизни Б.Зайцева того времени: вместе с М.Осоргиным, М.Линдом, Н.Бердяевым, Б.Грифцовым, М.Дживелеговым он приобщается к работе так называемой «Книжной лавки писателей» – букинистического магазина, еще одного островка культуры посреди тусклой и холодной Москвы. Зайцев вспоминал: «Огромная наша витрина на Большой Никитской имела приятный вид: мы постоянно наблюдали, что-

²³ Из письма Б.К.Зайцева – И.АНовикову 4.06.1920.

²⁴ *Зайцев Б.К.* О себе. С. 10.

²⁵ *Зайцев Б.К.* Москва 1920–1921 // *Зайцев Б.* Дни. С. 21.

бы книжки были хорошо разложены. Их набралось порядочно. Блоковско-меланхолические девицы, спецы или просто ушастые шапки останавливались перед выставкой, разглядывали наши сокровища, а то и самих нас... Летом над зеркальным окном спускали маркизу, и легонькие барышни смотрели подолгу, задумчиво, на нашу витрину. С улицы иногда влетала пыль»²⁶. Бывало, что литераторы-компаньоны переписывали собственные сочинения от руки, переплетали и даже сами иллюстрировали обложки. Уже в эмиграции Зайцев как-то припомнил, что за изготовленный им таким образом сборничек итальянских эссе он получил «аж 15 тысяч рублей (фунт масла)»²⁷.

Наблюдения над большевистской повседневностью, размышления о драматической судьбе России снова и снова выводили мысли Зайцева к теме любимого им Данте. Он всерьез задавался вопросом, как бы отнесся флорентийский поэт-изгнанник к новейшим катаклизмам, переживаемым человечеством? Что бы его поразило, а к чему бы он отнесся печально-равнодушно? «Борьба классов, диктатура, казни, насилия – вряд ли бы остановили внимание (Данте. – *А.К.*), – рассуждал Зайцев. – Флоренция его века знала *porolo grasso* (буржуазия) и *porolo minuto* (пролетариат) и их вражду. Борьба тоже бывала не из легких. Тоже жгли, грабили и резали. Тоже друг друга усмиряли...» Тут Зайцев с усмешкой вспомнил, как во Флоренции ему показали старинный дом, где в XIV в. располагался штаб плебейского восстания «чомпи» – «первый Совет рабочих депутатов». Другое дело, что «Данте не знал “техники” нашего века, его изумили бы автомобили, авиация...». Но, главное, «удивила бы открытость и развязность богохульства... Некрасота, грубость, убожество Москвы революционной изумили бы флорентийца. Вши, мешочники, мерзлый картофель, слякоть... И люди! Самый наш облик, полумонгольские лица... Данте был флорентийский дворянин, – подытоживает Зайцев. – Он ненавидел “подлое”, плебейское, в каком бы виде ни являлось оно. Много натерпелся от хамства разжиревших маленьких “царьков” Италии. Не меньше презирал и демагогов. Что стало бы с ним, если бы пришлось ему увидеть нового “царя” скифской

²⁶ Зайцев Б.К. Веселые дни 1920–1921 // Зайцев Б.К. Дни. С. 128.

²⁷ Там же.

земли – с калмыцкими глазами, взглядом зверя, упрянца и сумасшедшего? Дантовский профиль на бесчисленных медалях, памятниках, барельефах треснул бы от возмущения...»²⁸.

Поразительно, но время показало, что до поры предельно аполитичный литератор Зайцев, обожатель Италии и апологет высокой культуры, на всех жизненных развилках занимал принципиальную политическую позицию. В 1921 г., **вопреки интригам** некоторого количества большевистствующих литераторов, Зайцев был подавляющим большинством голосов избран председателем московского Союза писателей. Летом того же года он вошел во «Всероссийский комитет помощи голодающим» (Помгол). Через несколько недель был арестован ВЧК по обвинению в «антисоветской деятельности» вместе с М.Осоргиным, П.Муратовым и др., но вскоре выпущен. Для развлечения себя и других Зайцев и другие заключенные читали в лубянской камере друг другу лекции на темы литературы и искусства. В мемуарной новелле с ироническим названием «Сидим» Зайцев вспоминал: «Было утро, солнечный день. Я говорил о русской литературе, как вдруг в камеру довольно бурно и начальственно вошло двое чекистов. В руке одного была бумажка. По ней он так же громко и бесцеремонно, прерывая меня, прочел, что я и Муратов свободны, можем уходить... Но, вероятно, подсознанию не понравилось вторжение “постороннего тела”, да еще грубоватого, прерывающего меня, я ответил почти недовольно: “Ну да, вот кончу сперва лекцию...”»²⁹.

А потом пришло «знамение свыше», подтвердившее, что в момент жизненного выбора он, русский литератор Борис Зайцев, нашел единственно верный путь культурного самостояния. Весной 1922 г. писатель **тяжело заболел в Москве сыпным тифом**; двенадцать суток находился без сознания – врачи считали положение безнадежным. Дочь Зайцевых, Наталья Зайцева-Соллогуб, вспоминала: «Мама беспрестанно молилась. В страшную тринадцатую ночь она положила папе на грудь иконку Св. Николая Чудотворца, которого особенно чтילה, и просила Господа о спасении папы. Произошло невероятное: утром к нему вернулось сознание...»³⁰.

²⁸ Зайцев Б.К. Москва 1920–1921. С. 22.

²⁹ Зайцев Б.К. Дни. С. 137.

³⁰ Там же.

Выживать людям с такой репутацией и такого масштаба, как Борис Зайцев, в Совдепии становилось все менее возможным. «Пространство власти» исторгало из себя неугодных. Оставалось по сути два выхода: добровольный или принудительный отъезд из страны. Летом 1922 г. Зайцев с женой и десятилетней дочерью Натальей выехал за границу. Официально – «для лечения», но, как оказалось, навсегда. В мемуарном очерке «Москва сегодняшняя» Зайцев вспоминал: «Март двадцать второго года – тяжелая болезнь, едва не уложившая. Бритая голова, аппетит, выздоровление – апрель. Май – пыль на московских улицах, бесконечные обивания порогов в комиссариатах... Стараемся держаться крепко, бодро: уезжаем на год, самое большое на полтора. Дела в России идут лучше, НЭП приведет всё к “естественному состоянию”; одолеют свобода и здравый смысл. Мы и вернемся: подлечимся, побываем в Италии, да и домой... Разгромленная комната, где я умирал, чемоданы, извозчики, медленная езда через всю Москву, на Виндавский вокзал... В этот день судят эсеров. Толпа перед бывшим Дворянским Собранием. Манифестации ходят по улицам – требуют кровушки. Печально покидаем мы Москву...»³¹.

После лечения в Германии Б.Зайцев осенью 1923 г. провел три месяца в Италии: группа русских лекторов-эмигрантов (в нее кроме Зайцева входили также Н.Бердяев, П.Муратов, М.Осоргин, С.Франк, Б.Вышеславцев и др.) была приглашена в Рим славистом Этторе Ло Гатто. Встретились русские изгнанники, люди «одной крови». Зайцев до конца жизни вспоминал это «эмигрантское братство»: «Мы были пришельцами из загадочной страны. Наша жизнь в революцию для них (слушателей) фантастична. Голод и холод, чтения в шубах об Италии (*Studio Italiano Муратова*), торговля наша в лавках писателей, книжки, от руки писанные за отсутствием (для нас) книгопечатания, наши пайки, салазки, на которых мы возили муку, сахар, баранину академического пайка – все это воспринималось здесь как быт осады Рима при Веллизарии...»³².

Ситуация в России не позволила Зайцевым вернуться в Россию. Не реализовались и их планы обосноваться в любимой Италии: помешала муссолиниевская диктатура. Неожиданно для

³¹ Зайцев Б.К. Дни. С. 482.

³² Зайцев Б.К. Латинское небо. Чтения // Зайцев Б. Мои современники. М., 1999. С. 263.

многих Италию, казалось бы, уже победившего Данте, сменил режим «нового Савонаролы». Вспоминая Италию 1922 г., Зайцев в очерке «Латинское небо» написал об итальянских фашистах: «На родине мы навидались товарищей. Эти – тоже товарищи, только навыворот...»³³. И перед новым, 1923-м годом, Зайцев покинул Италию и уехал во Францию.

В 1926 г. разошелся Борис Зайцев и с Максимом Горьким, которому когда-то симпатизировал: они (как ранее в случае с Луначарским) оказались все-таки принадлежащими к разным «пространствам». Поводом к интеллектуальному разрыву стал некролог Горького на смерть Феликса Дзержинского, в котором «совершенно ошеломленный» Горький вспоминал о «душевной чуткости и справедливости» умершего. «Ошеломленный» в свою очередь Зайцев не поспешил на оценки коллеги-литератора, теперь уже «бывшего»: «Двусмысленный, мутный и грубый человек, очень хитрый и лживый», «при случае он отречется от своих слов, если это выгодно». И вывод: «Грустно одно, что друг палачей, восхвалитель Лениных и Дзержинских, разбогатевший пролетарий и человек весьма темной репутации, грязнит собою русскую – *русскую!* литературу. Грустно, что этот недостойный литератор в глазах Европы и прочих стран является каким-то претендентом на литературный русский трон. А между тем, надо сказать прямо: письмо о Дзержинском есть основание, чтобы поднять вопрос: да можно ли вообще считать такого человека “в ограде литературы””? Ведь и Менжинский литератор, если не ошибаюсь, даже беллетрист! А, может быть, и сам покойник (Дзержинский) писал сантиментальные стишки? Нельзя никому запретить быть мерзавцем. Но в целях ясности следовало бы точнее разграничиться: писатели, скажем, составляют свой союз, спекулянты свой, чекисты – тоже свой»³⁴.

Эмиграция оказалась для Бориса Зайцева плодотворной в творческом отношении. Он написал несколько романов, беллетризованные биографии Жуковского, Ивана Тургенева, Чехова, большое количество рассказов и мемуарных очерков. В годы второй мировой войны в оккупированном немцами Париже он снова воз-

³³ Зайцев Б.К. Латинское небо. Ход истории // Зайцев Б. Мои современники. С. 265.

³⁴ Зайцев Б.К. Дни. С. 72–73.

вращается к переводу «Ада» Данте. Во время англо-американских бомбежек летом 1943 г. **Зайцев всякий раз брал драгоценные рукописи в бомбоубежище: «Когда сирены начинают выть, рукопись забирается, сходит вниз, в подвалы... Ну что же, “Ад” в ад и опускается, это естественно. Минотавров, Харонов здесь нет, но подземелье, глухие взрывы, сотрясение дома и ряды грешников, ожидающих участи своей, – всё, как полагается. С правой руки жена, в левой “Божественная комедия”, и опять тот, невидимый, многовековой и гигантский, спускается с нами в бездны, ему знакомые. Но он держит... Все это видел, прошел и вышел...»**³⁵.

Тут надо сделать небольшое, но важное отступление. Культ Данте Алигьери как символа общечеловеческой культуры, противостоящей тлену и смерти, был присущ многим выдающимся русским, находящим в Данте утешение и поддержку в самые трудные минуты. ...По пути в ссылку Александр Герцен перечитывал «Божественную комедию» и находил, что стихи Данте «равно хорошо идут к преддверию ада и к сибирскому тракту». Там же, в ссылке, Герцен ставил домашние спектакли – «живые картины» по мотивам Данте, где, разумеется, сам исполнял главную роль... Анна Ахматова, будучи во время войны в эвакуации в Ташкенте, любила декламировать наизусть терцины «Божественной комедии» по-итальянски. Близкие вспоминали, какой подъем охватил ташкентскую литературно-художественную колонию, когда в разгар войны Ахматова зачитала телеграмму от своего друга Михаила Лозинского об окончании им перевода дантовского «Рая»...³⁶.

Еще более поразительна человеческая стойкость другого «русского флорентийца» – историка, философа и богослова Льва Карсавина. В лагере Абезь (Коми), куда он в 1950 г. был отправлен по приговору Особого совещания «за антисоветскую деятельность», быстро распространилась молва о нем как о христианском мудреце и духовном учителе. Продолжая работать, Карсавин записывал свои мысли ритмическими периодами, подражая Петрарке и Данте. Сосед по лагерному барaku оставил воспоминания о последних неделях умирающего учителя: «После завтрака он устраивался в кровати. Согнутые в коленях ноги и кусок фанеры на них служили ему как бы пюпитром. Осколком стекла он оттачивал

³⁵ Зайцев Б.К. Дни. С. 366.

³⁶ См.: Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Флоренции. С. 10.

карандаш, неторопливо расчерчивал линиями лист бумаги и писал – прямым, тонким, слегка проявлявшим дрожание руки почерком. Писал он почти без поправок, прерывая работу лишь для того, чтобы подточить карандаш или разлиновать очередной лист. Прежде всего был записан венок сонетов, сочиненный на память в следственной тюрьме... Закончив работу над сонетами, Карсавин продолжил стихотворное выражение своих идей в терцинах...»³⁷.

В годы эмиграции Борис Зайцев, никогда не нарушая бесконечно ценимой им мистической связи с Данте, неоднократно пытался ответить на вопрос, который он считал едва не решающим. А кто в русской культуре мог бы стать аналогом флорентийца Данте, быть символом борьбы русского национального жизнотворчества против косности и гниения? Всякий раз мысль закономерно приводила литератора-эмигранта к Александру Сергеевичу Пушкину, которому Зайцев посвятил ряд глубоких текстов. В статье «Пушкин в нашей душе» (написана в 1924 г., издана в 1925 г.) Зайцев обращает внимание на знаменательный факт: в «канунной России», на пороге испытаний войнами и революциями, в русской литературе обострилась борьба за интерпретацию пушкинского наследия. Одним из главных защитников Пушкина выступил русский символизм, в котором «жила традиция большой духовной культуры, и была она во многом пушкинскому времени созвучна»³⁸. Напротив, «восставший на Пушкина» футуризм был, согласно Зайцеву, «ранним сигналом того мрачно-грубого и механически спортивного, что дало “великую” войну и “великую” революцию»³⁹. Эта «схватка за Пушкина», первоначально пребывавшая в «пространстве культуры», но выплеснувшаяся затем в политику, была естественна и характерна: «Как станут дружить духи тления с духами жизни? Пушкин – поэзия, и облегченность, и улыбка, космос; футуризм – развал и гибель... Кто за Пушкина, нельзя быть с мертвецами и слепыми»⁴⁰.

«Погрубение» (выражение Зайцева) сначала литературы, а потом и «всей жизни» обозначило сначала литературную, а затем и политическую победу футуризма. «Мы в нем и посейчас, – конста-

³⁷ См.: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. С. 22–23.

³⁸ *Зайцев Б.К.* Пушкин в нашей душе // *Зайцев Б.* Дни. С. 36.

³⁹ Там же. С. 36.

⁴⁰ Там же.

тирует Зайцев. – Если под современностью разуместь аэропланы, бокс, кинематограф, спортивные романы, комсомольство и тому подобное, то ясно, что такая современность должна Пушкина отбросить. Поэзии с наглежащей материей не по дороге... Натурам более глубоким снова придется спускаться в катакомбы»⁴¹.

Характерно, что Зайцев все время поверяет значение Пушкина своим итальянским опытом. Пушкин, как ранее Данте и Флоренция, становится для Зайцева камертоном культуры и залогом ее будущей победы: «Кто с Пушкиным дружит, тому стыдно писать плохо, вот так возбуждающе-оздоровляюще он действует на артиста. Противоядие всякой растрепанности и неряшливости, преувеличенно, болтовне нервической. Смерть провинциализму, доморощенности. Пушкин обяывает, и в его присутствии, как во Флоренции перед Palazzo Vecchio... неловко писать под Демьяна Бедного»⁴². Пушкин, по мысли Зайцева, становится для России тем, кем был Данте для объединяющейся Италии: «Пушкин, думаю, для всех сейчас – лучшее откровение России. Не России старой или новой: *истинной*. Когда Италия объединялась, Данте был знаменем национальным. Теперь, когда России предстоит трудная и долгая борьба за человека, его волю и достоинство, имя Пушкина приобретает силу знамени»⁴³.

...Бориса Зайцева принято считать крупнейшим русским религиозным писателем. Это, безусловно, верно. Будучи, несомненно, искренне верующим христианином, Зайцев был и до конца жизни остался христианским либералом. Взыскуемая им «христианская общность» не была безличностной корпорацией, нивелирующей и растворяющей в себе человеческие индивидуальности. Подобно позднему Герцену, Зайцев, судя по всему, мечтал о такой христианской общности, в которой, напротив, Личность способна была найти наивысшее выражение. Девизом Зайцева был сформулированный им самим тезис: «Да не потонет личность человеческая в движениях народных!» Вот что написал, например, Зайцев после кончины своего друга и коллеги Вячеслава Иванова (в 1948 г., за несколько месяцев до смерти Иванова, Зайцев с женой сумели навестить его в Риме): «Был он представителем особенным, культурой даже пере-

⁴¹ Зайцев Б.К. Пушкин в нашей душе // Зайцев Б. Дни. С. 36.

⁴² Там же. С. 38.

⁴³ Там же. С. 39–40.

груженным, довоенной России в литературе: поэт, ученый, утонченнейший стилист и провозвестник не индивидуализма самозаключенного, а “органической эпохи”, “соборности” – вот о чем мечтал, живя в России, несшейся неудержимо к такой «соборности», от которой сам он в некий срок на всех парах выплыл в Италию»⁴⁴.

Важно учитывать также, что источником религиозности в творчестве Зайцева во многом также стала... Италия. Прорыв италофила Зайцева к образу Святой Руси в эмиграции не был внезапным и одномоментным. Представляется, что важнейшим мостиком в религиозном обновлении писателя стали размышления об итальянском городке Ассизи – родине св. Франциска. Когда-то, во время одного из своих итальянских паломничеств, Борис Константинович вместе с Верой Алексеевной посетили по дороге из Римини в Перуджу этот умбрийский городок и оценили его потаенно-мистическую суть.

В сборнике итальянских очерков, написанном холодной послереволюционной зимой 1918 г. в Притыкине, главка «Ассизи» стоит особняком, выделяясь особо интимным, сокровенным тоном: «Это была страна Святого, безбрежная и кроткая тишина, что составляет душу Ассизи, что вводит весь строй в ту ясность, легкость и пльвучесть, когда уходят чувства мелкие и колющие – дальше становится своим, любимым. Да, позабудешь все тревоги, огорчения, надломы, только смотришь, смотришь! С этой минуты, открывшей мне Ассизи, я его полюбил навсегда, без оговорок, без ограничений...»⁴⁵. Текст очерка показывает, что автор по-прежнему весь находится во власти Данте и не может отрешиться от этой мистической связи даже рядом с католической святыней – могилой св. Франциска: «И лишь Данте недостает в S. Francesco, чтобы дать полное созвучие *мистического средневекового* Италии»⁴⁶. Зайцев не удерживается и от ссылки на слова из «Божественной комедии» Данте, где высоко ценивший св. Франциска флорентийский поэт-изгнанник уподобляет Ассизи «Востоку», «откуда солнце некое возшло над миром»⁴⁷. Однако притыкинский очерк об Ассизи уже

⁴⁴ Зайцев Б.К. Молодость. Россия. С. 15.

⁴⁵ Зайцев Б.К. Ассизи // Зайцев Б. Звезда над Булонью. М., 1999. С. 534.

⁴⁶ Там же. С. 536.

⁴⁷ Там же. С. 540–541. Имеются в виду слова Данте: Чтоб это место имя обрело, // «Ашези» – слишком мало бы сказало; // Скажи «Восток», чтоб точно подошло (Рай, Песня XI. Пер. М.Лозинского).

не просто конструирует мыслительное пространство культуры, но повествует о целой гармоничной «мистической стране». В очерке «Ассизи» автор вспоминает, как обозревал долину Умбрии с террасы отеля «Джотто»: «Невидимо идет время, очень легко, светло, но это вообще свойство Ассизи – давать жизни какую-то музыкальную, мечтательную прозрачность. Поистине дух монастыря, самого возвышенного и чистого, сохранялся здесь. Кажется, тут трудно гневаться, ненавидеть, делать зло. Здесь нет богатого красками, яркого зрелища жизни. Тут если жить – то именно как в монастыре: трудясь над ясною, далекой от земной сутолоки работой, посещая службы, совершая прогулки по благословенным окрестностям. И тогда Ангел тишины окончательно сойдет в Душу, даст ей нужное спокойствие и чистоту»⁴⁸.

Более того, Ассизи – «Страна Святого» – видится Б.Зайцеву некоторой социальной идиллией, порождающей и удерживающей особый человеческий тип – не элитарно-богемный, а вполне массовый, особенно притягательный для Зайцева в переживаемый им период русской катастрофы: «Встречаешь по дороге крестьян, возвращающихся с работы. Они имеют утомленный вид, но с отпечатком того изящества и благородства, какой покоится на земледельце Италии. Почти все они кланяются. Я не вижу в этом отголоска рабства и боязни. Некого здесь бояться; и не перед скромным пилигримом, странником по святым местам унижаться гражданину Умбрии. Мне казалось, что просто это дружественное приветствие, символ того, что в стране Франциска люди друг другу братья»⁴⁹. И, наконец, итоговый вывод: «Хорошо жить в Ассизи. Смерть грозна и страшна везде для человека, но в Ассизи принимает очертания особые – как бы легкой, радужной арки в Вечность»⁵⁰.

К теме «Ассизи – Святой земли» Борис Зайцев возвратился затем в эмиграции. Однажды на его парижский адрес пришло письмо от некоего русского певца, который в составе русского вокального квартета выступал в Перудже (столицы Умбрии) с русскими церковными песнопениями; в письме перечислялось: ««Отче наш»

⁴⁸ Зайцев Б.К. Ассизи. С. 539. К слову сказать, исторический отель «Джотто» в Ассизи, почти в нетронутом со времен Зайцева виде, существует и в наши дни. – А.К.

⁴⁹ Там же. С. 540.

⁵⁰ Там же. С. 541.

знаменного распева, «Свете тихий» киевского, «Пасхальные песнопения» валаамского» и т. д.». Зайцев был обрадован и потрясен: его корреспондент, очевидно, был в курсе италофильских пристрастий русского писателя: «К нам доходил и доходит, и будет доходить несмотря ни на что, свет их Франциска. Но вот и они слушали сначала со вниманием просто, а потом с умилением, а в конце и с восторгом – с итальянской горячностью выражавшимся – слушали наши напевы, голос русской религиозной души (и русского понимания красоты)... Вот, значит, в Перуджии, рядом с Ассизи, смиренно показывали наши певцы Русь Италии. Да, пора, пора! И настоящую. И в тишине. Слишком привыкли мы за последнее время к шуму, самовосхвалению. Бахвальство утомительно, невыносимо. Да к земле святого из Ассизи вовсе не идет». Зайцев далее полностью соглашается со словами из итальянской газетной рецензии, приложенной к письму: ««Какая страна, кроме Умбрии наших святых, могла бы лучше понять музыку, столь глубоко мистическую?»».

Зайцев тогда снова вспомнил о старой поездке: «Вечером, на заре, выходя из Ассизи на прогулку, проходили мы тихими дорогами, среди виноградников, яблонь, оливок, при мелодическом перезвоне колоколов. И когда встречали крестьян, было такое чувство, что и эти простые, трудолюбивые люди, правда, ведь они братья наши, хоть и верим на разных языках, да и вера не совсем одна. И почтительно друг с другом раскланивались. Да, радостно узнать, что край святого все такой же, как и надо, и душа его отзывается голосу Руси вечной»⁵¹.

Без учета работ Бориса Зайцева об Ассизи и св. Франциске невозможно понять его позднейшие «паломнические очерки» о посещениях православных святых Афона и Валаама, его знаменитую работу о св. Сергии Радонежском и т. д.

Вера Алексеевна Зайцева скончалась в Париже в 1965 г. В течение восьми последних лет она была разбита параличом – духовной опорой Зайцевым в те годы служили воспоминания о совместных поездках в Италию...

Борис Константинович прожил еще семь лет. За несколько месяцев до смерти произошла трагикомическая история с визитом в Париж Леонида Брежнева. Советское посольство настояло тогда перед французскими властями на необходимости максимально

⁵¹ Зайцев Б.К. Русь в Умбрии // Зайцев Б. Дни. С. 242–243.

оградить высокого гостя от возможных провокаций со стороны... русских эмигрантов. Десятки русских были временно выселены из Парижа, а 90-летнего Зайцева было решено интернировать в его собственной квартире под присмотром полиции. Сам Борис Константинович потом много потешался над этим случаем, подтверждающим, что большевистские власти далекой России не только помнят о нем, но и побаиваются его авторитета и влияния.

В конце жизни Борис Зайцев, в течение последних двадцати пяти лет своей жизни бывший бессменным председателем Союза русских писателей за рубежом, поместил текст-напутствие русской молодежи в эмигрантском сборнике «Старые – молодым»: «Юноши, девушки России, несите в себе Человека, не угашайте его! Ах, как важно, чтобы Человек, живой, свободный, – то, что называется Личностью, – не умирал... Пусть будущее все более зависит от действий массовых... но да не потонет личность человеческая в движениях народных. Вы, молодые, берегите личность, берегите себя, боритесь за это, уважайте образ Божий в себе и других»⁵².

Оставаясь лидером русской культуры в эмиграции, Борис Зайцев внимательно следил за тем, что происходит в России. В свое время он дал путевку в литературную жизнь юному Борису Пастернаку, вел переписку с ним, с Ахматовой, с Паустовским. Он не отлучал культуру, оставшуюся под большевиками, от большой русской культуры.

Б.К.Зайцев скончался в Париже 28 января 1972 г. Близкие говорили, что он до последних часов сохранял ясность мысли и только перед самым концом впал в полузабытье и ушел, что-то себе напевая... «Я надеюсь. Я в Россию верю. Выберется на вольный путь», – написал он незадолго до смерти⁵³.

⁵² Зайцев Б.К. Дни. С. 372.

⁵³ Из письма Б.К.Зайцева – Л.Н.Назаровой. 4.02.1967.

**МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ СТАХОВИЧ:
«Правительство систематически разрушало
все попытки общественных организаций...»**

«Он был очень талантлив... Из него мог бы выйти крупный политик, но он за этим не гнался. Беспечный, жизнерадостный, он не искал популярности... Этот даровитейший человек так и прошел через жизнь, не выявив себя. Это часто бывало с такими, как он, талантливыми, но не целеустремленными русскими людьми», – так написала о Михаиле Стаховиче в своих мемуарах известная деятельница дореволюционной либеральной оппозиции Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс.

Вторит Тырковой в своих эмигрантских воспоминаниях и депутат II–IV Дум Василий Алексеевич Маклаков: «Перед ним (Стаховичем. – *А.К.*) была блестящая будущность, но карьера его не прельщала... Его разносторонность, жажда жизни во всех проявлениях (жизнь есть радость – говаривал он), избалованность (баловала его и судьба, и природа), вечные страстные увлечения и людьми, и вопросами в глазах поверхностных наблюдателей накладывали на него печать легкомыслия».

Слова Тырковой и Маклакова, при всей их человеческой точности, сегодня представляются уже не вполне исторически справедливыми. О «нереализованности» Стаховича можно, конечно, судить в чисто житейском смысле: он умер сравнительно нестарым, в 62 года (для сравнения: Маклаков и Тыркова дожили, соответственно, до 88 лет и 93 лет!). Если же говорить о политике, то тогда к «неудачникам» следует отнести все поколение первых российских парламентариев... Со временем, мне думается, верх возь-

мет принципиально иная интерпретация жизни и деятельности М.А.Стаховича как одного из самых цельных политиков и мыслителей своей эпохи. Другое дело, что «время Стаховича», время открытой и нравственной политики в России еще не наступило. Когда оно все же наступит, парламентский опыт столетней давности депутата Михаила Стаховича станет, надо надеяться, предметом самого внимательного исследования.

В биографии Михаила Александровича Стаховича (1861–1923) случилось немало ярких событий, но были такие, которые, как он сам рассказал в своих эмигрантских мемуарах, на всю жизнь сформировали его взгляды и принципы. В тот год, когда умер Достоевский и был убит Александр II (1881), двадцатилетний Михаил Стахович учился в 11-м классе Училища правоведения в Петербурге. О смерти писателя на утренней лекции рассказал известный юрист Анатолий Федорович Кони, который затем прочел импровизированную лекцию о «Преступлении и наказании» Достоевского. Впоследствии М.А.Стахович много общался с А.Ф.Кони и даже заседал вместе с ним в Государственном совете, но ту растянувшуюся не на один час лекцию он навсегда запомнил. Метафизика преступления и наказания в России – вот что захватило в рассуждениях мэтра юриспруденции двадцатилетнего студента, который позднее, по свидетельству многих современников, сам поднял профессиональное ремесло правоведа до высот политического пророчества... Через два дня юный Стахович нес венок от Училища на похоронах Достоевского.

А 1 марта 1881 г. Михаилу Стаховичу чудесным образом удалось пробраться в Зимний дворец, где он, поплутав немного (позднее он, камергер двора, станет легко ориентироваться в царских резиденциях), оказался в «фонаре» – спальне Государя Императора, который, смертельно раненный бомбой террористов, в тот момент уже, исповедовавшись, отходил. Тогда в память юного Стаховича прочно впечаталось беспомощное выражение лица наследника. В конце жизни, выброшенный революцией из России, Стахович напишет об Александре III: «Теперь, стариком и удалившись от деятельности, но обдумывая все то, что я так близко знал, я прихожу к заключению, что фактическим виновником теперешнего ужаса, исходной его причиною является честнейший, чистейший и до самозабвения любивший Россию, может быть, самый русский из

царей после Петра Великого – Александр III... Это был добрый и чистый человек... на службе и в обиходе всегда прямой, он, словом, мог бы громко и всенародно исповедоваться на Красной площади... Это был лучший и честнейший, нет, даже чистейший человек из 160 миллионов своих подданных. Но это был вреднейший царь, погубивший династию Романовых...».

Эти слова М.А.Стаховича ясно демонстрируют всю ограниченность досужих рассуждений о «либеральных славянофилах», к которым, несомненно, принадлежал Стахович, как о политиках, приверженных идее лишь личного нравственного совершенствования в противовес совершенствованию политических институтов. Для Стаховича принципиальна не просто *человеческая*, а еще и *политическая нравственность* как способ адекватной реакции политика на общественные обстоятельства. В этом смысле *политическая безнравственность* Александра III не могла быть компенсирована никакими личными достоинствами. И наоборот, при всей своей неряшливости в личной жизни, его отец Александр II в звездные часы своего реформаторства представлял собой образец высокой политической нравственности.

Через несколько дней после убийства Александра II студент Михаил Стахович попал на публичную лекцию философа Владимира Сергеевича Соловьева в огромном зале санкт-петербургского «Кредитного общества». «Теперь, через 40 лет, я уже не припомню ее содержания, – написал в эмиграции Стахович. – Он говорил о переживаниях общественного духа за этот кошмарный месяц; об общем негодовании и возмущении перед отвратительным цареубийством; о подробностях, выясненных на суде; наконец, об ужасе этого ожидания пятиголовой казни. Не только красноречива и благородна была его речь, но она звучала какой-то строгостью и восторгом пророка, когда он доказывал, что казнь не искупит преступления, потому что греха нельзя загладить наказанием, а превзойти его можно только милосердием и жалостью; чтобы действительно стать выше преступников, надо... помиловать». Стахович запомнил тогда не столько конкретные слова Соловьева, сколько выражение лица оратора, общий вид переполненного зала и собственные переживания: «Мы были объединены все в это время и негодованием к цареубийцам, и горем о погибшем, всеми любимом Царе. Но Соловьев заразил нас, проник

до самой глубины души нашей, заставил почувствовать, что есть правда сильнее всякого зла, выше всякого горя. Что и отдельный человек, и совокупность толпы, и целый народ могут к ней обратиться и по ней решить...».

С Владимиром Соловьевым Стахович позднее сошелся довольно близко, неоднократно лично выражал восхищение его сочинениями (особенно «Три разговора»), но никогда он не производил на него столь сильного впечатления, как в тот вечер, в зале «Кредитного общества»: «Много я потом переживал сенсационных событий и сильных впечатлений, но никогда меня так не потрясала публичная речь, как эта...». Пройдет четверть века, и депутат Государственной думы М.А.Стахович будет тщетно призывать политически разделенную и тонущую в крови Россию к взаимному всепрощению...

В 1882 г. Михаил Стахович окончил Училище правоведения. Это был талантливый, но достаточно легко живущий юноша из богатой помещичьей семьи, смутно грезивший о будущем общественном призвании. «В наказание за сделанные в Правоведении две или три тысячи долгу, – вспоминал он, – отец приказал мне поступить на казенную службу, а не разрешил поселиться в Пальне (родовом имении Стаховичей под Ельцом. – А.К.). Я поехал в Ковно, где еще были дореформенные суды, и за 11 месяцев перебивал секретарем прокурора суда П.Н.Огарева, и. о. судебного следователя, потом и.о. товарища прокурора... Но в ноябре 1883 г. отец меня простил и разрешил осуществление моей мечты – не служить, а быть общественным деятелем... Жить на людях и для людей». Со стороны отца было только одно условие: работать только «по выборам», то есть быть деятелем *избранным*, а не назначенным.

Отцовская педагогика, наряду с накапливаемым профессиональным опытом, а главное, постоянное самообразование давали свои плоды. В 1883–1892 гг. Михаил Стахович – елецкий уездный и орловский губернский земский гласный; в 1892 г. он стал елецким уездным предводителем дворянства, а в 1895 г., всего в 34 года, был избран орловским губернским предводителем.

На рубеже веков окончательно сформировались и общественно-политические взгляды М.Стаховича. Идеальным политическим порядком было для него время реформ Александра II. И главное здесь – не личные качества царя-Освободителя, а особый харак-

тер взаимоотношений власти и общества. «Правительство критиковали, но ему верили и, вечно споря, старались сговориться и помогать. Понимали инстинктивно, что бороться можно с правительством, а не с государством, которое должно охранять и которое не может обойтись без первого...». Но этот «общественный инстинкт» существовал не сам по себе, а подпитывался в свою очередь демонстрацией доверия власти к обществу. К несчастью для России, это состояние взаимной поддержки было утрачено в ходе последних двух царствований: «Ненависть к правительству распространилась на самое понятие государственной власти. Оппозиция была уже не тактическим приемом, а казалась самодовлеющей политической целью... обессилить их, свалить, – хуже не бывает, мол... Умные предчувствовали, что может быть еще гораздо хуже; но сдерживать раздражение перед постоянным в течение 35 лет, систематичным и всесторонним преследованием всякого прогресса, перед постоянно демонстрируемым пренебрежением к общественному мнению, нуждам и желанию масс стало невозможным. Борьба перешла уже в войну и приобрела стихийный характер». При этом главная вина за углубляющийся общественный раскол лежала на правительстве: «Невозможность в будущем бороться со стихийным движением, все нараставшим в народе, создавало правительство». Подобная логика политического анализа – «фирменный» стиль либерала-государственника М.А.Стаховича: будучи сам представителем национальной элиты, он основную ответственность за русские неурядицы всегда возлагал на верхи общества, на «своих», а не на народ.

Основная тема политических размышлений Стаховича – вопрос о принципах и методах «правильного правления». Политическая нравственность власти состоит в умении содействовать развитию системы общественного самоуправления, ибо без самоуправления возможны только два состояния – полицейщина и анархия. Последние два российских императора, в силу своей «политической безнравственности», явно тяготели к полицейскому режиму и, утешаясь иллюзией временного упорядочивания, ввергли в итоге страну в пучину анархии. «Управлять массами можно, только организовав их и доведя организацию постепенно до центра... Систематически в течение 35 лет правительство не разрешало и прямо разрушало все попытки обще-

ственных организаций, все равно, в какой бы ни было области: не только в политической, но хозяйственной, экономической, социальной, художественной, даже научной, даже религиозной... А путь от народа, общества к всемогущей власти не был постепенным, организованным, а иногда совсем пустым, но чаще полным, с одной стороны, подозрительностью, с другой – предубеждением, делающим сотрудничество страны и власти невозможным. Неорганизованная масса в 180 миллионов, как и всякая масса впрочем, может подчиняться только двум выражениям власти: или полиции, или анархии. Все промежуточное уже нуждается в организованности. 3/16 марта 1917 г. с отречением Николая II рухнула полиция тогдашней России. **Tertium non daturum** (третьего не дано. – *лат.*)».

Однако заключительный акт исторической драмы России начался задолго до отречения последнего царя – с убийства Александра II и с отказа Александра III подписать подготовленный отцом Манифест о введении выборного Государственного совета в качестве совещательного органа. «Это была умная и осторожная попытка повести Россию эволюционным путем к неизбежному в наше время представительному правлению, – говорил Стахович о нереализовавшихся планах Александра II. – Конечно, этот новый порядок привел бы постепенно до ограничения самодержавия, к конституции. Но именно в постепенности и заключался бы спасительный для народов путь неизбежной эволюции, а не отвратительный, при ее отсутствии, путь революции».

Пришедшая к власти после гибели царя-Освободителя группировка во главе с К.П.Победоносцевым, графом Д.А.Толстым, князем В.П.Мещерским и др. сформулировала и сумела привить новому царю «совершенно вымышленное обвинение всей России в грехе цареубийства»: «Ее объявили и виноватой, и больной, стали лечить строгим режимом реакции и стали пичкать все время такими сильнодействующими лекарствами, в которых она совсем не нуждалась, но от которых ее лихорадило все сильнее и сильнее... Этот эффект ненужного лечения выдавали за безошибочный диагноз опытных и любящих врачей и все усиливали дозы...». Безнравственность враждебного России курса правящей верхушки вынудила государственника М.А.Стаховича перейти в ряды либеральной оппозиции.

Всероссийскую известность губернский дворянский предводитель Стахович получил в 1901 г. в связи с прочитанным им 24 сентября на Миссионерском съезде в Орле докладом о свободе совести, где он открыто высказал свое неприятие распространенной практики религиозного принуждения и дискриминации иноверцев. Стахович в полемической форме постарался защитить идею, что никакое насилие не способно вызвать любовь к Богу и лишь полная свобода вероисповедания может благотворно содействовать популяризации и распространению православия. «Меня спросят, – говорил Стахович, – чего же вы хотите? Разрешения не только безнаказанного отпадения от православия, но и права безнаказанного исповедания своей веры, то есть соращения других? Это подразумевается под свободой совести? Особенно уверенно среди вас, миссионеров, я отвечу: да, только это и называется свободой совести... Запретной пусть будет не вера, а дела; не чувства, а поступки, ущербы, изуверство – все то, что уголовный закон карает...».

Речь Стаховича, поначалу опубликованная в «Орловском вестнике», была затем перепечатана в столичных «Санкт-Петербургских ведомостях», «Московском обозрении», «Миссионерском обозрении» и т. д. Живший тогда во Флоренции известный театральный деятель князь Сергей Михайлович Волконский заметил сначала ссылки на речь Стаховича в иностранной прессе, а затем уже начал собирать все связанные с ней материалы. В своих мемуарах С.М.Волконский вспоминал: «Его речь прокатилась из конца в конец земли русской; она произвела впечатление бомбы... Буря, поднявшаяся вокруг этой речи, длилась более двух месяцев и, к сожалению, утихла, прекращенная цензурными распоряжениями».

В развернувшейся тогда в России дискуссии приняли участие такие выдающиеся деятели, как граф Л.Н.Толстой, Д.С.Мережковский, Н.Ф.Федоров, Н.А.Бердяев. Активно выступил против Стаховича протоиерей Иоанн Кронштадтский: «В наше лукавое время появились хулители святой церкви, как граф Толстой, а в недавнее время некто Стахович, которые дерзнули явно поносить учение нашей святой веры и нашей церкви, требуя свободного перехода из нашей веры и церкви в какие угодно веры... Нет, невозможно предоставить человека собственной свободе совести, потому что он существо падшее и растленное...».

Речь Стаховича использовал против него и небезызвестный С.А.Нилус (впоследствии издатель «Протоколов Сионских мудрецов») – орловский помещик, выпускник юридического факультета Московского университета, ярый черносотенец, давно выбравший либерала Стаховича мишенью для своих нападок. Еще в 1899 г. Нилус публично обвинил Стаховича, своего соседа по имению, в «безверии»; неоднократно выступал он и против всех либеральных земцев, «бессознательно играющих в руку единственно искреннему космополиту – еврею и родному его брату, армянину». Критикуя речь Стаховича на миссионерском съезде, Нилус на страницах «Московских ведомостей» назвал его «российским Дантоном или Робеспьером».

Свое сложное отношение к речи Стаховича высказал и философ В.В.Розанов: «Речь г. Стаховича, может быть, независимо от прямого намерения оратора, забрасывает семена нравственной подозрительности на деятелей миссии. “Вы притеснители, а не христиане”, – говорит смысл его слов. Речь его была только по виду предложением, а на самом деле она была судом и осуждением». Впрочем, В.В.Розанов не мог не признать, что в словах Стаховича «есть своя правда», и выразил уверенность, что «лучшие пожелания г. Стаховича исполнятся: но исполнятся в созидательных целях, в целях религиозного строительства».

В начале века М.А.Стахович становится активным деятелем общероссийского либерального движения, непременным участником земских совещаний и съездов. В 1902 г. он, носящий, как губернский предводитель, высокий чин камергера императорского двора (с 1899 г.), получил за свою оппозиционную активность на этом поприще «высочайший выговор». Вместе с тем в намечающемся размежевании русского либерализма на радикальное и умеренное крылья Стахович стал одним из лидеров «умеренных» вместе с Д.Н.Шиповым, графом П.А.Гейденем, князем Н.С.Волконским. Он отрицательно относился к радикализму эмигрантского журнала «Освобождение» во главе с П.Б.Струве, к излишней, по его мнению, политизации либерального кружка «Беседа», единственно возможную программу которого определял как «борьбу с бюрократизмом во имя поднятия принципа самодержавия».

В 1904 г. в журнале «Право» была напечатана сильная статья М.А.Стаховича, ранее запрещенная цензурой в «Орловском вестнике», по поводу нанесения полицией Орла смертельного увечья

ни в чем не повинному мусульманину-сарту, направлявшемуся в Мекку. За эту статью номер «Права» был конфискован, а статья вышла в заграничном «Освобождении». Ответом на нее стала публикация в официальном «Гражданине» князя В.П.Мещерского – одного из самых влиятельных идеологов России. Еще при жизни Александра II князь публично объявил своей целью «поставить точку реформам», после чего наследник-цесаревич Александр Александрович был вынужден разорвать с ним отношения. Однако после воцарения Александра III эти отношения были не только восстановлены, но и еще более укрепились. Мещерский сохранил позиции и при Николае II: именно его влиянию приписывалось назначение министром внутренних дел реакционера В.К.Плева после убийства в мае 1902 г. его предшественника на этом посту Д.С.Сипягина.

В своей статье в «Гражданине» князь В.П.Мещерский обвинил М.А.Стаховича в намерении «бросить обвинительную тень на административную власть» и в «сотрудничестве с революцией». Он нашел в статье Стаховича «оскорбление патриотизма, почти равное писанию сочувственных телеграмм японскому правительству»: в условиях войны с Японией это обвинение выглядело особенно сильным. Вопрос стоял принципиально, и группа молодых правоведов-либералов решила нанести контрудар по князю Мещерскому, подав на него в суд за клевету. На заседании Петербургского окружного суда 22 ноября 1904 г. интересы Стаховича, который был в то время на маньчжурском театре военных действий во главе санитарного отряда от орловского дворянства, защищали мэтр русской адвокатуры Федор Никифорович Плевако и ее восходящая звезда Василий Алексеевич Маклаков, товарищ Стаховича по либеральным кружкам и совместным «памятникам» в Ясную Поляну к Льву Толстому.

В своем выступлении Ф.Н.Плевако не стал делать акцент на юридической стороне дела: он произнес яркую политическую речь, ставшую обвинением князя Мещерского не столько в клевете на Стаховича, сколько в «извращенном понимании патриотизма». Напомнив суду, что Мещерский упрекнул Стаховича в «сочувствии японцам», Плевако заявил: «За это отрицание в Стаховиче права быть русским и любить более всего на свете свое отечество князю Мещерскому отомстила судьба, и как отомстила! Многие

русские люди пошли на японскую войну добровольцами. И что же: имени патриота князя Владимира Петровича Мещерского мы не находим там... Но среди святых граждан и гражданок страны внесено имя Михаила Стаховича...». Плевако так завершил свою блестящую речь: «Нет, сколько бы ни исписал бумаги князь, не-краснеющий и бесстрашный, он не докажет честно мыслящим русским людям, что нежелательны Стаховичи и нужны только Мещерские. Довольно с нас и одного Мещерского, дай Бог побольше таких людей, как Стахович! Тогда мы встретим их и на ратном поле, умирающими за родину, и в лазарете, утоляющими раны и боли мучеников, и в мужах совета, говорящими смелую правду».

Речь Плевако в поддержку Стаховича стала одной из вершин его адвокатской карьеры и вошла во многие хрестоматии по ораторскому искусству. Судя по всему, она сыграла определенную роль и в жизни самого Ф.Н.Плевако: увлекшись оппозиционной политикой, он вступил вскоре в партию «октябристов», от которой был избран по Москве в III Государственную думу. Парламентарием, однако, он был очень недолго, ибо в декабре 1908 г. скоропостижно скончался.

В результате нашумевшего процесса «Стахович против Мещерского» либеральная общественность получила полное удовлетворение: влиятельный реакционер и личный конфидент императора был осужден за клевету на двухнедельный арест на гауптвахте. Правда, через некоторое время, после того как высшая власть несколько опомнилась, более высокая инстанция оправдала князя.

Всероссийская популярность общественного деятеля М.А.Стаховича была в первые годы нового века настолько велика, что в революционном 1905 г. в верхах обсуждался вопрос о его привлечении на крупную правительственную должность в «кабинете общественного доверия». В числе других умеренных либералов (Д.Н.Шипова, А.И.Гучкова, князя Е.Н.Трубецкого, князя С.Д.Урусова) с ним вел переговоры премьер-министр граф С.Ю.Витте, который потом вспоминал: «Стаховича я ранее порядочно знал. Это очень образованный человек, в полном смысле *gentilhomme* (благородный человек – *фр.*), весьма талантливый, прекрасного сердца и души, но человек увлекающийся и легкомысленный русской легкомысленностью, порядочный жуир. Во всяком случае, это во всех отношениях чистый человек...». Судя по всему, Витте приглашал Стаховича больше в качестве надежно-

го посредника для контактов с другими, более интересовавшими его фигурами, нежели для предложения солидного поста самому Стаховичу. Последний, скорее всего, и сам понимал это: будучи уверенным в своей победе на уже объявленных выборах в I Думу, Стахович отклонил предложение войти в правительство.

Активную роль сыграл М.А.Стахович на первом Всероссийском съезде партии «Союз 17 октября», состоявшемся в театральном зале московского «Охотничьего клуба» 8–12 февраля 1906 г. В первый день съезда лидер «октябристов» А.И.Гучков произнес характерные слова: «В наших рядах мы имеем таких видных общественных деятелей, как Д.Н.Шипов, М.А.Стахович (*бурные аплодисменты*). Д.Н.Шипов одним из первых начал борьбу с правительством за право участия народа в законодательной деятельности; М.А.Стахович первым возвысил голос за свободу совести. А это было еще в то время, когда и говорить о таких предметах, и аплодировать – так, как вы сейчас аплодируете, – было не так удобно и безопасно. Вы помните, какими репрессиями встречало правительство самые робкие попытки протеста против своего неограниченного самовластия...».

9 февраля 1906 г. М.А.Стахович сделал на съезде доклад от имени ЦК партии по вопросу об отношении «Союза 17 октября» к внутренней политике правительства, который произвел сильнейшее впечатление на слушателей. На следующее утро в газетном отчете было сказано: «М.А.Стахович вместо обычного сухого доклада всех российских съездов и заседаний произносит горячую проникновенную речь, электризирующую все собрание». А один из выступивших после Стаховича делегатов сказал: «Мы слышали из уст М.А.Стаховича не речь оратора, но апостольскую проповедь».

Доклад был построен на доказательстве внешне парадоксальной, но глубоко выношенной им идеи: существующий в России внеправовой «приказный строй» разрушает подлинную государственность. «Унижения и позор на Дальнем Востоке, революционные движения и аграрные беспорядки внутри России, разоряющие ее благосостояние забастовки, – утверждал Стахович, – все это результаты преступной деятельности отжившего приказного строя. Во всем этом нельзя не видеть ослабления государственной власти». Вопреки как реакционерам-охранителям, так и революционерам-разрушителям, Стахович

защищал тезис о необходимости правового укрепления государственной власти: «Я говорю не о той власти, которая без суда и следствия высылает, арестует и гноит в тюрьме тысячи и десятки тысяч людей и возмущает и душит всю страну своими насилиями и произволом, вызывая общее раздражение и негодование... Нет! Я говорю о той государственной власти, которая составляет оплот государству – этому огромному корпусу, соединяющему в себе столько противоречивых требований и стремлений. Я говорю о той твердой власти, которая не только не дает опрокинуться государственному суду, но и предотвращает его излишнюю качку. И отсутствию этой власти мы во многом обязаны проявлениями всевозможных бесчинств, насилий и беззаконий, имеющих место за последнее время. Весь пережитый нами период революции есть прямое последствие ослабления в России авторитета государственной власти».

Ослабляет государство, по мнению Стаховича, и затягивание правительством созыва народного представительства: «Правительство обязано было подчиниться воле Государя о скорейшем созыве Думы. Плохая, несовершенная Дума, но должна была быть созвана немедленно». Стахович отменил отговорки членов кабинета министров, что дарованные царем свободы не могут быть осуществлены до тех пор, пока не прекратится революционное движение, – напротив, неправовые репрессии сами провоцируют смуту: «Мы понимаем, что вооруженное восстание нельзя подавить увещаниями и лекциями, что его можно подавить только вооруженной силой... Но, водворив порядок, правительство обязано тотчас же, немедля прекратить всякое насилие, к которому вынуждено было прибегнуть, нарушив тем самым священные основы гражданской и политической жизни страны. После подавления вооруженного восстания насилие со стороны правительства не находит себе никаких оправданий. А между тем мы видим, что необузданный произвол и насилия со стороны правительства продолжают повсеместно, где не было даже никакого вооруженного восстания. Мы видим, что к революционерам причисляются миллионы русских граждан, что правительство хочет осилить всю Россию, недовольную его беззаконной деятельностью и протестующую против произвола и насилий с его стороны. И, видя все это, мы должны сказать правительству: после Манифеста 17-го октя-

бря вы не смеее делать этого! Вы не смеее посягать на наши свободы и стараться снова водворить тот порядок, который был главной причиной всех наших зол и несчастий!».

Особенно поразила присутствующих концовка речи Стаховича: «Правительство само расшатывает и как бы хочет опрокинуть весь государственный строй. Оно само готовит себе гибель. Но за этой гибелью может последовать гибель династии и гибель всей России!» В газетном отчете потом говорилось: «Гром аплодисментов прерывает оратора, и М.А.Стахович долго стоит с опущенной головой, ожидая восстановления тишины в зале». А после того, как Стаховичем был зачитан проект предлагаемой октябристским ЦК резолюции, отчет фиксирует: «После долго не смолкавших аплодисментов записалось около 30 делегатов, желающих говорить по существу доклада».

Весной 1906 г. М.А.Стахович был избран депутатом I Государственной думы от землевладельцев Орловской губернии. Эта Дума, прозванная современниками «Думой народного гнева», отличалась практическим отсутствием представителей проправительственного лагеря. Оппозиционер и либерал Стахович парадоксальным образом оказался в ней на самом правом фланге в составе немногочисленной группы «умеренных». Впоследствии В.А.Маклаков, ставший одним из самых проникательных аналитиков истории первой Думы, написал: «На правых скамьях, на которых мы видели позднее Пуришкевича, Маркова, Замысловского, сидели такие заслуженные деятели “Освободительного движения”, как гр. Гейден или Стахович. Они сами не изменились ни в чем, но очутились во главе оппозиции справа. Эта правая оппозиция в I Думе выражала подлинное либеральное направление; именно она могла бы безболезненно укрепить в России конституционный порядок».

В.А.Маклаков, как представляется, достаточно точно описал самоощущение Михаила Стаховича в I Думе: «”Стиль 1-й Думы”, ее нетерпеливость, нетерпимость, несправедливость к противникам, грубость, вытекавшая из сознания безнаказанности, словом, все то, что многих пленяло как “революционная атмосфера”, оскорбляло не только его политическое понимание, но и эстетическое чувство. Атмосфере этой он не поддался и потому стал с нею бороться. У него не было кро-

потливой настойчивости, как у Гейдена; он был человеком порывов, больших парламентских дней, а не повседневной работы. Но в защите либеральных идей против их искажения слева он мог подниматься до вдохновения. Напоминавший бородой и лицом Микельанджеловского Моисея, когда он говорил, он не думал о красноречии; речь его не была свободна, он подыскивал подходящие слова, но увлекал трепетом страсти».

Действительно, с одной стороны, М.А.Стахович не мог не понимать всю заведомую тщетность усилий их малочисленной группы противостоять общему течению. Но, с другой стороны, свою борьбу с думскими радикалами он воспринимал как нравственный долг. Эта борьба виделась ему продолжением дискуссий на земских съездах: ведь он и там в последние годы все чаще оказывался в меньшинстве. Здесь, в первой Думе, в составе самой влиятельной кадетской фракции было много его старых соратников – их, как он считал, еще можно было в чем-то переубедить. Что ему явно претило, так это то, что старые товарищи-земцы, элита страны, пошли, как он считал, на поводу у радикалов.

В историю I Думы М.А.Стахович вошел как основной оратор «умеренных» по таким ключевым вопросам, как отношение к политической амнистии и террору. Еще в первый день работы Думы, 27 апреля 1906 г., тема амнистии всех осужденных за антиправительственные выступления выдвинулась на первый план. Современники отметили то эмоциональное значение, которое имел проезд депутатов, принятых сначала в Зимнем дворце императором, на кораблях по Неве к Таврическому дворцу. Тогда депутаты проплыли мимо печально известных «Крестов», и из всех распахнутых окон узники приветствовали их криками: «Амнистия!». Подобная обстановка царила и во всем городе. Член кадетского ЦК А.А.Кизеветтер вспоминал: «Я ходил по улицам и видел густые шпалеры народа на всем пути следования депутатов. Громовые приветственные крики оглашали воздух, и все чаще выделялись из этих криков возгласы: “Амнистия, амнистия!”».

Уже при открытии Думы избранный председателем С.А.Муромцев, еще до своей официальной речи предоставил слово лидеру кадетской фракции И.И.Петрункевичу, который с места заявил: «Долг нашей совести заставляет нас употребить все усилия, которые дает нам наше положение, чтобы свобода, которую

покупает себе Россия, не стоила больше никаких жертв! (*продолжительные аплодисменты*)). Многие исследователи пытались позднее проникнуть в глубинные мотивы этой речи «кадетского патриарха», на первый взгляд, спонтанной, но на самом деле хорошо спланированной, положившей начало принципиальнейшей думской дискуссии, в которой одну из главных ролей суждено было сыграть орловскому депутату М.А.Стаховичу.

Влиятельный кадетский депутат Ф.И.Родичев в своих мемуарах так объяснил первое думское выступление И.И.Петрункевича: «То было нарушение всех парламентских обычаев... Но на бурю было пролито масло. Депутаты успокоились, взрыва не последовало...». В самом деле, положение в I Думе добившейся большого успеха на выборах Конституционно-демократической партии было очень сложным. В условиях по сути продолжающейся в стране революции кадетам необходимо было, с одной стороны, удержать свой принципиальный конституционализм, сохраняя перспективу диалога со ставшим теперь конституционным монархом, а с другой стороны, не отдать политическую инициативу в руки своих более радикальных левых «попутчиков» из так называемой «трудовой группы». Думскую линию кадетов во многом определял тезис их партийного лидера П.Н.Милюкова, разделяемый лидерами фракции И.И.Петрункевичем и М.М.Винавером: *«Идти соединением либеральной тактики с революционной угрозой»*.

Существуют документальные подтверждения (мемуары И.В.Гессена, например), что сама конфигурация руководства Думы была продумана кадетами таким образом, чтобы наилучшим образом реализовать «милюковскую тактику». На пост председателя был выдвинут импозантный и рассудительный московский профессор С.А.Муромцев, а не радикал И.И.Петрункевич, несомненно заслуживший это право, но раздражавший императорский двор. В то же время вместо намеченного на пост одного из товарищей (заместителей) Председателя В.Д.Набокова Думе был предложен в итоге гораздо менее влиятельный в партии Н.А.Гредескул, имевший перед Набоковым только одно «преимущество» – опыт тюрьмы и ссылки, создававший ему ореол жертвы режима среди думских «левых». Именно Гредескула, только что триумфально освобожденного из архангельской ссылки, кадетская фракция выпускала всякий раз, когда надо было «гасить» экстремистские

предложения радикалов из «трудовой группы» – С.В.Аникина, И.В.Жилкина, А.Ф.Аладьина, говоривших смело, но, к их досаде, не имевших опыта царских тюрем.

Именно так произошло, например, на первом же заседании Думы, когда Н.А.Гредескул вместе с другими кадетами – Г.Ф.Шершеневичем и Ф.Ф.Кокошкиным – сумел убедить «левых» отказаться от немедленного требования всеобщей амнистии и включить его в готовящийся ответный адрес Думы на тронную речь императора. Гредескул тогда долго и ярко рассказывал, как он, будучи еще совсем недавно в царских застенках, безуспешно ждал, вместе с другими заключенными, политической амнистии...

Вопрос об амнистии во весь рост встал на следующем заседании – 29 апреля. Конституционные демократы понимали, что им снова потребуются переигрывать радикалов, и С.А.Муромцев, формально вышедший из кадетской партии, но сохранивший с ней полное взаимопонимание, предоставил право первого, самого выигрышного выступления своему единомышленнику Ф.И.Родичеву. Задача последнего была непростой: требовалось накрепко связать в глазах российской общественности идею политической амнистии с собственной, кадетской партией и в то же время предложить такие формулировки, которые оказались бы приемлемыми для монарха. Тонкий политик и блестящий оратор Родичев вполне с этой задачей справился: «Амнистия и помилование – это прерогативы Монарха, и наше заявление есть заявление потребности, заявление страданий всего народа, обращенное к Монарху... Пока еще есть время высказать желание амнистии, выскажемте же его в форме желания. Быть может, через несколько дней будет поздно, и оно будет выражено в форме требования...». И, фактически обращаясь уже к монарху, Родичев добавил: «Кто думает, что амнистия дает санкцию на преступление, тот заблуждается... Если Вы желаете уничтожить ту ненависть, которая в настоящее время горит ярким пламенем с той и другой стороны – возьмите на себя почин и щедрою рукой дайте всепрощение. Это акт высшей политической мудрости... Это всепрощение да послужит залогом того, что в начавшейся работе Монарх пойдет рука об руку с народом».

Однако после этого вполне разумного и взвешенного выступления в бой ринулись радикалы-трудовики. С.В.Аникин: «Я не буду говорить о милосердии, я буду говорить о справедливости...».

А.Ф.Аладьин: «За нами страна – и город, и деревня стоят за нами и пойдут за нами. Наши братья в тюрьмах, в ссылке, на каторге могут быть уверены, что мы сами возьмем их оттуда, а если нет... (*Голоса: Довольно!*)». И.В.Жилкин: «Я мирный человек, я слабый человек, но всем сердцем, всей душой я чувствую, что, к великому ужасу, к великому огорчению, время просьб прошло, и прошло безвозвратно... Если требования не будут удовлетворены – мы, может быть, уйдем отсюда, отойдем, может быть, в сторону, но пусть тогда народ встанет лицом к лицу с теми, которые не удовлетворили наших требований...» и т. д.

Трудовики были талантливыми ораторами. Деланная рассудительность Аникина, угрозы Аладьи́на, кликушество Жилкина захватили аудиторию, но – главное – могли произвести впечатление на страну, внимательно следящую за событиями в Думе. Инициатива могла уйти к крайне левым – кадеты решили ее срочно вернуть. И они снова предъявили свой «козырь» – недавнюю жертву режима Н.А.Гредескула. Тот, опытный правовед и судебный оратор, виртуозно взял под свое «профессорское покровительство» самого радикального из выступивших трудовиков – Аладьи́на: «Хотя то заявление, которое было сделано здесь одним из предыдущих ораторов, а именно Аладьи́ным, встретило неудовольствие с некоторых сторон, но если его рассмотреть глубже и вдуматься объективно, то это заявление окажется вполне справедливым. В самом деле, что сказал Аладьин? Он сказал, что если те, кто теперь томится в неволе, кто страдает за дело освобождения, если они не будут освобождены в порядке справедливости или милости, то они будут освобождены самим народом. Это дело чести для русского народа... Я не знаю, может быть, депутат Аладьин облек это заявление в неправильную форму... Его заявление имело форму угрозы, вызова, а мне кажется, что наше положение по вопросу об амнистии слишком серьезно, чтобы нужно было делать вызовы и произносить угрозы (*аплодисменты*)».

И далее Гредескул выдвинул компромиссное предложение: «Необходимо достигнуть в этом вопросе того единогласия, о котором взывал Родичев. Если для достижения этого мы должны облечь наше обращение в форму просьбы о милости, то я ничего не имею и против этого. Мы должны только помнить, что если

в форме милости русскому народу это не будет дано, то депутат Аладьин окажется прав. Народ добьется амнистии в том порядке, в каком он сам захочет...».

Кадеты, как видим, и в этот раз тактически выиграли, направив своеобразное послание общественности: мы, в отличие от трудовиков, – разумные политики, контролирующие в Думе своих нетерпеливых союзников. Сигнал был послан и власти: имейте дело с нами – иначе будете иметь дело с неуправляемыми и безответственными радикалами.

Историки I Думы из числа кадетов (М.М.Винавер, Н.Ф.Езерский и прежде всего сам П.Н.Милюков) потом не раз писали о том, что формы тактического взаимодействия кадетов и трудовиков согласовывались на предварительных совместных совещаниях лидеров, что роли были заранее распределены, что существовало своего рода «разделение труда». Милюкову, по видимому, казалось тогда, что успешно реализуется его собственная формула, которую он любил повторять: «Мы играем на сцене, а шум за сценой создают другие...». Похоже, однако, что со временем этот симбиоз конституционалистов и радикалов зашел значительно глубже, нежели того поначалу хотелось кадетам. Об этом впоследствии и написал в эмиграции В.А.Маклаков, который пришел к выводу, что тактический альянс, на первых порах казавшийся кадетам выгодным, постепенно вылился в стратегию, где тон стали задавать уже радикалы. Окончательное складывание этого теперь уже «стратегического союза» В.А.Маклаков отнес к тем двум заседаниям Думы, где с принципиальными поправками к проекту ответного адреса императору выступил депутат-октябрист Михаил Александрович Стахович.

Он включился в обсуждение проекта на заседании 3 мая 1906 г. Его, профессионального правоведа, обеспокоила сама нервическая атмосфера, в которой проходила дискуссия: «Часто случается, бывают даже целые периоды государственной жизни, когда не сущность вопроса царит и решает дело в палатах, а возбуждение политических страстей. Самое присутствие такого возбуждения является даже опасностью. Оно опасно, как оружие в руках рассерженного...». Отталкиваясь от метафоры кадетского депутата Е.Н.Щепкина, который сравнил поток свободных речей в Думе с «вешними водами», Стахович иронически заметил: «Пользуясь его

собственным сравнением, добавляю, что вся эта вода не рабочая; ее не надо пускать на колеса мельницы. Умный мельник открыл бы затворы и терпеливо бы ждал: пусть себе сольет...». Вопреки радикальным призывам о необходимости немедленного подчинения министров народному представительству, Стахович назвал такую претензию «преждевременной»: «Мы только свяжем руки Государю, если, как лояльный конституционный Монарх, он будет следовать нашим голосованиям и менять министерства после каждого провала... Необходимо, сохранив ответственность министров перед Государем Императором, развить и ускорить условия осуществления права запроса и контроля со стороны Думы не только над закономерностью, но и целесообразностью действий министров (*слышно шиканье на многих скамьях*)».

4 мая дискуссия была продолжена: в этот день обсуждались в основном те положения ответного адреса, где речь шла о проблемах амнистии, смертной казни, о политических убийствах. В середине жаркой дискуссии слово опять попросил М.А.Стахович: «Я оговорюсь, что живу в такой глухой и благоразумной местности, в которой теперь, несмотря на все здесь говоримое, люди, наверное, не бросили своей обычной жизни и занятий, не перестали метать пары, сеять гречиху и просо и не ждут, затаив дыхание, будут ли женщины в Государственной Думе, останется ли Государственный Совет или нет...». Перейдя непосредственно к вопросу о политической амнистии, Стахович еще раз подтвердил, что он и его коллеги по группе «умеренных» по-прежнему горячо поддерживают призыв к освобождению всех политических заключенных. Однако, добавил он, для полного успеха этого судьбоносного акта Дума должна одновременно выступить и с резким осуждением революционного террора: «Кроме почина существует ответственность за последствия, и эта вся ответственность останется на Государе... Не мы уже, а он ответит Богу за всякого замученного в застенке, но и за всякого застреленного в переулке. Поэтому я понимаю, что он задумается и не так стремительно, как мы, движимые одним великодушием, принимает свои решения. И еще понимаю, что надо помочь ему принять этот ответ. Надо сказать ему, что прошлая вражда была ужасна таким бесправием и долгой жестокостью, что доводила людей до забвения закона, доводила совесть до забвения жалости... Цель амнистии... – это будущий мир в России. Надо не-

пременно досказать, что в этом Государственная Дума будет своему Государю *порукой и опорой*. С прошлым бесправием должно сгнать преступление как средство борьбы и спора. Больше никто не смеет тягаться кровью. Пусть отныне все живут, управляют и добиваются своего или общественного права не силой, а по закону. По обновленному русскому закону, в котором мы и участники, и ревнители, и по старому закону Божию, который прогремел 4000 лет тому назад и сказал всем людям и навсегда – Не убий!»

В.А.Маклаков позднее вспоминал: «В Первой Думе было сказано много превосходных речей. Но я не знаю другой, которая могла бы по глубине и подъему с нею сравняться... Колебания Государя, о которых говорил Стахович, не были только предположением. Он мне рассказывал после, что, когда начался в Думе разговор об амнистии, Государь получал множество телеграмм с протестами и упреками: неужели он допустит амнистию и помилует тех, кто убивал его верных слуг и помощников? Пусть эти телеграммы фабриковались в “Союзе истинно русских людей”, Государь принимал их всерьез. Чтоб вопреки этим протестам Государь все-таки пошел на амнистию, нужно было сказать действительно *новое* слово, открывавшее возможность забвения, нужно было *самому* подняться над прежнею злобою. Этим словом и могло быть моральное осуждение террора. Но на это Дума не оказалась способна. Она продолжала *войну*».

Итак, на том историческом заседании 4 мая 1906 г. Михаил Стахович, наряду с призывом к амнистии, предложил Думе добавить в ответный адрес Государю следующие слова: «Государственная Дума выражает твердую надежду, что ныне, с установлением конституционного строя, прекратятся политические убийства и другие насильственные действия, которым Дума высказывает самое решительное осуждение, считая их оскорблением нравственного чувства народа и самой идеи народного представительства. Дума заявляет, что она твердо и зорко будет стоять на страже прав народных и защитит неприкосновенность всех граждан от всякого произвола и насилия, откуда бы они ни исходили».

Предложение Стаховича было не только разумным, но и весьма умеренным: оно исходило из старой его идеи о необходимости восстановления взаимного доверия царя-реформатора и народного представительства. Однако в «Думе народного гнева» это пред-

ложение вызвало большое возбуждение. Правда, первым после Стаховича выступил депутат, назвавшийся его «союзником», – виленский епископ, барон Э.Ю. фон дер Ропп. Он поддержал тезис о необходимости учитывать сложное положение монарха, но перенес суть вопроса в религиозную плоскость, слабо воспринимаемую радикальным крылом Думы, и тем самым резко ухудшил шансы на прохождение поправки Стаховича. Политическую речь Стаховича, внешне похожую на проповедь, епископ принял за проповедь как таковую, чем намного облегчил задачу оппонентов.

Влиятельнейшая в Думе фракция конституционных демократов оказалась перед сложным выбором. Маклаков назвал его позднее «выбором между двумя возможными думскими большинствами» – *конституционным* и *революционным*. Первым из кадетов против поправки Стаховича выступил петербургский депутат, профессор А.С.Ломшаков, который однозначно заявил, что «вся ответственность за все преступления, о которых здесь было сказано, лежит всецело и полностью на правительстве». Правда, профессор не принадлежал к числу кадетских руководителей, и у фракции еще оставался выбор...

Дело решил Ф.И.Родичев, ставший еще с первых думских заседаний штатным спикером кадетов по вопросу об амнистии и терроре. Заявив, что вполне понимает тот «душевный порыв, который внушил Стаховичу благородные слова любви», Родичев быстро перешел к возражениям: «Но с политическим заключением этого порыва я согласиться не могу. Если бы здесь была кафедра проповедника, если бы это была церковная кафедра, то тогда, конечно, мог бы и должен был раздаваться призыв такого рода, как мы слышали здесь, но мы – законодатели, господа... Много есть дурных вещей, которые следует осуждать, но не здесь этому осуждению место. Мы осуждаем те порядки, когда людей казнят без суда... Мы должны сказать всем: если вы хотите бороться с преступлением, оно должно быть осуждено!». Затем против поправки Стаховича выступили и другие влиятельные кадеты.

Позднее В.А.Маклаков так прокомментировал этот «крах думского конституционализма»: «Всего грустнее читать речь Родичева... Из государственного установления Дума превращала себя в орудие революционной стихии. Голосование по поправке Стаховича вырыло ров между двумя большинствами. Если бы ка-

дети пошли со Стаховичем и Родичев повторил свою речь 29 апреля – это образовало бы “конституционное большинство”. В этот день кадеты от конституционного пути отказались...». Маклаков интерпретировал «эпизод с амнистией» как стремление левого большинства Думы настоять на том, что после дарования гражданских свобод «преступники находились не в среде осужденных, а только в среде властей»: «При таком взгляде Думы на недавнее прошлое нельзя было говорить о примирении и успокоении, о забвении прошлого, которое одно могло бы амнистию мотивировать. Судьи и осужденные должны были просто поменяться местами; под флагом амнистии Государю предлагали встать на сторону Революции».

Между тем сам М.А.Стахович в тот день не собирался сдаваться и повторил попытку обосновать свою поправку: «Мне давно приходится жить, думать и говорить так несвоевременно, что приходится отстаивать против большинства не только то, что я считаю правильным, но даже и то, что я считаю разумным, и я давно знаю, как эта задача неблагоприятна, я давно знаю, что она часто бесполезна. Я только думаю, что это долг всякого совестливого человека, на какую бы сторону ни собралось большинство, часто глухое из-за самодовольно сознаваемой своей силы». Стахович попытался снова обратиться к разуму депутатов, призвав думать не только о прошлом, но и о будущем России: «Мало хоронить, все сосредотачиваясь и копаясь в прошлом; надобно подумать и высказаться о будущем теперь, чтоб оно не повторяло прошлого ни с какой стороны...».

Тем не менее поправка Стаховича была отклонена думским большинством. «Дума отвергла спасательную веревку, которую Стахович ей протянул, – писал в эмиграции Маклаков. – Если бы Дума оказалась способной подняться на его тогдашнюю высоту, она бы не только получила амнистию, она оказалась бы достойной той роли, которую сыграть не сумела...».

Здесь пора сделать небольшое отступление и сказать, что, упрекая уже в эмиграции своих бывших коллег-кадетов в старых перводумских грехах, В.А.Маклаков не был до конца последовательным. Многие свои претензии к Милокову, Родичеву и другим бывшим товарищам по партии он явно сформулировал «задним числом». А тогда, в 1906 г., его позиция была суще-

ственно иной. Так, уже после роспуска I Думы, во время дискуссии с «октябристами» 30 ноября 1906 г., Маклаков еще вполне определенно защищал перводумскую тактику кадетов: «Мы политические убийства не осудили потому, что думали, что эти осуждения скроют от глаз народа настоящую причину. Мы считаем, что это наше горе, которое только в России есть, и это горе питается условиями русской жизни... Мы думаем, что осудить политические убийства – это значит дать повод власти думать, что она права». Нетрудно заметить, что это примерно та же аргументация, с которой, например, Родичев выступал в I Думе против Стаховича.

Скорее всего, сам М.А.Стахович, опытный и мудрый политик, рассматривал свое участие в перводумской дискуссии по проекту ответного адреса лишь как эпизод в своей политической борьбе. Характерно, что он, в числе небольшой группы «умеренных» (граф П.А.Гейден, князь Н.С.Волконский и др.), не стал голосовать против окончательного текста думского адреса, а просто вышел в тот момент из зала. Он, по-видимому, считал важным тогда продемонстрировать и стране, и монарху единодушие парламента: борьба за конституцию против революции, по его мнению, еще не была проиграна.

М.А.Стахович также прекрасно понимал, что на левые фракции I Думы большое влияние оказывается извне Таврического дворца, например, со стороны внедумских лидеров радикальных социалистических партий, мечтающих о крахе первого российского парламента. Судя по всему, Стахович питал личную неприязнь и к П.Н.Милюкову и пользовался здесь, надо сказать, полной взаимностью: он полагал, что, не будучи депутатом, Милюков из-за кулис манипулирует не только своей фракцией, но и всей Думой, считая ее лишь эпизодом на пути к созыву по-настоящему полномочного и демократического Учредительного собрания.

Известно, что П.Н.Милюков любил цитировать фразу из Вергилия: «Если не смогу убедить высших, то двину Ахеронт». Под «Ахеронтом» (так в древнегреческой мифологии называлась одна из подземных рек ада) имелась в виду, разумеется, стихия революции, которой кадетские лидеры рассчитывали управлять. Рассудительный и умеренный Стахович не мог разделить этих кадетских иллюзий: одна из ярчайших его речей в I Думе была на-

прямою направлена против кадетской идеи «управляемого хаоса», а возможно, и лично против Милюкова, обычно сидевшего во время думских заседаний в журналистской ложе.

«Очевидцы и обсерватории способны описывать ливни, грозы, но никто не может описать извержение вулкана, – начал свою речь М.А.Стахович. – Как после извержения вулкана, кроме все сжегшей лавы, есть еще стихийная масса пепла, которая все сыпает глубоко и тяжело, и только много лет позднее тщательными, равнодушными и беспристрастными усилиями науки можно восстановить условия этих событий, можно представлять, предсказывать ту жизнь Геркуланума и Помпеи, которая так внезапно оборвалась, – так и все движения народной стихии должны быть открыты и могут подвергнуться исследованию лучших историков не непосредственно вслед за своим событием, а только много позже и после долгого и добросовестного труда...».

Вполне вероятно, что, говоря о возможностях «лучших историков» изучить последствия революции только «спустя много лет», Стахович имел в виду не кого иного, как Милюкова – весьма заслуженного, как известно, историка. А вот в следующем пассаже той же речи Стахович уже откровенно негативно оценивал кадетскую тактику «заигрывания с революцией»: «Когда говорят, что не хотят революции, то обыкновенно забывают, что она не зависит от воли отдельных лиц; она даже не зависит от общей воли, она имеет свойство самовозгорания не только против желания, но иногда против ожидания участников или свидетелей...». Если многие в России, подводил итог Стахович, до сих пор не избавились от «наркоза возбуждения», от влияния того «вихря, который с атмосферической силой пронесется над страной», то есть две категории людей, которые обязаны сохранить в этих обстоятельствах полное трезвомыслие: «Это государственные деятели в настоящем и историк в будущем, когда он станет толковать человечеству значение его великих или ужасных бурь...». Сегодня можно только догадываться, какую реакцию вызвала эта речь Стаховича на кадетских скамьях и лично у Милюкова: в стенографических отчетах Думы об этом, к сожалению, ничего не говорится.

Достаточно важным в перводумской деятельности М.А.Стаховича стало его участие в дискуссии по аграрным вопросам. Как известно, проблема крестьянского малоземелья

была одним из главных источников революционной смуты в стране. Включившись в обсуждение этого вопроса, Стахович прежде всего заявил: «Я категорически и не колеблясь стою за увеличение площади крестьянского землевладения. Я считаю это делом нужным, считаю его совершенно возможным и считаю его безотложным... Государственная нужда состоит в том, что нельзя существовать дальше, не подняв народ из нищеты. Русское государство нуждается в том, без чего ни одно государство не живет: народ должен стать плательщиком и потребителем...». Однако, по мнению Стаховича, весь вопрос состоит в том, *как именно* провести увеличение крестьянских наделов, не вызвав при этом нового хаоса: «Я не скрываю, что принадлежу к тем староверам, может быть смешным, которые продолжают считать, что поджог, грабеж, насилие – грех и безобразие и что о них нельзя говорить сочувственно, чуть ни ласково... И страшную ответственность кладут на Думу все те, кто с кафедры призывает к самоуправству народному, говорят, как сегодня еще, что надо перейти к силе и пусть-де падет эта кровь на виноватых. Эта пролитая нами и братьями нашими русская кровь прольется не за родину, а в ущерб ей и в горе! Пусть же ляжет она на совесть тех, кто прославляет насилие, подбивает омраченных, нетерпеливых и раздраженных (*аплудисменты справа, ропот слева*)».

Между тем М.А.Стахович выступил не только против открыто социалистических идей земельного передела, но и против кадетского проекта аграрной реформы, предполагавшего решить проблему крестьянского малоземелья за счет отчуждения помещичьих земель «за достойное вознаграждение» и за счет передачи их крестьянам в срочную аренду. В противовес кадетам, Стахович выступил за передачу земли крестьянам в полную частную собственность: «Я стою не только за то, чтобы земельная площадь крестьянского землевладения была увеличена, но, помня о необходимости подъема культуры, чтобы эту землю крестьяне получили бы в свою собственность... Непременно в собственность, а не во временное пользование, потому что в мире мы не знаем иного, более сильного двигателя культуры, чем собственность».

Еще в ходе работ I Думы стало ясно, что политические позиции таких умеренно либеральных депутатов, как М.А.Стахович, граф П.А.Гейден, князь Н.С.Волконский, расходятся не только с

более радикальными группировками Думы (от кадетов и далее влево), но и с продолжавшим существовать вне Думы «классическим октябризмом», во многом поддерживавшим правительственный курс. Уже в начале лета 1906 г. встал вопрос о создании самостоятельной политической организации, название которой придумал М.А.Стахович – «Партия мирного обновления». Однако скорый роспуск I Думы, последовавший 9 июля, внес в эти планы серьезные коррективы.

11 июля 1906 г., в противовес радикальному «Выборгскому воззванию», которое было подписано в основном кадетами и левыми и призывало граждан к сопротивлению, хотя и «пассивному», от «Партии мирного обновления» было выпущено другое «Воззвание» за подписью трех бывших депутатов – графа П.А.Гейдена, М.А.Стаховича и Н.Н.Львова. В нем, в частности, говорилось: «В силу ст. 105 Основных законов Государю несомненно принадлежит право роспуска Думы. Мы считаем себя обязанными подчиниться не только по долгу подданных, но и по глубокому сознанию, что было бы преступно среди переживаемых Россией опасностей и смут колебать государеву власть... Поэтому первое слово наше, на ком лежало народное доверие, наше первое слово ко всем избирателям – призыв к спокойствию и противодействию каким бы то ни было насилиям. Только старательной подготовкой к новым выборам и сознательным осуществлением их может народ доказать, что дорожит своим представительством в деле правления и участием в создании законов. К будущим выборам должны быть направлены усилия русского народа, а нужды его будут выражены теми, кого он сознательно выберет. Всякие насилия, беспорядки и нарушения законов представляются нам не только преступными, но среди переживаемой смуты прямо безумными».

М.А.Стахович был избран в январе-феврале 1907 г. во II Государственную думу, которая оказалась еще более левой, чем ее предшественница. По разным причинам в новой Думе не оказалось главных соратников Стаховича по «Партии мирного обновления»: ни графа Гейдена, ни князя Волконского, ни Николая Львова. И хотя формально во II Думу были избраны, кроме него, еще два «мирно-обновленца», Стахович отказался от создания фракции: в отличие от графа Гейдена, он не имел вкуса к партийному руководству.

Основными оппонентами левых в новой Думе оказались уже не умеренные либералы, вроде Гейдена или Волконского, а ультраправые националисты типа Пуришкевича и Крушевана – с такими «союзниками» Стахович не хотел иметь ничего общего. Тем не менее и здесь, во II Думе, он активно выступал не только в пользу умеренных либеральных реформ, но против продолжающегося «революционного террора». Концовка его думской речи от 17 мая 1907 г. оказалась пророческой: «Если Государственная Дума не осудит политических убийств, она совершит его над собою!». Действительно, в изданном 3 июня Высочайшем Указе о роспуске II Думы прямо говорилось: «Уклонившись от осуждения убийств и насилий, Дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству».

Впоследствии В.А.Маклаков, уже неоднократно цитированный в этом очерке, вспоминал о настроениях М.А.Стаховича в период II Думы: «Стахович мне не раз повторял, что этот вопрос (о терроре. – А.К.) и теперь, наверное, будет поставлен и сделается испытанием Думы. Если 2-я Дума, как Первая, от осуждения террора уклонится, она себя уничтожит. Ее не смогут после этого считать “государственным учреждением”; ее судьба этим решится. Когда и на чем ее распустят – неважно. Это будет вопросом лишь времени. Но приговор над нею будет произнесен, не откладывая. Я тогда плохо верил Стаховичу; думал, что он преувеличивает важность вопроса, который им самим был в Думе поставлен...».

Думский опыт М.А.Стаховича с роспуском II Думы (июнь 1907 г.) закончился. С 1907 г. и по 1917 г. он заседал в верхней палате парламента – Государственном совете, куда регулярно избирался от орловского дворянства. После Февральской революции Стахович был назначен Временным правительством сначала генерал-губернатором Финляндии, а в сентябре 1917 г. – послом в Испанию. Вскоре после большевистского переворота в России он переехал на юг Франции, в городок Экс-ан-Прованс, где в 1923 г. скончался.

Я начал этот очерк цитатой из мемуаров проницательной современницы М.А.Стаховича – Ариадны Тырковой-Вильямс. Другой цитатой из нее же – о последних годах жизни Михаила Александровича – я хотел бы и закончить: «Временное правительство попыталось сделать из него дипломата, послало его в

Мадрид. Он недолго оставался на этом живописном посту, купил на юге Франции ферму, как Лев Толстой, с которым он был очень близок, сам шел за плугом, опахивая свои виноградники. Он писал друзьям в Англию, что это счастливейшее время его жизни. Там, среди виноградников, он и умер...».

Похоронен М.А.Стахович на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ ВОЛКОНСКИЙ:
**«Вместо порядка, вы зальете страну такой кровью,
какой она еще не видала...»**

Николай Сергеевич Волконский родился 17 февраля 1848 г. в родовой усадьбе села Зимарово Раненбургского уезда Рязанской губернии. Его отец, князь Сергей Васильевич Волконский (1819–1884), – отставной подпоручик, видный общественный деятель «эпохи великих реформ» Александра II.

В конце 1850-х гг. Волконский-старший, предводитель дворянства Раненбургского уезда, фактически возглавил вместе с Ф.С.Офросимовым, будущим председателем Рязанской уездной управы, а потом Рязанским городским головой, «либеральную партию» в среде рязанских общественных деятелей, работал в губернском комитете по подготовке и проведению крестьянской реформы. После введения земских учреждений – гласный (избранный депутат) губернского собрания, а с 1865 по 1877 гг. – председатель рязанской губернской земской управы, активно защищавший идею местного самоуправления против «партии крепостников» во главе с губернатором Болдыревым и губернским предводителем дворянства Реткиным. Крупнейший исследователь российского земства, будущий секретарь ЦК кадетской партии А.А.Корнилов назвал деятельность рязанских земцев Волконского и Офросимова «высокопоучительным примером» того, как «с самого открытия земских учреждений в них укоренился здоровый демократический дух, которым прониклись все передовые и наиболее влиятельные земские деятели».

По отзыву А.И.Кошелева, единомышленника и коллеги С.В.Волконского, тот был «тружеником, разумным и благонамеренным земцем», а возглавляемая им губернская управа «вела земские дела отменно хорошо». В 1877 г. князь С.В.Волконский отказался баллотироваться на пост председателя губернской управы на очередной срок: по словам Кошелева, «он неутомимо и с великою пользою для земского дела прослужил двенадцать лет, и последние годы особенно его утомила беспрестанная борьба с крепостниками».

Летом 1862 г. князь Сергей Васильевич, тогда еще раненбургский уездный предводитель, пригласил в Зимарово в качестве репетитора для сына студента-историка Московского университета Василия Ключевского, только что окончившего тогда первый курс, который и привил юному Николаю Волконскому, бывшему на семь лет его младше, вкус к историческим наукам. В 1872 г. Н.С.Волконский с отличием окончил историко-филологический факультет Московского университета и по настоянию отца поступил на государственную службу – в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. С 1875 по 1878 г. он состоял при новом рязанском губернаторе Николае Саввиче Абазе, сопровождал его, как главноуполномоченного Красного Креста, по тылам Дунайской армии во время русско-турецкой войны. Работа рядом с известным либеральным деятелем Н.С.Абазой, двоюродным братом еще более знаменитого А.А.Абазы – ближайшего сотрудника Александра II и графа М.Т.Лорис-Меликова, несомненно, сыграла свою роль в формировании общественно-политических взглядов молодого Волконского. После окончания русско-турецкой войны он поехал для продолжения образования в Европу, слушал лекции в Венском и Берлинском университетах.

С годами князь Н.С.Волконский постепенно приобрел и ценный опыт практической земской деятельности. С 1874 г. он регулярно избирался гласным Раненбургского уездного и Рязанского губернского земских собраний, вел дела в должности секретаря губернского собрания, руководил ревизией крестьянских касс Раненбургского уезда. Именно в земских органах самоуправления Н.С.Волконский видел наиболее эффективный механизм решения многообразных общественных проблем, в том числе одной из самых острых – «обеспечения народного продовольствия». В 1878 г.

на рязанском губернском собрании отец и сын Волконские представили записку, в которой указывалось, что «дело народного продовольствия должно быть делом земским – всесословным, и организация продовольственной помощи должна быть возложена на приходские попечительства, обладающие на сказанную потребность правом самообложения».

Н.С.Волконский выступал за полную самостоятельность земских учреждений в распределении общественных средств. Позднее уже сам, будучи председателем рязанской губернской управы (этот пост он занимал с 1897 по 1900 г.), он обобщил свои представления о великой роли земского самоуправления следующим образом: «Ежели земские учреждения в течение двадцатипятилетнего своего существования что-нибудь сделали, то единственно благодаря самодеятельности заинтересованного в деле населения. Если земские школы всегда такие, в которых действительно учат, то это происходило единственно вследствие того, что население только на такие школы охотно дает деньги, от которых видит пользу, и его никакими отчетами не проведешь. Население не будет тратиться на то, в чем не видит пользы».

Не забывал Николай Волконский и о своем профессиональном пристрастии к исторической науке, активно сотрудничая с Рязанской ученой архивной комиссией (РУАК). По просьбе известного рязанского общественного деятеля и историка А.Д.Повалишина (когда-то тот был учеником князя Сергея Васильевича), Н.С.Волконский начал работу над материалами по истории помещичьих хозяйств Рязанской губернии. Его исследование под названием «Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве» было опубликовано в «Трудах РУАК» за 1897 г. и неожиданно для автора получило широкую известность. Ряд влиятельных российских журналов («Исторический вестник», «Русское богатство» и др.) опубликовал развернутые положительные рецензии. По словам историка-краеведа С.Д.Яхонтова, эта работа «является новым, чуть не единственным трудом этого рода и очень ценится наукой». В «Отчете о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926)» крупнейший ученый, академик Н.И.Кареев, кстати, коллега Волконского по I Государственной думе, назвал работу князя-историка в числе самых значительных исследований по экономической истории крепостничества.

Поддерживал Н.С.Волконский и созданный при РУАК историко-этнографический музей, ставший одним из центров культурной жизни Рязани. В 1897 г. князь выкупил у своих родственников по материнской линии уникальную коллекцию произведений ручной вышивки крепостных крестьянок и подарил ее музею. В следующем году он передал в музей одну из семейных реликвий – старинную кольчугу одного из своих пращуров Волконских. Коллекция князя Н.С.Волконского сегодня составляет значительную часть этнографического фонда Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

В первые годы XX в. князь Н.С.Волконский включается и в общероссийскую политическую жизнь: принимает активное участие в московских заседаниях полулегального кружка «Беседа», устанавливает близкие контакты с лидерами либерального движения Д.Н.Шиповым, братьями князьями Петром и Павлом Долгоруковыми, Н.Н.Львовым, князьями Г.Е.Львовым и Д.И.Шаховским, графом П.А.Гейденом, И.И.Петрункевичем, Н.А.Хомяковым, М.А.Стаховичем.

Одной из главных задач либерального движения на рубеже XIX–XX вв. было расширение прав земства и координация деятельности земских учреждений. Не имея возможности официально собирать свои съезды, земцы использовали любую возможность: совещание по вопросам развития кустарной промышленности (март 1902 г.), по борьбе с пожарами в деревне (март–апрель 1902 г.) и т. д. «Кустарный» и «пожарный» съезды стали прологом к созыву в Москве полулегального общеземского съезда, инициатором которого выступил глава московской губернской управы Д.Н.Шипов.

Официально съезд не был разрешен властями и прошел полулегально 23–25 мая 1902 г. на московской квартире Д.Н.Шипова. На съезд съехалось 50 представителей большинства губернских управ и наиболее деятельные гласные. Активным участником съезда стал и князь Н.С.Волконский. Съезд единодушно констатировал, что новый правительственный курс, стремящийся подменить выборные земские учреждения назначенными «особыми комитетами», направлен на то, чтобы отстранить органы самоуправления от принятия принципиальных решений. Вместе с тем значительная часть участников, и в их числе Н.С.Волконский, высказалась за

то, чтобы земские деятели использовали все возможные средства, в том числе и участие в назначенных правительством органах, для повышения своего авторитета.

6–9 ноября 1904 г. состоялся общеземский съезд в Петербурге. Ввиду официального запрета, его заседания опять прошли в режиме «частных совещаний» на квартирах участников – И.А.Корсакова, А.Н.Брянчанинова и В.Д.Набокова. В съезде на этот раз приняло участие более 100 земских деятелей из 33 губерний; рязанское земство представляли князь Н.С.Волконский и новый председатель губернской управы В.Ф.Эман. Особенно оживленно проходило собрание 7 ноября в огромной квартире А.Н.Брянчанинова на седьмом этаже дома № 34 по Кирочной улице.

Обсуждались разные вопросы, в первую очередь – о будущем государственном устройстве и характере народного представительства. О ходе этих дискуссий и о позиции Н.С.Волконского впоследствии рассказал в некрологе на внезапную кончину князя председатель Первой думы С.А.Муромцев («Русские ведомости» от 25 февраля 1910 г.), участвовавший тогда в заседаниях в качестве представителя московского земства. Муромцев так вспоминал о Н.С.Волконском: «Невольно при мысли о нем воскресает внушительная картина земского съезда, заседание 7 ноября 1904 г. в зале А.Н.Брянчанинова. По случайности, зала заседания, более чем когда-либо как бы прообразует собою залу будущей Государственной Думы: на особом возвышении – председатель собрания, окруженный членами комитета; под ними – секретари собрания; лицом к председателю расположились рядовые члены собрания. И вот в части залы, слабее других освещенной, направо от председателя, встает Н.А.Карышев (делегат от земцев Екатеринославской губернии. – *А.К.*); рядом с ним видна фигура князя Н.С.Волконского. С необыкновенной выразительностью Н.А.Карышев настаивает на безусловной необходимости народного представительства, облеченного законодательной властью. Внимание собрания напряжено до крайних пределов. Н.А.Карышев кончил, и не каждый еще разобрался в своих мыслях; но поднимается князь Н.С.Волконский и, от имени целой группы сидящих вместе с ним, определенно заявляет, что они все едины, что Н.А.Карышев высказал общее им всем непоколебимое убеждение. Вся группа встает и подтверждает сделанное заявление. И, как это

часто бывает, простое, краткое слово, сказанное от сердца, делает более, чем красивые речи. Так случилось тогда и со словом князя Н.С.Волконского. Многим почувствовалось, что свершился решающий момент заседания».

Итак, князь Н.С.Волконский оказался в числе «прогрессистов» при голосовании на ноябрьском (1904 г.) земском съезде по вопросу о компетенции будущей Думы: их более консервативные оппоненты считали целесообразным оставить за Думой лишь совещательные функции. Между тем по вопросу о формах избрания будущего народного представительства Н.С.Волконский занимал достаточно умеренную позицию. На следующем общеземском съезде, состоявшемся в Москве 22–26 апреля 1905 г., он был одним из главных оппонентов победившей в итоге идеи «прямого голосования», отстаивая необходимость всеобщего, равного, тайного, но двухстепенного голосования. По его мнению, при недостаточном уровне массовой политической культуры в России только выборы, облеченные доверием земских собраний, способны делегировать в будущую Думу опытных законодателей, а не популистов-демагогов. Вместе с тем Н.С.Волконский активно поддержал саму идею о том, что «только немедленный созыв народных представителей с правом участия в осуществлении законодательной власти может привести к мирному и правильному разрешению насущных политических, общественных и экономических вопросов современной жизни России».

Одной из главных проблем коренного преобразования государственного устройства России земские деятели считали проведение аграрной реформы в интересах основного производительного слоя – крестьянства. И здесь позиция князя Н.С.Волконского и некоторых других умеренных земцев разошлась с позицией становящегося все более радикальным земского большинства. Противостояние по этому вопросу двух формирующихся лагерей в российском либеральном движении ярко проявилось в ходе Аграрного совещания, прошедшего в Москве 27–29 апреля 1905 г., сразу после общеземского съезда.

На этом совещании в докладах И.И.Петрункевича, А.А.Мануйлова, М.Я.Герценштейна начала кристаллизоваться позиция, легшая затем в основу аграрной программы Конституционно-демократической партии: крестьянские наде-

лы должны быть увеличены за счет государственного выкупа (за адекватное вознаграждение) излишков собственности и передачу их крестьянам в аренду. Тогда же в рядах умеренных земцев и возникла оппозиция, активно проявившая себя впоследствии в стенах I Думы. Одним из лидеров этой «правой оппозиции» и стал князь Н.С.Волконский.

В своем выступлении на совещании он отметил, что за, казалось бы, большим разбросом мнений проступают, по существу, две основные позиции: *за* и *против* частной собственности на землю. Аграрный проект «земского большинства» по своей сути совсем недалек от идеи национализации, ибо оставляет, в конечном счете, за государством и, как следствие, за чиновничеством право собственности на землю. По мнению Волконского, крестьянство желает не просто «прирезки земли» на правах аренды, а полноценной собственности. Ссылаясь на свое знание положения на родной Рязанщине, Волконский заявил, что местный крестьянин-земледелец «жаждет получить землю в полную частную собственность. По крайней мере, у нас, на черноземе, получить кусок земли в полную частную собственность, столь же хорошо защищенную законом, как и собственность любого другого владельца, составляет венец желаний всякого крестьянина. И уже некоторые крестьяне стали осуществлять это желание, приобретая землю при помощи Крестьянского банка и без такой помощи. Но лица, предлагающие добавочное наделение землей, эти прирезки к наделной земле, считаются ли с таким желанием? Нет. Напротив, если проводить предлагаемое наделение последовательно, пришлось бы отбирать землю и у таких мелких собственников для наделения ею неимущих. Но эти-то уж добровольно не отдадут ее. Идя этим путем, надо готовиться к междоусобной войне. И если такой войне суждено разгореться, то победителем, думается мне, выйдет из нее тот, кто обещает частную собственность на землю».

Итак, вместо экспроприаторской (согласно убеждениям Волконского – «полусоциалистической») программы «отчуждения земельных излишков», чреватой новым перераспределительным диктатом бюрократии и социальной нестабильностью, Волконский предложил ограничиться чисто рыночными мерами: расширением деятельности преобразованного с участием земств Крестьянского банка, введением нового поземельного налога на крупную соб-

ственность и т. д. По его мнению, «налог выбросил бы на рынок наиболее слабые в хозяйственном отношении земли и указал бы, что подлежит отчуждению; внимательное изучение особенностей каждого отдельного случая местными общественными учреждениями даст путь, как достигнуть остального».

Впрочем, по мнению Волконского, известного тем, что он никогда не объявлял свою точку зрения единственно верной, вопрос о степени укорененности и популярности идеи частной собственности в России остается открытым: «Если я ошибаюсь, если желание земледельческого населения не заключается в стремлении к частной собственности, – кто так думает, тому надо последовательно идти к национализации земли, но разрешится этот процесс междоусобной войной». Слова князя Волконского оказались пророческими: в конечном итоге Россия оказалась разделенной на два лагеря – защитников и ненавистников частной собственности, и кто победил в этой борьбе – известно.

Поражение России в русско-японской войне вызвало волну общественно-политических выступлений. 24 мая 1905 г. в Москве, в особняке Ю.А.Новосильцева на Большой Никитской, собрался т. н. коалиционный съезд земских деятелей, в котором приняло участие около 300 человек. Председатель съезда граф П.А.Гейден, ближайший единомышленник Н.С.Волконского, во вступительном слове выразил общее настроение: «Истребление русского флота поразило всю Россию; люди всевозможных политических фракций пришли к заключению, что продолжение существующего порядка более немыслимо и что правительство, виновное перед народом, долее существовать не может». Участники съезда выразили общее недовольство усилением репрессивного курса в стране (буквально накануне полицейский генерал Д.Ф.Трепов получил от императора фактически диктаторские «особые полномочия») и высказались в пользу безотлагательного созыва народного представительства. Несмотря на многие разногласия «партий», по сути уже сложившихся в русском освободительном движении, съезду удалось согласовать адрес на Высочайшее имя, в котором выражалась обеспокоенность ситуацией в стране, содержались критика правительственного курса, особенно его «полицейской» составляющей, и призыв к скорейшему созыву народных представителей как единственному спо-

собу успокоения страны. Адрес был, разумеется, компромиссом многих разных настроений (по словам одного из участников – «бледной равнодействующей всех желаний»). Радикалы нисколько не верили в его действенность, считали его лишь «исполнением долга», «успокоением собственной совести» и т. д. Похоже, однако, что такие умеренные земцы, как князь Н.С.Волконский, а также близкие к нему Д.Н.Шипов, М.В.Родзянко и др., напротив, все еще рассчитывали «достучаться до императора» и поэтому настояли на внесение в итоговый текст ряда поправок, призванных смягчить общую оппозиционную тональность.

И во второй день съезда, при обсуждении вопроса о выборе депутации для вручения царю утвержденного «адреса» (это заседание прошло в особняке В.А.Морозовой), Н.С.Волконский, Д.Н.Шипов и другие «умеренные» сделали все, чтобы обеспечить демонстративную лояльность Государю. В противовес «радикалам», настаивавшим на максимально широком составе (Н.Н.Ковалевский, например, предложил избрать в депутацию по два человека от губернии и по одному от города, иначе: «Кто с ней станет считаться?... Пусть нас хоть нагайками разгонят – я не боюсь нагаек!»), Д.Н.Шипов заявил, напротив, следующее: «Спасти Россию может только единение власти с народом. Депутация должна быть составлена так, чтобы Государь мог ее принять... В депутацию нужно выбрать от 3-х до 5-ти лиц...». С аналогичных позиций выступил и Н.С.Волконский: «Если я принимаю участие в этом совещании, то потому, что желаю подать адрес Государю. Поэтому я здесь могу иметь в виду только мою совесть и Государя. Предлагаю выбрать трех депутатов...».

В итоге была избрана депутация из 12 человек; вместе с присоединившимися к ней тремя представителями петербургской городской думы, а также профессором Московского университета князем С.Н.Трубецким она была принята императором в Петергофе 6 июня 1905 г. По общему мнению, эта встреча, хотя и прошла внешне вполне благожелательно, никаких практических последствий не имела. И двор, и либеральная общественность взяли паузу, изготавляясь к дальнейшему противостоянию.

А пока в либеральной среде шло дальнейшее размежевание на «радикалов» (во главе с И.И.Петрункевичем, П.Н.Милюковым, Ф.И.Родичевым), составивших затем костяк Конституционно-

демократической партии, и «умеренных», шедших за Д.Н.Шиповым, графом П.А.Гейденом, М.А.Стаховичем, Н.А.Хомяковым. В этом противостоянии Н.С.Волконский становится одним из лидеров «умеренных»: он, землец-практик, специалист по аграрным и финансовым вопросам, считал главной российской проблемой дезорганизацию хозяйства и основную опасность видел в нарастающем революционном движении, способном сорвать обещанную царем конституционную реформу. Вместе с тем он понимал, что к социальной дезорганизации ведет не только смута «снизу», но и полицейско-бюрократический курс правительства, некомпетентного и игнорирующего народные нужды. Выход из этого порочного круга Н.С.Волконский и его единомышленники видели в целенаправленных «реформах сверху», воссоздающих в новых условиях то единение власти и общества, которое было характерно для «эпохи великих реформ» Александра II. **Возможность этого умеренные либералы увидели в дарованном Николаем II Манифесте 17 октября 1905 г.**

Сторонник конституционной монархии Н.С.Волконский в ноябре 1905 г. стал одним из основателей либерально-консервативной партии «Союз 17 октября». Он регулярно участвовал в заседаниях петербургского ЦК партии, собиравшегося иногда по два-три раза в неделю, затем вошел в Московское отделение Центрального комитета, одновременно возглавив рязанский губернский отдел партии. В те месяцы октябристы видели главную задачу в подавлении революционной смуты, причем не только военно-полицейскими, но и – главным образом – общественными силами. Они опасались, что курс премьера С.Ю.Витте, которому они тоже не вполне доверяли, может смениться гораздо более репрессивным режимом министра внутренних дел П.Н.Дурново. Подобную «центристскую» тактику, опирающуюся на идею реализации императорского Манифеста и перспективу скорейшего созыва Думы, князь Н.С.Волконский попытался реализовать и в своей Рязанской губернии. В декабре 1905 г. на губернском земском собрании он представил докладную записку, в которой предлагал образовать в каждом уезде на земские средства вооруженные дружины для охраны и защиты помещичьих имений. Большинство голосов его предложение было отвергнуто, хотя и нашло значительное число сторонников. В этом эпизоде ярко проявилась политическая доминанта того времени: общество

все более поляризовалось на «охранителей», согласных на любые реакционные действия, и «революционеров», стремящихся к радикальным изменениям. Центристские силы, представленные в том числе и октябристами с их идеей «борьбы общества против революции», в этом противостоянии явно теряли инициативу.

В этих условиях Н.С.Волконский и его коллеги придавали большое значение скорейшим выборам в I Государственную думу, рассчитывая на союз популярных умеренных земцев-практиков и «здравомыслящего», как им казалось, «крепкого крестьянства». Выступая на объединенном совещании Санкт-Петербургского и Московского отделений ЦК «Союза 17 октября», созданном 8–9 января 1906 г. в преддверии общепартийного съезда, Н.С.Волконский объявил о необходимости «возможно скорее приступить к выборам в Думу, особенно от крестьян». «Правительство делает большую ошибку, испытывая так долго терпение населения, – говорил Волконский. – Если в начале апреля Дума не будет созвана, волнения снова могут усилиться. Многочисленные аресты людей, иногда ни в чем не виновных, вызывают недовольство населения».

Чем раньше пройдут выборы в Думу, тем больше шансов у умеренных партий, полагал Н.С.Волконский и был глубоко прав: задержка с созывом народного представительства с каждым днем усиливала позиции радикалов. Отмечая, что «деревню мало волнуют газетные известия о политических беседах графа Витте и весь интерес сосредотачивается на вопросе земельном», Волконский призвал лидеров октябристов обратить особое внимание на земельный вопрос, по которому партии «нужно сказать больше, чем было высказано до сих пор». «Необходимо самим себе выяснить всю трудность и сложность вопросов и разъяснить это крестьянам. Желательно, чтобы местными отделами “Союза” были доставлены съезду точные сведения и фактический материал, освещающие положение вопроса в той или другой местности», – подчеркивал Волконский. Он полагал, что победить в избирательной кампании левую демагогию по крестьянскому вопросу можно, только опираясь на очень точное и конкретное знание предмета.

Выборная кампания октябристов в Рязанской губернии проходила в обстановке острого соперничества с кандидатами от более радикальной Конституционно-демократической партии, взявшими на вооружение идеи принудительного отчуждения по-

мещичьих земель и скорейшего созыва Учредительного собрания, с которыми князь Волконский и его единомышленники полемизировали еще на первых земских съездах. Имея явное преимущество перед кадетами на съездах крупных землевладельцев, октябристы существенно уступали им в городских избирательных собраниях. Позиция крестьян, за которыми, согласно новому законодательству, закреплялась существенная квота выборщиков, была неустойчива. Опасаясь возможности забаллотировки выборщиками от крестьян всех иных кандидатов, в том числе и октябристов, Н.С.Волконский одно время вел переговоры о коалиции в губернском избирательном собрании с рязанскими кадетами. Однако их лидер А.К.Дворжак от альянса с октябристами уклонился: общим кадетским принципом на выборах в I Думу было «блокирование налево», с радикальными крестьянскими элементами, с целью победы над «сторонниками режима», к которым кадеты теперь относили и октябристов.

Тактика конституционных демократов, как известно, в целом по России принесла успех: блок кадетов и более левых «трудовиков» определил лицо I Думы. Большинство октябристских кандидатов, даже таких ярких и заслуженных, как Д.Н.Шипов, А.И.Гучков, М.В.Родзянко, потерпели поражение. Однако были и отдельные исключения: в Пскове, Орле, Саратове в Думу сумели пройти некоторые лидеры умеренных земцев: граф П.А.Гейден, М.А.Стахович, Н.Н.Львов. Исключением стала и Рязанщина: на губернском избирательном собрании октябристам, возглавляемым Н.С.Волконским, удалось не только получить голоса правых и умеренных выборщиков, но и привлечь на свою сторону выборщиков-крестьян. В результате в Рязанской губернии октябристы сумели провести в Думу трех кандидатов из восьми возможных: депутатами стали сам князь Волконский и его коллеги по партии А.В.Еропкин и Н.И.Ярцев.

И современниками, и позднейшими исследователями был многократно отмечен парадоксальный факт: в I Думе, в отличие от последующих, по существу не было откровенных реакционеров; на «правых скамьях» здесь оказались такие заслуженные земцы-конституционалисты, как граф Гейден, орловский губернский предводитель Стахович, князь Волконский. Кадетско-трудовическое большинство I Думы считало парламентскую активность этих де-

путатов лишь досадной помехой в победном, как тогда казалось, наступлении народных представителей на ретроградную власть. Но существует и иная оценка: один из кадетских лидеров, депутат II–IV Дум В.А.Маклаков, правда, уже в эмиграции пришел к нестандартному выводу о том, что именно Гейден, Стахович и Волконский пытались защитить в I Думе *подлинно либеральную и конституционалистскую позицию*.

Конечно, в этом смысле граф П.А.Гейден и М.А.Стахович были в I Думе наиболее ярки и активны, но и нередкие выступления их единомышленника князя Н.С.Волконского, получившего за свою неприязнь к явным и скрытым социалистам прозвище «сердитый князь», также сыграли свою роль и по праву должны войти в историю русского конституционализма.

Уже на одном из первых заседаний, 2 мая 1906 г., когда обсуждался вопрос о необходимости потребовать от властей немедленной и полной амнистии и некоторые «левые» аргументировали срочность этого вопроса тем, что царь, мол, может опередить думцев, слово для короткой реплики попросил Н.С.Волконский: «Тут было сделано еще одно заявление: а ну-ка Государь даст амнистию без нас... Да сделайте милость! Надо будет благодарить за это судьбу, и если это будет сделано сейчас, не по нашему собственному почину, а будет сделано правительством, то, мне кажется, кроме благодарности, ничего за это сказать нельзя. Остается только порадоваться...». Однако эта вполне разумная реплика «сердитого князя» нимало не изменила позицию нетерпеливых радикалов.

Главное выступление князя Н.С.Волконского в I Думе состоялось 18 мая 1906 г. и было посвящено аграрному вопросу – собственно, это был принципиальный содоклад от немногочисленной группы «умеренных», продолжающих активно оппонировать проектам передачи в аренду крестьянам экспроприированной земельной собственности как якобы единственному способу социального умиротворения в стране.

В самом начале своей развернутой речи Н.С.Волконский согласился с тем, что значительное большинство крестьянства видит в недостатке земли главный источник своих бедствий. «Ставя себя в положение нашего крестьянина, – добавил Волконский, – я уверен, что я думал бы то же самое, что и он, и приписывал бы недостаток земли все мои бедствия». Но в том-то и дело, заметил он да-

лее, что народные избранники, собравшиеся в зале Думы, должны смотреть на проблему глубже, осмыслить ее рационально и найти верное решение, а не просто идти за массовым нетерпением.

Волконский обратил внимание на одно интересное обстоятельство, которое исследовал очень внимательно и как земец-практик, и как профессиональный историк: массовые крестьянские выступления, грабежи и поджоги имели место вовсе не там, где малоземелье было особенно чувствительно. Так, например, одним из очагов крестьянских бунтов стал Балаковский уезд Саратовской губернии, родной уезд друга и единомышленника Волконского – депутата Н.Н.Львова, где крестьяне имели в два раза больше земли, чем в родном для Волконского Раненбургском уезде Рязанской губернии, где, напротив, ситуация в целом осталась спокойной. Вывод Волконского должен был неприятно задеть «левую» часть Думы: «Эти грабежи были вызваны особой агитацией, этой страстью к земле воспользовались люди, для того чтобы поднять одну часть населения против другой. Поэтому движение было особенно сильно не там, где всего сильнее нужда в земле, а там, где были налицо такие люди, которые могли поднять население».

Поэтому, по мнению Волконского, справедливый призыв изыскать возможности увеличить крестьянские наделы не должен стать предметом беспочвенной демагогии: во многих районах существенно «прирезать землю» просто невозможно. Так, согласно профессиональным расчетам Волконского, даже если взять все пахотные земли Рязанской или Тамбовской губерний, включая земли помещичьи и церковные, и разделить их ровно между всеми земледельцами («всех крестьян взять и рассадить, как картофель, по всей губернии»), то прибавка к крестьянскому хозяйству будет мизерной – не более одной десятины на каждую душу мужского пола.

Вызовом большинству прозвучал и другой тезис Волконского: «У наших земледельцев все-таки больше земли, чем у земледельцев любой другой страны Европы; там от этого недостатка не страдают, не страдают потому, что там земля приносит больше». Поэтому важной национальной задачей, по мнению Волконского, должна стать не только решение проблемы малоземелья, но и повышение производительности земли. А учитывая, что помещичьи хозяйства пока раза в два продуктивнее крестьянских, их разоре-

ние приведет к деградации национальной экономики: «Нельзя разрушать те хозяйства, которые много приносят, и создавать такие, которые мало приносят».

Какие же меры предложил Думе сам Н.С.Волконский? Его предложения основывались на двух принципах: учете конкретной местной специфики и необходимости передачи земли в частную собственность, а не в аренду. «Дайте крестьянину в собственность десятины 10 пустыря, – говорил Волконский, – и через 10 лет он из них сделает 10 десятин огорода, а сдайте ему в аренду эту землю, поставьте еще чиновника, который бы смотрел за тем, кто будет обрабатывать эту землю, сам ли хозяин или, может быть, не батрак ли, то из 10 десятин огорода получите 10 десятин пустыря». Поэтому в тех районах, где есть возможность «прирезать землю» крестьянам, это следует сделать, используя все инструменты государства: «Прирезать придется, конечно, на счет государства и взять эту землю тут же, возле, если добром можно, то добром, а если не добром, то и принудительно... И отпуская с приданным, сказать: “Ступайте, работайте на своей земле, отвечайте во всем сами за себя: хорошее будет хозяйство – твое дело, плохое хозяйство – на себя пеняй!”». В тех же местах, где существенно добавить земли невозможно, необходима планомерная работа по переселению крестьян на свободные земли, которые также должны быть им переданы в полную частную собственность.

Еще одним способом расширения крестьянских наделов могла бы стать продажа помещиками их земель. Собственно, этот процесс уже активно шел: по подсчетам Волконского, после реформы 1861 г. в Рязанской губернии в руках старых владельцев осталась примерно половина земель, и половину из проданного купили именно крестьяне. «Если такая масса земель уже теперь переходит к крестьянам, – заметил Волконский, – то при большей поддержке государства перейдет еще больше». Он рассказал далее, что у себя в волости он уже произвел некоторые подсчеты: «Мне, например, из 1200 десятин придется уступить 500. Придется купить у священника немножко, и он согласен продать, и т. д. – устроиться можно...». Согласно предложению Волконского, землевладельцев, имеющих менее 300 десятин, следует вообще оставить в покое, а более крупные собственники вполне могут уступить примерно

треть своих земель. При этом земельные излишки можно не только продавать, но и обменивать: «Отчего казне не прибегнуть вместо отчуждения покупкой – к обмену? У государства есть много мест и земель, которые в переселенческом деле для крестьян не годятся, потому что требуют больших затрат капитала, например, лесные пространства, горные; между тем человеку с капиталом они очень пригодятся, и если бы помещику предоставлено было право в некоторых случаях меняться, то на земли, может быть, иногда не крестьяне переселялись бы, а помещики. Я бы первый, пожалуй, отдал свои 1200 десятин в Тамбовской губернии и выселился бы. А она бы очень пригодилась».

Важным элементом крестьянской реформы могла бы стать и ликвидация наиболее архаических форм общинного землевладения, тормозящих развитие национального хозяйства. «Если крестьяне какого-нибудь общества пожелают продолжать владение землей сообща, – предложил Волконский, – пусть составят договор о том, и пользование этой землей будет уже определяться из этого договора. Без договора, как теперь, по обычаю, общинное землевладение не должно быть более допустимо».

Общий стиль этого выступления Н.С.Волконского напоминал речь мудрого сельского старосты и захватил внимание многих депутатов, почувствовавших в ораторе прекрасное знание предмета. Но, судя по стенограмме, было немало и таких, кто старался перебить и остановить оратора криками: *«Довольно, довольно»*. Концовку своего выступления Волконский явно сократил. Но расстроен он, судя по всему, не был. Во-первых, главное он успел сказать, заронив многие сомнения в головы думского большинства и в первую очередь здравомыслящих крестьян. А, во-вторых, он знал, что в зале у него есть сильный союзник, который уже записался в очередь на выступление по аграрному вопросу.

На следующий день, 19 мая, Н.С.Волконского активно поддержал саратовский депутат, бывший кадет Н.Н.Львов. После необходимых слов о том, что он, конечно, признает важность увеличения площади крестьянского землевладения и для достижения этой цели допускает отчуждение частновладельческой земли, Львов, один из самых блестящих ораторов первых российских парламентов, перешел в наступление на предложенный от имени думского большинства проект аграрной реформы.

«Я самым решительным образом расхожусь с началами предлагаемой нам схемы аграрной реформы, – заявил Н.Н.Львов. – Я отвергаю ее, так как она направлена, по моему убеждению, не на поднятие благосостояния населения, а на осуществление абстрактной теории, не только не на пользу, а во вред крестьянству и общему благу страны». Львов так же, как когда-то на земском совещании это сделал Н.С.Волконский, назвал главной идеей кадетского проекта фактическую национализацию земли: «Правда, само слово не названо, но сущность ее проведена с известной последовательностью».

Концовка речи Н.Н.Львова была чрезвычайно сильной: «Для того чтобы такой закон провести в жизнь, нужна страшная власть. В Петербурге вы должны создать огромную земельную канцелярию, которая измеряла бы, распределяла, переселяла из одного конца России в другой, изрезывала бы всю Россию на продовольственные квадраты. В каждом уголке для такой коренной ломки всего хозяйственного быта вы должны держать целый штат чиновников.... Для таких задач, для такой ломки жизни вам нужна не Государственная дума, а диктатура, власть деспотическая! Бойтесь деспотизма, вашего собственного деспотизма, бойтесь самого худшего из них – деспотизма голых формул и отвлеченных построений!». «Аплодисментов» по окончании речи Н.Н.Львова в стенографическом отчете не отмечено – слушатели, судя по всему, были потрясены.

Итак, влияние князя Н.С.Волконского на эволюцию идей Н.Н.Львова несомненно. Их близкие по духу и аргументации выступления в Думе еще более сплотили их, хорошо знакомых со времен кружка «Беседа» и первых земских съездов. Теперь, в последние недели работы первой Думы, Волконский вместе с Львовым, а также гр. П.А.Гейденем и М.А.Стаховичем активно обсуждали планы создания самостоятельной партии, свободной как от левых предрассудков кадетизма, так и от проправительственных обязательств октябризма.

Свою принципиальную позицию по вопросу об аграрной реформе Н.С.Волконский еще раз подтвердил и на думском заседании 5 июня 1906 г., когда подводились итоги общей дискуссии: «По моему мнению, во-первых, крестьяне должны получить землю в собственность, а не аренду... Я не задаюсь теориями. По-моему, этот вопрос гораздо легче решить на местах, чем приступать к общей формуле (*редкие аплодисменты*)».

А на следующий день, 6 июня, при обсуждении проекта закона о гражданском равенстве, князь Волконский еще раз предельно точно определил свое кредо политика и депутата, сделав акцент на необходимости здравомыслия и практичности в законодательной работе: «Я никогда законодателем не был и дальше скромной деятельности в земских собраниях в этом отношении не шел, но и там, всякий раз, когда предлагались какие-нибудь меры, я находил, что надобно прежде всего сознательно отнестись к ней и не только оценить ее с точки зрения принципа, но и взглянуть на всю совокупность тех факторов, которые вызывают применение этого принципа на деле. Если мы желаем отменить какое-нибудь зло, нам надо, чтобы это зло представилось нам фактом, каким оно существует на деле».

Между тем недолгое существование I Думы подходило к концу. 19 июня 1906 г. левое большинство устроило обструкцию Главному военному прокурору, генерал-лейтенанту В.П.Павлову. Собственно, волнение в зале началось еще во время выступления министра юстиции И.Г.Щегловитова; шум еще более усилился, когда от имени морского министра выступал военно-морской прокурор Н.Г.Матвеев. А когда Председатель Думы С.А.Муромцев начал было объявлять, что от имени военного министра выступит Павлов, и тот направился к трибуне, свист и топот депутатов вообще не дали оратору возможности говорить. Муромцев хладнокровно и, как представляется, с полным пониманием настроений депутатов прервал заседание на один час. После перерыва сравнительно гладко прошло выступление еще одного представителя правительства – заместителя Столыпина по министерству внутренних дел А.А.Макарова. А потом депутаты радикальных фракций стали наперегонки записываться для выступлений «по порядку ведения». Обструкцию «кравовому палачу Павлову» постарались ярко обосновать и лидеры «трудовиков» С.В.Аникин и А.Ф.Аладьин, и видный социал-демократ И.И.Рамишвили, и кадет М.М.Винавер. Единственными, кто попытался призвать депутатов к корректности по отношению к представителям правительства, были граф П.А.Гейден и князь Волконский.

Гейден выступил, как всегда, очень спокойно: «Я думаю, что главная беда нашего прежнего порядка есть превращение личной воли в закон... Я придерживаюсь того правила, что новый порядок

надо вводить новыми приемами – глубоким уважением к закону и даже к личности своего врага». Гораздо более возбужденным выглядел Н.С.Волконский: «Господа, если тот минимум требований, который должен удовлетворить всякого говорящего на этой кафедре, будет зависеть от усмотрения лиц, сидящих там (*указывает на левую сторону*), или каких бы то ни было групп, или даже всей Думы, а не закона, то Дума будет неработоспособна; нынче вы сгоните одного, а завтра другого, и работа станет невозможной, и вместо порядка, для которого мы созданы, вы зальете страну такой кровью, какой она еще не видала (*шум*). Я глубоко протестую против этого (*шум*)».

Последнее выступление князя Волконского в I Думе состоялось 4 июля, совсем незадолго до роспуска. Предчувствуя, по видимому, что прямое обращение депутатов к населению по аграрному вопросу, к чему склонялось думское большинство, может дать властям удобный повод для роспуска народного представительства, он просил не разжигать страсти, воздержаться от деклараций и найти иные способы информировать граждан о позиции депутатов. Собственно, все так и случилось, как и предупреждал Волконский: 9 июля 1906 г. Дума была распущена.

Между тем умеренная позиция депутата князя Волконского в I Думе вызвала серьезное недовольство многих его рязанских избирателей, значительно полевевших за эти месяцы. Так, жители села Новики Спасского уезда прислали в Думу свой «крестьянский приговор», в котором писали: «Постановили выразить князю Волконскому наше негодование за то, что он не стоит за народ. Мы еще больше будем презирать его, если увидим, что он не войдет в трудовую группу». В другом «приговоре» – крестьянского схода Кузьминской волости Рязанского уезда – говорилось: «Князь Волконский в Думе интересы крестьян не отстаивает, трудовому крестьянству в его нужде не сочувствует... Поэтому и мы его взглядам и направлению тоже не сочувствуем».

Надо добавить также, что во времена I Думы и сразу после ее роспуска сам князь Волконский и другие рязанские думско-октябристы старались удержаться на либеральном фланге собственной партии, в то время как внедумское большинство ЦК склонялось к сотрудничеству с правительством. Поэтому рязанские либералы во главе с Волконским, наверняка прислушивающимся к голосу сво-

их полевевших избирателей, поначалу поддержали идею лидеров думских «умеренных» графа П.А.Гейдена и М.А.Стаховича, а также отошедшего от кадетов Н.Н.Львова создать новую, либерально-центристскую «Партию мирного обновления». На заседании ЦК «Союза 17 октября» 29 июня 1906 г. Н.С.Волконский мотивировал необходимость создания новой партии прагматическими соображениями: «Принадлежащие к Союзу крестьяне – члены Думы понемногу отпадают от него... Крестьяне все более убеждаются, как важно и выгодно идти заодно с сильной партией. Иметь дело с «Союзом 17 октября» они стесняются, в его помещение ходить боятся, его представителей сторонятся. Партия мирного обновления возникла в большой мере, чтобы дать возможность сгруппироваться вокруг нового имени, которого не будут стесняться».

Вскоре, однако, под воздействием быстро меняющейся политической обстановки, Н.С.Волконский возвратился в лоно классического октябризма. Скорее всего, набирающий силу в партии энергичный А.И.Гучков, во многом близкий князю: тоже выпускник истфака Московского университета, тоже учился в Берлине и Вене, а также такие умеренные октябристы, как Н.А.Хомяков, С.И.Шидловский, В.М.Петрово-Соловово, были ему все-таки ближе. Большое значение имело и то, что новым главой российского правительства стал П.А.Столыпин, в значительной степени разделявший общественные воззрения Волконского.

В конце 1906 г. рязанские октябристы активно включились в избирательную кампанию по выборам во II Думу. 30 декабря на собрании рязанского отдела партии было избрано, по предложению Н.С.Волконского, особое «выборное бюро» из 10 человек, которому поручалось руководство предстоящей кампанией. По сравнению с более левыми партиями октябристы имели заметное преимущество – полную свободу предвыборной агитации. Однако выборы для партии в Рязанской губернии закончились полным поражением: ни один из ее кандидатов в новую Думу не попал. Победил объединенный блок кадетов и «левых»: наиболее уязвимым местом октябристов стала как раз их умеренная позиция по аграрному вопросу в первой Думе.

Что касается III Государственной думы (для избрания в нее Волконский сложил с себя полномочия выборного члена Государственного Совета от рязанского земства), то в ее стено-

графических отчетах фамилия князя Н.С.Волконского встречается многократно. Кстати, учитывая, что в эту Думу были избраны и другие Волконские, в том числе младший брат Николая, князь Сергей Сергеевич Волконский, выпускник юридического факультета Петербургского университета, видный общественный деятель Пензенской губернии, князь Николай Сергеевич получил «по старшинству» думское имя «Волконский 1-й».

По сравнению с I Думой положение Н.С.Волконского в III Думе изменилось кардинальным образом. На основании нового избирательного закона, давшего преимущество на выборах цензовым элементам, соратники князя по партии октябристов получили в новой Думе преобладающие позиции, а председателем был избран старинный друг – общественный деятель из Смоленской губернии Н.А.Хомяков.

Наиболее серьезной темой, по которой «князь Волконский 1-й» выступал в III Думе, стали теперь проблемы народного образования. В январе 1910 г. в Думе произошла острая схватка между ультраправыми депутатами, поддерживавшими охранительный курс министерства просвещения, и реформаторами, которых в Думе возглавили октябристы – профессор В.К. фон Анреп (председатель профильной думской комиссии) и князь Н.С.Волконский. Дело в том, что правительство, проведя ранее ряд мер по ужесточению правил университетского образования, не торопилось возвращать университетам отобранные права, затягивая внесение в Думу нового университетского Устава. Умеренно-либеральное октябристское большинство, которое в данном случае из тактических соображений поддержали кадеты и левые, настаивало на разработке и принятии хотя бы временных правил, обеспечивающих расширение прав университетской молодежи. В ходе острой дискуссии князь Н.С.Волконский активно выступил за необходимость скорейшего введения «временных правил», защищая тезис, что «этого требуют интересы общества». Однако разумное и весьма взвешенное выступление князя буквально взорвало думских ультраправых.

Первым выскочил на трибуну их лидер, курский депутат Н.Е.Марков (Марков 2-й), который с жаром произнес: «Я взошел на эту трибуну, чтобы возразить князю Волконскому 1-му. Он тут заявил, что то законодательное предположение, которое левые

объявляют с большой смелостью своим сочинением, должно быть принято только потому, что оно будет якобы отвечать запросам общества. Я заявляю князю Волконскому, что требованию того общества, которому он желает подчиниться и по требованию которого он желает плясать, мы не будем подчиняться. Мы признаем волю народа, а воля народа выше воли вашего жидовского общества (*Рукоплекскания справа и голоса: браво!*)).

Вслед за Марковым выступил другой черносотенец, член Главного совета «Союза русского народа» Ф.Ф.Тимошкин, и тоже грубо возразил Волконскому относительно «потребностей общества»: «Народная потребность, господа, потребность русского народа заключается в том, что наши высшие учебные заведения переполнены иудеями и инородцами, а русским туда доступа нет. (*Рукоплекскания справа и голоса: верно! браво! долой жидов с Милюковым вместе!*)». Впрочем, лидеры октябристского большинства, поначалу, по-видимому, несколько растерявшись, достаточно быстро овладели положением, и Дума подавляющим числом голосов постановила желательной выработку «временных правил».

В политической биографии князя Н.С.Волконского, истинно-го центриста, неоднократно бывали ситуации, когда в один день его яркое думское выступление вызывало аплодисменты «слева» и свист «справа», а на следующий день происходило ровно наоборот. Так и случилось, например, в январские дни 1910 г. Сперва левые депутаты (трудовики, социал-демократы) активно поддерживали «демократизм» князя в отношении университетской реформы. А буквально через несколько дней, при обсуждении вопроса о необходимости имущественного ценза для местных судей, те же самые «левые» устроили Волконскому обструкцию.

Князь Н.С.Волконский всегда был сторонником имущественного ценза для занятия всех выборных должностей. По его мнению, только наличие собственности способно сформировать надежное гражданское мировоззрение, позволяющее ответственно выполнять общественные функции. Эта позиция, будучи открыто высказанной Н.С.Волконским на заседании Думы 22 января 1910 г., и вызвала бурное недовольство на скамьях левых депутатов.

Однако в III Думе Н.С.Волконский запомнился и эпизодами, когда одна его меткая реплика разряжала межпартийную конфронтацию. Так произошло, например, в ходе заседания 3 июня

1908 г., когда депутаты утверждали устав Московского народного университета им. А.Л.Шанявского. Ультраправый Марков 2-й предложил поправку, согласно которой в Совет попечителей университета не могли избираться лица, ранее осужденные. За поправку выступил и другой лидер правых – Г.Г.Замысловский. Все прекрасно понимали, что речь в первую очередь идет об общественных деятелях, ранее осужденных за подписание «Выборгского воззвания», и даже еще более конкретно – о бывшем председателе I Думы С.А.Муромцеве. Ситуация перед голосованием поправки была не вполне определенная: доминирующие в Думе октябристы не хотели подыгрывать правым, но и не находили достаточно аргументов, чтобы отклонить поправку. В конце дискуссии слово взял Н.С.Волконский: «Господа, существует русская поговорка: от сумы да от тюрьмы не зарекайся (*Рукоплекания в центре и слева*). Мудрая поговорка, сколько почтенных людей попадало в тюрьму! Закон покарает, кого ему нужно; что же касается оценки сверх закона – предоставим это тем, кто будет выбирать попечителей, или они глупее нас, что ли? В такой степени злобствовать, чтобы преследовать постановлением Думы, – стыдно! (*Шумные рукоплекания слева и в центре*)». В итоге, поправка Маркова-Замысловского была отклонена подавляющим большинством голосов...

В феврале 1910 г. Н.С.Волконский выступал в Думе особенно активно. Его всегда уместные и точные реплики зафиксированы в стенографических отчетах за 3, 12, 18 февраля. 20 февраля он записался с большим выступлением в дискуссии по смете отлично ему знакомого Министерства внутренних дел, но решил отказаться, чтобы не затягивать прения. Вечером он участвовал в работе Комиссии по местному самоуправлению, а на следующий день уехал в Москву.

22 февраля 1910 г. действительный статский советник, князь Н.С.Волконский скоропостижно скончался в своей московской квартире в Гранатном переулке в возрасте 62 лет. На следующее утро председательствующий на пленарном заседании Думы (по иронии судьбы это был однофамилец – князь В.М.Волконский) объявил о кончине заслуженного депутата. Коллеги почтили память Николая Сергеевича вставанием, а в 4 часа пополудни в церкви Таврического дворца была отслужена панихида.

Князь Николай Сергеевич Волконский был похоронен в родовом склепе при храме Боголюбской Божьей Матери в селе Зимарово Раненбургского уезда Рязанской губернии. В советский период склеп был разрушен, могила не сохранилась. Некоторое время назад на ее месте был установлен поминальный крест.

**МИХАИЛ ГЕРАСИМОВИЧ КОМИССАРОВ:
«Наши издания расходятся по России
в десятках тысяч экземпляров...»**

Михаил Герасимович Комиссаров родился в 1867 г. в селе Дубасово Судогодского уезда Владимирской губернии (ныне это Гусь-Хрустальный район Владимирской области) в семье крупного купца и промышленника. Семейное дело в уезде завел дед Михаила, купец 2-й гильдии, бывший крестьянин Филипп Комиссаров, построивший в округе несколько стеклянных («хрустальных») заводов. Начав с выпуска зеленых бутылок, штофов и полуштофов, Филипп разбогател после войны с Наполеоном, когда, в результате разорения Москвы и окрестностей, резко вырос спрос на оконное стекло. Дело продолжил его сын, Герасим Филиппович Комиссаров, который оставил по себе добрую память щедрой благотворительностью: построил в Дубасове красивую церковь во имя св. Николая Чудотворца, в склепе которой он позднее и был похоронен, добротные дома-коттеджи для рабочих, открыл двухклассное училище и аптечный пункт. В конце XIX в. железнодорожная станция Ивановка в 15 км от Дубасова была переименована в Комиссаровку.

Будущий политик и депутат Михаил Комиссаров после окончания гимназии в Москве поступил на юридический факультет Московского университета. Затем служил почетным мировым судьей в родном Судогодском уезде, избирался уездным и владимирским губернским гласным, продолжил семейную традицию благотворительности, открыв в родном Дубасове первоклассную больницу-клинику с самым современным оборудованием.

Молодой общественный деятель, получивший личное дворянство, чин надворного советника и унаследовавший более полутора тысяч десятин земли, постепенно стал известен и в Москве, где семья также имела большую недвижимость: он один из первых учредителей и спонсоров Московского Художественного театра, бессменный председатель Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета, гласный московской городской Думы.

М.Г.Комиссаров стал одним из основателей Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). Некоторые заседания так называемой «40-членной комиссии», готовившей объединение двух главных организаций, создавших кадетскую партию, – «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», проходили в московском особняке Комиссарова на углу Сивцева Вражка и Калошина переулка.

У этого сохранившегося по сей день дома по адресу Сивцев Вражек 24/2 своя история. В начале XIX в. дом принадлежал генералу Илье Ивановичу Алексееву – участнику войн с Турцией, Швецией, Пруссией, потом с Наполеоном. В конце жизни генерал-лейтенант Алексеев занимал должность московского полицмейстера. Его жена, Наталья Филипповна, урожденная Вигель, приходилась родной сестрой Ф.Ф.Вигелю, известному мемуаристу пушкинской эпохи. Их сын – Александр Ильич, штабс-капитан лейб-гвардии Конного полка, был арестован в сентябре 1826 г. за причастность к распространению отрывка из поэмы Пушкина «Андрей Шенье», озаглавленного «На 14 декабря». По просьбе престарелого генерала Александра возили для допросов в родительский дом на Сивцевом Вражке, где отец-полицмейстер лично склонял сына к признанию и покаянию. Александр Алексеев был приговорен к смертной казни, замененной годом крепости, потом отправлен служить на Кавказ, где вскоре и погиб.

В 1831–1832 г. дом на углу Сивцева Вражка и Калошина переулка снимали родители юного Ивана Сергеевича Тургенева. Сам он учился тогда в расположенном в двух кварталах пансионе Вейденгаммера (на углу Гагаринского и Староконюшенного переулков) и готовился к поступлению в Московский университет.

В конце 1830-х – начале 1840-х гг. дом снимал выпущенный на свободу бывший декабрист Александр Федорович Вадковский, причастный к «тайным обществам» и восстанию Черниговского полка.

А в начале XX в., уже при Михаиле Герасимовиче Комиссарове, в его хлебосольном доме на Сивцевом Вражке регулярно собирались выдающиеся деятели как русской либеральной политики (братья князя Петр и Павел Долгоруковы, П.Н.Милуков, Ф.Ф.Кокоскин, князь Д.И.Шаховской, А.А.Корнилов, М.В.Челноков, Н.М.Кишкин), так и культуры (например, основатели и ведущие актеры МХАТ – К.С.Станиславский, В.И.Немирович-Данченко, В.И.Качалов, И.М.Москвин и др.). Многие годы дружил М.Г.Комиссаров и с А.П.Чеховым, младший брат которого, Иван Павлович, некоторое время работал учителем в имении Комиссарова в Дубасове.

В руководстве кадетской партии М.Г.Комиссаров взял на себя одно из наиболее важных, но и наиболее затратных направлений – культурно-просветительскую и издательскую работу. Именно он основал и финансировал в Москве основную кадетскую книгоиздательскую фирму «Народное право», издававшую большими тиражами партийные брошюры, а также газеты «Народное дело» и «Народный путь». На заседаниях ЦК партии Комиссаров неоднократно с гордостью рассказывал об успехах кадетских изданий: «Наши издания расходятся по стране в десятках тысяч экземпляров». Просветительский энтузиазм и последовательность Комиссарова во многом обеспечили неуклонный рост популярности в России конституционно-демократических идей.

Весной 1906 г. М.Г.Комиссаров, лидер Владимирского губернского комитета партии, был избран по кадетскому списку депутатом Первой Государственной думы, вместе с ним от владимирских кадетов в Думу прошли К.К.Черносвитов и И.П.Алексинский. После досрочного роспуска Думы за подписание оппозиционного «Выборгского воззвания» М.Г.Комиссаров был лишен избирательных прав и осужден к трехмесячному тюремному заключению.

13 мая 1908 г. М.Г.Комиссаров лично отправился во 2-й участок Пречистенской части, откуда был препровожден в московскую тюрьму в Каменщиках («Таганку»), где был помещен в одиночную камеру № 82. Его соседями оказались близкие товарищи по либеральному движению: Федор Федорович Кокоскин (камера № 81) и бывший Председатель I Думы Сергей Андреевич Муромцев (№ 83). Очевидцы вспоминали, что во время прогулок

на тюремном дворе Комиссаров всегда старался держаться ближе к Муромцеву, который читал друзьям импровизированный курс по социологии, положив в его основу Библию.

В июне 1906 г. Михаил Комиссаров был кооптирован в ЦК кадетской партии, позднее был избран председателем Московского губернского комитета партии, а в 1910 г. стал казначеем ЦК. Именно ему, человеку с деловой хваткой и в то же время кристально честному, партия поручила возглавить Фонд по увековечению памяти скончавшегося осенью 1910 г. С.А.Муромцева. Фонд издал несколько сборников в честь первого председателя русского парламента, финансировал установление на его могиле на Донском кладбище Москвы памятника работы известного скульптора Паоло Трубецкого.

Судя по всему, М.Г.Комиссаров был дальновидным человеком и предчувствовал ожидающие Россию катаклизмы: с началом мировой войны он продал свои заводы в Судогодском уезде, окончательно переехал в Москву и более не возвращался в родные места. Он продолжил активную работу в ЦК кадетской партии, участвовал в разработке проекта ее новой программы по аграрному и национальному вопросам. Осенью 1917 г. был избран депутатом Учредительного собрания, но, как и большинство других кадетских депутатов, был 28 ноября 1917 г. арестован и в работе Учредительного собрания не участвовал. После разгона Собрания 6 января 1918 г. он продолжил работу в фактически подпольном ЦК партии. Весной 1918 г. был подвергнут аресту по делу кадетской партии, но через несколько дней освобожден без предъявления обвинения. В отличие от многих своих товарищей по партии, уехавших на юг для участия в белом движении, Комиссаров Москвы не покинул и в гражданской войне активного участия не принимал.

М.Г.Комиссаров, которому в год большевистского переворота уже перевалило за пятьдесят, остался в Москве, при Московском Художественном театре, который не без оснований считал и своим детищем. В свою очередь благодарный коллектив театра не отвернулся от одного из своих основателей и членов Правления, несмотря на его стопроцентно «буржуазную» биографию. 18 мая 1920 г. представители МХАТ не побоялись отправить письмо в Президиум Московской Чрезвычайной комиссии с просьбой освободить вновь арестованного Комиссарова (по делу анти-

большевистского «Тактического центра»). В письме за подписью Немировича-Данченко, Станиславского и Москвина говорилось: «Московский Художественный Академический Театр настоящим просит о выдаче на поруки арестованного помощника бухгалтера театра Михаила Герасимовича Комиссарова, ввиду того, что в данное время, при окончании сезона, необходимо заключить отчетность за истекший сезон и немедленно приступить к составлению сметы на предстоящий сезон 1920–1921 г. для своевременного утверждения Центротеатром. М.Г.Комиссаров является единственным помощником бухгалтера – крайне необходимым работником. Возбуждая настоящее ходатайство, Московский Художественный Академический Театр просит найти возможным ускорить производство следствия по делу Комиссарова и, если позволят обстоятельства, освободить его до окончания его дела – хотя бы на поруки».

Не получив ответа, те же представители МХАТ написали 17 июня 1920 г. еще более решительное письмо-заявление, на этот раз в Особый отдел ВЧК: «Художественный Театр уже просил ускорить рассмотрение дела Михаила Герасимовича Комиссарова, в работе которого (по бухгалтерии) сейчас Театр очень нуждается. При этом заявляем, что Театр может взять на себя поручительство и за то, 1) что М.Г.Комиссаров будет находиться в Москве безвыездно и, во всяком случае, адрес его местожительства во всякое время будет определенно известен, и за то, 2) что он не будет заниматься политической деятельностью, враждебной Советской Власти». Дело Комиссарова было вскоре прекращено, и он был выпущен на свободу.

Дети М.Г.Комиссарова (его женой была Мария Петровна Смирнова, дочь известного водочного фабриканта) унаследовали любовь отца к культуре и искусству: Герасим стал музыкантом, а Сергей и Александр – известными актерами театра, народными артистами РСФСР. Михаил Герасимович Комиссаров скончался в 1929 г. и был похоронен на Дорогомиловском кладбище Москвы. После закрытия кладбища родные перезахоронили его прах на Новодевичьем кладбище.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ КАРАУЛОВ:
**«Церковь тогда только разовьет свою духовную мощь,
когда она будет церковью, а не ведомством...»**

Ранние годы

Василий Андреевич Караулов (1854–1910), человек удивительной судьбы, проделавший путь от радикального народничества к христианскому либерализму и ставший одним из лидеров Конституционно-демократической партии, родился в Торопецком уезде Псковской губернии в семье потомственного дворянина. Обучался в витебской гимназии, затем в Санкт-Петербургском и Киевском университетах, но, увлекшись политикой, курса не окончил. Вместе с братом Николаем работал в «Синем Кресте» – обществе помощи политическим ссыльным и заключенным, был агентом Исполнительного комитета леворадикальной партии «Народная воля». После разгрома организации в 1883 г. уехал в Париж, где участвовал в совещаниях оставшихся на свободе народолюбцев. Вместе с Г.А.Лопатиным и Л.А.Тихомировым был участником партийного суда над провокатором С.Дегаевым. По возвращении в Россию в качестве уполномоченного нового Исполнительного комитета, был арестован в Киеве в марте 1884 г. и судим военно-полевым судом по «процессу 12-ти народолюбцев».

Прокурор требовал квалифицировать преступления подсудимых по 249-й статье Уложения о наказаниях, карающей за антигосударственные деяния смертной казнью. Однако группу квалифицированных защитников возглавил мэтр русской адвокатуры Л.А.Куперник, о котором на Юге России ходила пословица: «Где бог отступился – там еще можно к Купернику пойти!». Своим

главным помощником Куперник взял восходящую звезду киевской адвокатуры А.С.Гольденвейзера. Свой отпечаток на ход и итоги процесса наложила и личность председательствующего на суде генерала П.А.Кузьмина. В 1849 г. выходец из дворянской старообрядческой семьи, тридцатилетний штабс-капитан Генерального штаба Кузьмин был арестован по доносу провокатора Антонелли и провел пять месяцев в Алексеевском равелине Петропавловской крепости вместе с М.В.Петрашевским, Ф.М.Достоевским и др., а затем судим на знаменитом «процессе петрашевцев». Тогда виртуозной защитой Кузьмин сумел полностью самооправдаться и вышел на свободу. Но брезгливость к провокаторам он, дослужившийся до звания генерал-лейтенанта, судя по всему, сохранил на всю жизнь.

Итак, защите во главе с Куперником и Гольденвейзером удалось расшатать обвинение и вывести подсудимых из-под 249-й статьи. В итоге ни одного смертного приговора, трое подсудимых были оправданы. В.А.Караулов был приговорен к 4 годам каторжных работ с последующей высылкой на поселение и лишен прав состояния. Высшие власти были крайне недовольны: министр внутренних дел граф Д.А.Толстой лично запросил киевского генерал-губернатора А.Р.Дрентельна о причинах столь мягкого приговора. В ответ Дрентельн написал, что «каторжные работы, хотя бы и на 4 года, он не может считать мягким наказанием». Тем не менее генерал П.А.Кузьмин был отстранен от должности председателя Киевского военно-полевого суда.

В Шлиссельбургской тюрьме и Енисейской ссылке

Осужденные по «процессу 12-ти» были отправлены сначала в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, а в конце декабря 1884 г. переведены в Шлиссельбургскую тюрьму на острове Ореховый у истока Невы из Ладожского озера, получившую недоброе имя «сухой гильотины». Летом 1884 г. здесь, рядом со старым корпусом («Секретным домом», заложенным еще Петром III), была, под личным контролем императора Александра III, открыта новая тюрьма, построенная «по американскому образцу»: сорок камер-одиночек размер 3,5 на 2,5 м.

О шлиссельбургском заточении Караулова рассказал позднее непосредственно общавшийся с ним в тюрьме Н.А.Морозов, впоследствии выдающийся ученый. После того как несколько узников предприняли попытки самоубийства и режим был несколько смягчен, арестантам разрешили парные прогулки. Поначалу в пару Морозову давали сошедших с ума Н.П.Щедрина, а потом В.П.Конашевича. Морозов позднее написал: «Кто не испытал этого сам, тот никогда не будет в состоянии понять, что значит жить в полном одиночестве в мрачной камере, как в могильном склепе, и день и ночь, целые годы, и в то же время думать, что приближается час, когда вы очутитесь вдвоем с сумасшедшим, который все время будет поверять вам свои галлюцинации, и вы ничем не будете в состоянии отвлечь его от них... Я чувствовал, что сам каждую минуту могу сойти с ума».

Но неожиданно напарника по прогулкам снова сменили – им оказался Василий Караулов. Морозов вспоминал: «Мы начали перебирать знакомых, и я убедился, что он плохо говорит и путается в словах, только потому, что отвык от разговоров... Караулов был для меня вестником лучших дней в неволе, а прогулки сделались настоящим праздником!... И кто знает, сохранился бы мой рассудок, если бы он не явился ко мне на помощь как раз в то время, когда я в этом более всего нуждался... В полтора с лишком года наших ежедневных свиданий мы, конечно, истощили все предметы личных разговоров и поневоле начали уходить в область науки и говорить о великих проблемах физики и астрономии, которые тогда волновали не только меня, но и его».

Известная революционерка Вера Фигнер, знавшая молодого Караулова еще до его ареста, впоследствии также узница Шлиссельбурга, вспоминала: «Это был, как говорится, ражий детина, громадного роста, широкоплечий, жизнерадостный, с лицом – кровь с молоком.... Этот брызжущий здоровьем атлет вышел из Шлиссельбурга с лицом покойника». В 1888 г. Караулов был отправлен на поселение в с. Усть-Уду на р. Ангаре (Балаганский округ). Позднее ему разрешили перебраться в с. Устюг, поближе к Красноярску, а в 1893 г., по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири, Караулов был переведен в сам Красноярск.

Существует версия, что именно молодой народоволец Василий Караулов стал одним из прототипов, наряду с итальянцами Гарибальди и Мадзини, англичанами Байроном и С.Рейли, украин-

цем Степняком-Кравчинским, карбонария Артура Бертона – героя романа английской писательницы Этель Лилян Войнич «Овод». Дело в том, что во время своего приезда в Россию в 1887–1889 гг. (Василий тогда находился в Шлиссельбурге, а потом в ссылке) Этель Буль, будущая Войнич, довольно долго жила в петербургской квартире Карауловых, а также в их псковском имении, где работала над материалами о русском освободительном движении. Судьба сына-заключенного была постоянным предметом обсуждений в карауловской семье.

В Красноярске ссыльный В.А.Караулов – уже убежденный либерал, глубоко верующий христианин и противник политического террора. Он фантастически много читает, изучает языки, занимается частным преподаванием. Особенно углубленно он развивает знания, полученные в юности по юриспруденции. Одна из учениц Караулова в Красноярске, А.Черемных, вспоминала: «Через его руки проходило почти всё, что готовилось в гимназию или, по-ломанное нашей педагогической бюрократией, выброшенное за борт, готовилось держать экстерном. Большинство культурной молодежи енисейской губернии были учениками В.А.Караулова, и целые поколения воспитывались под его благотворным влиянием. В.А. целыми днями бегал по урокам, как бедный студент». Мемуаристка отмечала, что Караулов и его жена – врач П.Ф.Личкус, приехавшая к мужу в ссылку, – играли тогда «первую роль в рядах красноярской идейной интеллигенции»... В далеком сибирском захолустье, выброшенные за борт общественной жизни, они твердо и уверенно несли маленький светоч культурных общественных интересов среди холодных сибирских снегов, диких буранов и полновластия сильных мира сего».

А.Черемных также вспоминала, что В.Караулов обладал «редкой, своеобразной речью, то полной тонкого изящного юмора, то беспощадного сарказма, или мягкой, доходящей до нежности сердечности» и «неотразимо покорял всех, кто имел счастье знать его близко» – эти особенности карауловского слова затем ярко проявятся в стенах Государственной думы. Ученица Караулова хорошо запомнила один из его любимых рассказов о начале работы в Красноярске: «Наконец, приехала ко мне в Сибирь жена, получила она место врача, заведующего амбулаторией. Я же бьюсь, бьюсь, как рыба об лед, никакого заработка найти не могу: “поднадзорный – и

баста!»". Стыдно, понимаете, на жениных харчах было пробиваться. Росту я чуть не в сажень косую, аппетит адский, а работы никто не дает. А я, кажись, своротил бы гору работы – силой Бог меня не обидел. Стал я просить жену, чтоб устроила меня сторожем при амбулатории. Оказала она мне протекцию, жалованья положили мне 5 рублей и сказали, что в обязанности мои входит мытье склянок под лекарство. Обрадовался, служу при амбулатории. Засучил рукава, мою склянки, но только комнатка-то давалась мне маленькая, как чуть неосторожно повернусь – трах!.. Летят мои склянки вдребезги! Что за чертовщина! Скляночки малюсенькие, а ручища у меня огромная, – никак не приноворюсь!.. Стала жена за месяц отчет писать, посуды больше чем на восемь рублей не хватает».

Во главе красноярских конституционалистов

В первые годы нового века В.А.Караулов – один из основателей красноярского «Союза освобождения», затем – местной организации Конституционно-демократической партии. К этому времени он овдовел: жена скончалась от скоротечной чахотки. В ноябре 1905 г. Караулов, частично амнистированный по Манифесту 17 октября, стал участником исторического съезда земских и городских деятелей в Москве. При обсуждении вопроса о будущем устройстве России примкнул к «умеренным», поддержав конституционно-монархическую позицию их лидера, графа П.А.Гейдена. В стенограмме съезда есть такая запись: «Г-н Караулов (Енисейская губ.) заявил, что он провел 24 года в тюрьмах и крепостях по политическим преступлениям, но не верит в осуществление демократической республики в России и присоединяется к гр. Гейдену от лица тех, которые послали его сюда». Однако по большинству других принципиальных вопросов Караулов солидаризировался с кадетами, в том числе и по разделившему их с «октябристами-гучковцами» вопросу об автономии Польши. Правда, и здесь Караулов предложил формулировку, которая могла несколько смягчить ситуацию. Польскую автономию он предложил называть «областным самоуправлением на началах общеимперской конституции», однако эта компромиссная поправка была отклонена кадетским большинством.

Еще один участник ноябрьского 1905 г. земско-городского съезда, завершившего свою работу в московском «мавританском» особняке А.А.Морозова на Воздвиженке, П.Б.Струве, позднее вспоминал, что именно тогда близко познакомился с В.А.Карауловым: «То было время, когда трудно было идти против охватившего общество радикального возбуждения, перед которым пасовали отчасти по слабости, отчасти по оппортунистическому расчету и целые общественные группы, и отдельные лица... С той памятной встречи, когда в буфете-подвале Морозовского палатца шлиссельбуржец-касторжанин Караулов подошел ко мне и, выражая сочувствие моему “умеренному” заявлению, только что перед тем вызвавшему свист и шипение с хоров, протянул руку для знакомства, мы никогда не расходились ни по взглядам, ни по настроению».

Вернувшись в декабре 1905 г. в Сибирь, В.А.Караулов на ряде многолюдных собраний и в либеральной печати решительно выступил в защиту конституционалистской тактики своей партии и против экстремизма революционных организаций. Его умеренная политическая позиция привлекла благожелательное внимание самого премьер-министра графа С.Ю.Витте, искавшего союзников в среде российской общественности. Вопреки скепсису министра внутренних дел П.Н.Дурново, Витте увидел в эволюции взглядов Караулова (от народовольчества – к конституционному демократизму) положительный пример в борьбе с крайностями революции. В докладной записке на Высочайшее имя премьер полагал «весьма полезным отменить лежащие на Караулове ограничения, дабы тем дать ему возможность более широкого служения здраво им понимаемому патриотическому долгу». В результате 2 февраля 1906 г. Караулову было даровано полное помилование. Восстановленный во всех правах, он регистрируется частным поверенным при Красноярском окружном суде, активно сотрудничает в красноярской либеральной газете «Сибирь».

На выборах в I Думу кадетам удалось провести в выборщики по Енисейской губернии нескольких своих лидеров: В.А.Караулова в Красноярске, А.М.Трескова в Ачинске, А.А.Станкеева в Енисейске. Однако губернское собрание избрало депутатами Государственной думы значительно более левых кандидатов, примкнувших затем в Петербурге к «трудовой группе», – шушенского крестьянина Симона Ермолаева и минусинского врача Федора Николаевского.

Похожая история повторилась и во время избирательной кампании во II Думу, в которую теперь активно включилась и красноярская организация социал-демократов, ранее бойкотировавшая выборы. Именно социал-демократам удалось провести в губернское собрание наибольшее число своих выборщиков, двое из которых – рабочие Иван Юдин и Федор Никитин – были избраны депутатами. Правда, власти отменили избрание Никитина, и его место в Думе от Енисейской губернии занял близкий к социалистам-революционерам священник Александр Бриллиантов.

Депутат от Енисейской губернии

Осенью 1907 г., на выборах в III Думу, конституционный демократ В.А.Караулов в очередной раз был избран выборщиком от Красноярска. 23 сентября 1907 г. он выступил на общегородском предвыборном собрании граждан, собравшем около 600 человек. Главный смысл его речи передает заключительная фраза: «Правые смотрят в XVII в., а крайние левые – в XXI. Задача момента заключается не в организации пролетариата для борьбы с буржуазией, а в отстаивании конституционных начал общими силами всех прогрессивных групп».

Активным оппонентом частного поверенного, кадета В.А.Караулова выступил на тех выборах лидер местного отделения «Союза русского народа», о. Варсонофий Захаров, тоже выборщик от Красноярска. Черносотенцы представили тогда в губернское управление список избирателей, которых, по их мнению, следовало лишить избирательных прав. Против каждой фамилии стояли пометки: «сидел в тюрьме», «находится под надзором» и т. д. Одним из первых в этом списке значилась фамилия Караулова.

25 октября 1907 г. в Красноярске, в помещении губернского Общественного собрания, состоялись выборы депутата III Государственной думы от Енисейской губернии (в соответствии с «третьеиюньским» избирательным законом квота от губернии была сокращена до одного человека). Участвовало 28 ранее избранных выборщиков, но в первом туре ни один кандидат не набрал большинства голосов. Лидер черносотенцев, о. Захаров, вообще получил всего один голос и отказался от дальнейшей борь-

бы. На следующий день, 26 октября, прошла повторная баллотировка, которая принесла победу В.А.Караулову (18 голосов из 27). 29 октября Караулов выехал из Красноярска в Петербург для участия в открытии III Думы: его проводы на железнодорожном вокзале и напутственные речи стали заметным событием в жизни Красноярска.

В Петербурге товарищи по партии помогли ему снять небольшую квартиру в знаменитом «кадетском доме» № 7 на Потемкинской улице. Здесь, совсем рядом с Таврическим дворцом, он проживет три года с второй женой, Ольгой Ивановной, вплоть до своей смерти.

В III Государственной думе В.А.Караулов вошел во фракцию конституционных демократов и одновременно в «Сибирскую парламентскую группу», которая также находилась под кадетским влиянием. Он активно работает в комиссиях по вопросам вероисповедания, по делам Православной церкви, по местному самоуправлению. Однако наибольшую известность как в стенах Думы, так и в обществе в целом принесло В.А.Караулову председательство в комиссии по старообрядчеству, куда вошли такие известные политические деятели различных направлений, как лидеры партии «Союз 17 октября» А.И.Гучков и М.Я.Капустин, влиятельный кадет В.А.Маклаков, епископ Евлогий (Георгиевский), активный черносотенец Г.А.Щечков и др.

Отдавая много времени работе в комиссиях, конституционалист В.А.Караулов твердо придерживался линии на конструктивную работу с другими думскими фракциями и правительством, на так называемую «органическую работу», часто повторяя поговорку: «Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан». И его усилия принесли успех: фактически Караулов стал основным экспертом и оратором либеральной части Думы по вероисповедным вопросам, оказавшимся в 1907–1910 гг. в центре внимания народного представительства.

Уже в ходе первой сессии III Думы в конце 1907 – начале 1908 гг. сибирский депутат В.А.Караулов показал себя влиятельным парламентарием, органично соединившим в себе глубокую христианскую религиозность с не меньшей верой в либеральные права и свободы человека. Для молодого российского парламента это было необычно: религиозную тематику всегда активно эксплу-

атировали националисты и черносотенцы, в то время как либералы, рассуждая о правах и свободах, как правило, избегали говорить о религии. Фактически именно В.А.Караулов, поначалу чуть ли не в одиночку, сумел организовать в Думе своего рода «центр» – не формально политический, а содержательный, поставив во главу угла идеи христианского либерализма. Его усилия были оценены не только в кадетской партии, где практически не было специалистов по вероисповедным вопросам, но и значительным числом доминирующих в Думе членов «Союза 17 октября», либеральная часть которых быстро разглядела в кадете Караулове полезного союзника в борьбе с правыми и националистами. Намечающийся идейный союз октябристов во главе с А.И.Гучковым и не чуждающихся вопросов религии кадетов (В.А.Караулова, В.А.Маклакова, В.С.Соколова) быстро принес «новому центру» конкретные кадровые и политические дивиденды. Так, фактически личное оппонирование Караулова – товарища (заместителя) председателя вероисповедной комиссии – ее председателю, правому епископу Евлогию, привело к быстрой отставке последнего и его замене октябристом П.В.Каменским. В свою очередь «октябристы» поддержали идею создания отдельной думской комиссии по старообрядческим вопросам и избрали В.А.Караулова ее председателем.

Защитник народных прав и свобод

Первым концептуальным выступлением В.А.Караулова в III Думе стала его большая речь 22 марта 1908 г. с изложением позиции кадетской фракции по утверждаемой Думой смете Священного Синода. Высказанные тогда Карауловым идеи и предложения явились характерным воплощением его христианско-либерального мировоззрения. С одной стороны, он поддержал идею разгосударствления церковной жизни, отметив, что «деятельность правительства в XVIII столетии, в первой его половине, передавшая в распоряжение государства громадное большинство средств церквей и монастырей, была нарушением как гражданского, так и канонического права». Однако, с другой стороны, Караулов решительно высказался в пользу демократизации самой церкви, перенесения центра православной жизни с церковной ие-

рархической субординации на жизнь самоорганизующихся православных приходов. Отметив, что «основа всякой церковной организации – несомненно приход» и что «фактически в настоящее время приходов у нас не существует», Караулов обозначил главные проблемы русского православия: «Зло заключается в фактически 2½ вековом уничтожении внутри присущего нашей православной церкви соборного начала, зло заключается в фактическом упразднении основной церковной общественной ячейки – прихода, потому что мы имеем церковь как здание, имеем священников, но не имеем приходов как общественной организации. Зло заключается в том, что у нас в настоящее время церковь мыслится не как союз верующих, а как иерархия, да вдобавок еще подчиненная государству. Вот устранение этих зол и будет снятием тяжелой государственной руки и, я сказал бы, нечистой для этого дела государственной руки со святого дела церкви». От имени кадетской фракции Караулов призвал увеличить правительственное финансирование именно приходов, ибо это «является первым шагом к освобождению церкви из пленения вавилонского государству, оно является первым шагом к восстановлению утраченного церковью соборного начала и первым шагом к учреждению прихода как общественно-церковной организации (*Рукоплекскания*)».

Больше полутора лет думская комиссия по старообрядческим вопросам под председательством В.А.Караулова скрупулезным образом работала над поправками к проекту закона о старообрядческих общинах, внесенному в Думу министром внутренних дел. Для Караулова это было время не только работы над текстом закона, но и постоянных поездок по старообрядческим общинам по всей стране. 12 мая 1909 г. он, наконец, выступил в Думе с большим докладом. В нем от имени комиссии Караулов предложил внести в министерский проект ряд принципиальных поправок. Проект комиссии предлагал закрепить за старообрядцами (а их к тому времени в России насчитывалось не менее 12 млн. человек) не только право на их веру, но и на ее проповедование. Согласно проекту «комиссии Караулова», уменьшалось число лиц, имеющих право ходатайствовать о создании общины (с 50 до 12), «дабы учесть ситуацию в отдаленных краях Империи, мало населенных, каковою является вся Восточная Россия». Предлагалась замена разрешительного порядка регистрации старообрядческой общи-

ны на явочный, равно как и замена утверждения духовных лиц и старост на их простую регистрацию в губернских правлениях. Проект предлагал также закрепить за духовными лицами старообрядческой веры официальное наименование «священнослужители по старообрядчеству», приближавшее их к статусу священников Русской православной церкви.

Представители думских националистов резко выступили против проекта закона, предложенного «комиссией Караулова», называя его «разрушением народных устоев». Так, епископ Евлогий заявил, что под видом разрешения «проповедования», проект Караулова узаконивает за старообрядцами право религиозной пропаганды, что неприемлемо: «Здесь речь идет не о простой проповеди, как принадлежности богослужения, а здесь вводится новое, хотя, может быть, несколько замаскированное начало, именно, свобода пропаганды, свобода привлечения последователей из других вероисповеданий, не исключая и православного».

В.А.Караулов не оставил без возражений аргументацию оппонентов. 13 мая 1909 г. он заявил с думской трибуны, что предложение националистов сохранить за Православной церковью монопольное право религиозной пропаганды ведет к деморализации и деградации самой господствующей Церкви: «Я полагаю, что именно те средства, средства затыкания чужого рта, средства пресечения иного мнения, привели Православную церковь к состоянию слабости и дезорганизации». Караулов сравнил нынешнюю ситуацию с печальной памяти временами гонений на последователей протопопа Аввакума: «Пропаганда была строго запрещена. За пропаганду жгли. Аввакума сослали в ледяные сибирские пустыни и затем в Пустозерском остроге сожгли, чтобы пресечь его голос, а этот же Аввакум написал о своих страданиях страшную книгу, которая в течение десятков поколений жгла сердца многих миллионов старообрядческих масс (*рукоплекания*), которая создавала в ее среде десятки таких же Аввакумов, бестрепетно шедших на страдания и смерть. Эти меры создавали то, что к пропаганде, которую они прекратить никогда не могли, они прибавляли ореол мученика для проповедников... Теперь не будет плетей, костра, а будет каталажка, вонючая полицейская каталажка, арестный дом, высылка; но неужели же вы думаете, что то, чего нельзя было прекратить плетями и кострами, можно прекратить полицейскими ка-

талажками?» Караулов призвал депутатов не бояться слова «пропаганда»: «Была пропаганда, есть она, и будет она, и фактически вы ей воспрепятствовать не можете, всякими запрещениями вы ее усиливаете, и в этом не одна невыгодная сторона этого вопроса для православия: есть и другая. Те, кто употребляет такие меры, обращают невыгодные последствия не на тех, против кого они их употребляют, а уменьшают силу тех, кто их употребляет; и в этом, господа, есть историческая Немезида... Наша церковная иерархия за приказно-полицейским хребтом привыкла больше рассчитывать на этот приказно-полицейский хребет, чем на истинно церковное и христианское воздействие, чем на силу слова и на силу примера христианского действия».

Караулов привел и более близкий исторический пример – идейное безволие официальной Церкви и гонения на реформаторов православия в годы «николаевской реакции». Это был сильный полемический и политический ход: Караулов поставил в центр своих рассуждений имя русского мыслителя Алексея Степановича Хомякова – родного отца ведущего думское заседание, председателя III Думы Николая Алексеевича Хомякова. «Я опять обращаюсь к той эпохе, – сказал Караулов, – когда Церковь не принимала со своей стороны никаких мер и когда нашелся светский человек, мирянин, глубоко преданный делу православия, одаренный блестящим диалектическим талантом, глубокий знаток церковных вопросов, он поплыл против течения, и Церковь приняла ли его услуги? Та самая духовная цензура, которая... существует для того, чтобы удерживать на высоте моралитет православной проповеди, не разрешила сочинений А. Хомякова; они были напечатаны где-то за рубежом, в Праге, и в то время, когда в них более всего нуждалось образованное русское общество, ухивившееся из церкви, они были достоянием немногих избранных... А теперь, господа, когда мы, образованные и верующие миряне, обращаемся с предложением, имеющим в своей основе желание прекратить этот церковный сон, восстановить Церковь в ее значении и силе, что мы получаем в ответ?... Теперь нам предлагают... продолжать удерживать за Церковью эту, как говорили здесь даже иерархи Церкви, драгоценнейшую привилегию, привилегию затыкания рта, гашения свободного человеческого духа, в высших своих порывах ищущего своего Бога (*рукоплекания*). Это не привилегия, это пятно, наложенное

на Церковь, и чем скорее это пятно мы снимем, тем лучше сделаем мы для Церкви, тем скорее возвратим ее к той великой задаче, которую она должна делать (*рукоплескания*)).

В защиту «проекта Караулова» высказались не только его соратники по кадетской фракции (П.Н.Милоков, В.А.Маклаков, В.С.Соколов), не только лидеры «левых» (Н.С.Чхеидзе), но и – что было принципиально важным – значительная часть «октябристов». Решающим стало выступление лидера думской фракции «Союза 17 октября» Александра Ивановича Гучкова, на позицию которого, несомненно, наложили отпечаток факты его личной биографии. Когда-то его прадед, крупный промышленник и лидер московских старообрядцев, был арестован и сослан фактически за то, что отказался вступить в коммерческую сделку с московским губернатором Закревским. А деда Гучкова буквально принудили для сохранения семейного дела и политической карьеры перейти из старообрядчества в ортодоксальное православие.

Выступив на заседании 15 мая 1909 г., А.И.Гучков согласился, что к обсуждаемому в Думе закону о правах старообрядцев действительно «приковано внимание всей России», и отметил «ту блестящую защиту, которую нашел доклад комиссии по старообрядческим вопросам здесь и со стороны докладчика, и со стороны других ораторов». С другой стороны, отметил Гучков, «та убогая аргументация, которая была выставлена противниками, как вы видели, вынуждена была прикрываться пафосом и громкими словами, чтобы несколько замаскировать свое убожество... И напрасно старались с правых скамей инсинуировать, будто бы все это подсказано какой-то политической, некоторые говорили даже, еврейской интригой; старообрядцы будут донельзя удивлены, когда узнают, что их давнишние, заветные, коренные требования оказываются продуктом еврейской или кадетской интриги».

По мнению Гучкова, не должен вызывать удивления тот факт, что «в настоящее время старообрядцы только в твердых нормах закона ищут гарантии своим правам... Та боязливость и подозрительность в отношении к светской власти, которую вы чувствуете в этих требованиях, разве они не находят себе объяснения в том, что в течение двух с половиной веков старообрядчество, вместе с еврейством, составляло самый богатый источник доходов, предмет эксплуатации для низшей, средней, даже высшей админи-

страции (*голоса: верно*). Поговорите со старообрядцами, и они вам укажут, кого они содержали: не только исправники и становые, не только губернаторы, но и генерал-губернаторы пребывали на содержании у старообрядчества (*рукоплекания*). И вот старообрядцы хотят раз навсегда смахнуть с себя это вмешательство». Концовка речи Гучкова вызвала овации большинства Думы; на том же заседании 15 мая 1909 г. законопроект в редакции «комиссии Караулова» был принят.

Переданный в верхнюю палату, Государственный совет, Закон о старообрядчестве подвергся там еще более резкой критике. Оппозицию при опоре на ортодоксальные круги Русской православной церкви возглавил лидер черносотенцев в Госсовете П.Н.Дурново. В созданной согласительной комиссии двух палат российского парламента они снова встретились «один на один»: Караулов и Дурново. Когда-то, двадцать лет назад, состоялась их первая встреча: в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости, где отбывал наказание народоволец В.А.Караулов, заходил с инспекцией тогдашний директор департамента полиции П.Н.Дурново...

В конце мая 1909 г. III Дума приступила к обсуждению следующего законопроекта – об изменении законоположений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое. В его основу были положены предложения министерства внутренних дел, но думская комиссия по вероисповедным вопросам под председательством «октябриста» П.В.Каменского внесла серьезные изменения в сторону либерализации закона. Активную роль в разработке нового законопроекта сыграл В.А.Караулов, который имел большое личное влияние на Каменского и который позднее говорил об этом законопроекте так: «Я до гробовой доски буду горд той мыслью, что в этом законе есть хоть малая капля моего меда».

В.А.Караулов выступил с большой речью в поддержку законопроекта на пленарном заседании Думы 23 мая 1909 г. Он начал с констатации того, что ораторы-националисты и вместе с ними вся черносотенная пресса полагают, что если в «старообрядческом законе» либералы-правозащитники «подкапывались под основания Православной Церкви», то при обсуждении нового закона о возможности смены вероисповедания они «уже идут против самого христианства». В противовес черносотенной демагогии Караулов

выдвинул контртезис: «Мы выставляем этот закон и защищаем его, как основной принцип именно христианского государства». По его мнению, русские клерикалы уподобляются древним римлянам, которые, преследуя первых христиан, тоже говорили о «пользе римской государственности». Точно так же, по мнению Караулова, ведут себя современные русские клерикалы, которые оправдывают религиозную нетерпимость «пользой российской государственности». Подлинное христианское сознание, по мнению Караулова, несовместимо с религиозной нетерпимостью: «Свободу совести создало христианство, ее принес на землю Христос, учивший, что всякое деяние постольку в нравственном и религиозном смысле ценно, поскольку оно исходит из свободного произволения человеческой души». Караулов призвал различать христианское сознание русского народа и клерикальную нетерпимость его псевдорядителей: «Наше церковное здание было заставлено целыми лесами различных полицейских подпорок и перегородок, закрывавшим его величаво-приветливую, уютную красоту... Нам говорят, нельзя вводить свободу совести ввиду православных чувств русского народа. Этот довод, господа, приводился всегда, когда хотели удерживать путы на чьей-либо совести... Русский народ оказался терпимее и выше тех поклепов, которые на него систематически возводились (*голоса: браво, рукоплескания*)».

Караулов выступил против поправки представителей Священного синода, озвученной в Думе епископом Евлогием, о том, что лицам, находящимся на действительной службе, в том числе военной, не допускается переходить из православной веры в другие вероисповедания: «Я не понимаю, как для христианина можно сказать, что святая святых человеческой души, союз этой души с Богом, к которому она стремится, союз ее с Творцом и Зиждителем вселенной, может быть отодвигаем на задний план техническими соображениями какой бы то ни было службы (*голоса: браво*)». Напротив, отметил Караулов, люди военного сословия, защитники государства, более чем кто-либо заслужили гарантии свободы совести, ибо «они, чтобы предотвратить от государства опасность, должны стать лицом к лицу со смертью», и «нужно, чтобы эти люди были уверены в том, что их последние тяжелые минуты будут сопровождаться религиозным утешением той церкви, в которую они действительно

веруют; с этой стороны удерживать их в церкви, от которой фактически душой они уже отпали, будет грехом, даже против боевой способности армии».

И на этот раз на стороне либерального законопроекта оказались не только конституционные демократы (в поддержку тезисов Караулова убедительно выступили П.Н.Милуков, В.А.Маклаков, Ф.И.Родичев), но и такие влиятельные «октябристы», как например, М.Я.Капустин. 1 июня 1909 г. законопроект был принят новым думским большинством, включая подавляющую часть «октябристов».

Енисейский депутат против думских «черносотенцев»

Активная позиция Караулова, как убежденного антиклерикала и либерала-христианина, снискала ему славу одного из опаснейших противников для националистической части Думы и черносотенных сил в стране. Дело неоднократно доходило до прямых оскорблений Караулова с правых думских скамей, что затем становилось предметом широкого обсуждения в обществе. Так, 5 мая 1909 г. Караулов включился в дискуссию по вопросу о восстановлении политических прав лиц, лишенных священнического сана или оставивших духовный сан. В своей яркой антиклерикальной речи Караулов отметил: «Существует попытка самый церковный клир обратить в крайнюю политическую партию и партию, для которой политическая терпимость и разборчивость в средствах не составляет характерной добродетели». Он привел пример из «Московских Ведомостей», что в 1908 г. 32 епископа Русской православной церкви стояли во главе отделов «Союза русского народа». В этот момент волынский депутат, лидер житомирских черносотенцев П.В.Березовский (Березовский 2-й) с места громко крикнул Караулову: «Острожник!». Караулов отпарировал: «Член Государственной Думы Березовский 2-й назвал меня острожником. Я на такого рода замечания здесь не отвечаю (*бурные рукоплескания*). Я ни на одну секунду не могу забыть, что имею высокую честь в данную минуту говорить с трибуны русской Государственной Думы (*рукоплескания центра и левой*), с высокой трибуны законодательной палаты моего Великого Отечества, а не за захватанным, засаленным столом чайной Союза русского народа

(продолжительные рукоплескания)». Караулов отметил, что, игнорируя факты репрессий внутри православной иерархии, «мы лишаем всякой свободы внутренней ту часть духовенства, которая не имеет желаний следовать политическому катехизису Союза русского народа». При этих словах уже екатеринославский депутат, активный черносотенец В.А.Образцов с места крикнул: «Каторжник!», но Караулов спокойно завершил свою речь: «Надо восстановить в правах всех тех лиц, которые покидают духовное звание».

Еще больший резонанс в общественных кругах имел инцидент, случившийся в Думе на вечернем заседании 18 мая 1910 г. при обсуждении вопроса о введении земств в западных губерниях. Когда Караулов, получив слово, вышел к трибуне, активный член «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела», священник Александр Вераксин, громко крикнул ему: «Каторга!». Караулов на этот раз дал развернутую отповедь: «Да, почтенный отец, я каторга, и с бритой головой и с кандалами на ногах я мерил бесконечную Владимировку за то, что смел желать и говорить о том, чтобы вы были собраны в этом собрании... То, что я был каторжным, составляет мою гордость на всю мою жизнь. В той могучей волне, которая вынесла вас в эту залу, есть капля моей крови и моих слез... и это дает мне повод оправдывать мое существование перед Богом и людьми (*взрыв аплодисментов*)». Один из товарищей Караулова по кадетской партии, Ф.И.Родичев, впоследствии вспоминал об этом эпизоде: «Мы живо помним ту минуту, когда лаятель по призыванию и служитель Бога любви по ремеслу обозвал его (Караулова. – А.К.) грязным словом. Незабываемое зрелище. Вот они лицом к лицу: представитель России гонимой и представитель русских гонителей. Вот психология тех, кому русская жизнь роковым образом уготовила каторгу. Вот национальное лицо тех, которые притязают властвовать над душами и телами... Кто победит?»

Следует добавить, что после окончания этой речи Караулова председательствовавший на заседании князь В.М.Волконский постарался объяснить депутатам, почему он сразу не отреагировал на оскорбительную реплику о. Вераксина: «За то слово, которое было сказано справа члену Государственной Думы Караулову, я не делаю замечания, ибо... на него ответил сам Караулов гораздо лучше, чем мог бы ответить я (*продолжительные рукоплескания*)».

В руководстве либеральной партии

Думская активность В.А.Караулова высоко подняла его авторитет в Конституционно-демократической партии: 15 ноября 1909 г. он был кооптирован в ее Центральный комитет. На состоявшемся в те же дни партийном совещании Караулов на примере работы над Законом о старообрядчестве показал коллегам преимущества «органической» парламентской работы: «Здесь несколько раз уже нас приглашали бросить органическую работу и сделать думскую трибуну местом для провозглашения чистых принципов. Еще во время существования первой Думы я был противником такой точки зрения; теперь после трех лет работы в комиссиях, я лишь укрепился в своем мнении». Караулов рассказал, что по отношению к поступившему в Думу законопроект о правах старообрядчества перед кадетской фракцией «были два пути»: «Мы могли бы, не принимая участия в мелочной, детальной работе, ограничиться декларацией о безусловной свободе всякого исповедания, изложенной в трех строках: “старообрядцы свободны в своих делах”; но мы пошли другим путем и приняли за основание своих домогательств законопроект, выработанный самими старообрядцами». Караулов напомнил, что «старообрядцы, эта наиболее консервативная часть населения, накануне созыва 3-й Думы чуть-чуть целиком не вошли в “Союз русского народа”». Однако в результате большой работы думских либералов над проектом закона о старообрядчестве, которая стала известна всей стране, «мы добились того результата, что судьба законопроекта переводит 15 млн. старообрядцев из правого лагеря в левый, перевоспитывает их политически... Сейчас уже старообрядцы и не пойдут в “Союз русского народа”; понемногу они делаются сторонниками конституционного строя, на практическом примере видя, что в государстве деспотическом нельзя добиться свободы, что от сторонников старого строя им нечего ждать. В борьбе за свои права они ищут себе союзников – и так завязываются у них связи с нами». Хотя отдельные участники кадетского совещания с некоторым скепсисом отнеслись к докладу Караулова, лидер партии П.Н.Милюков активно его поддержал: «Может быть, не

все 15 млн. старообрядцев перешли в оппозицию, а значительно меньше, но, во всяком случае, крупных результатов мы добились... Отсутствие у нас репутации деловых работников поставило бы крест и на наших агитационных попытках».

В защиту народного просвещения

20 октября 1910 г., менее чем за два месяца до кончины, В.А.Караулов выступил в думской дискуссии по проекту закона, внесенного министром народного просвещения, законопроекта о начальных училищах. Комиссия по народному образованию во главе с «октябристом» фон Анрепом предложила, чтобы все церковно-приходские школы, входящие в сеть всеобщего обучения, были переданы в ведение Министерства народного просвещения и были подчинены уездным и губернским училищным советам. Думские националисты увидели в этом новые посягательства на православную церковь. Отвечая епископу Евлогию, заявившему, что подчинение церковных школ есть покушение на заповедь Христа, сказавшего ученикам: *«Идите, научите все народы»*, В.А.Караулов заметил: «Да, Христос сказал это ученикам, и ученики, нищие галилейские рыбаки и сирийские ремесленники, пошли, не в карете цугом в предшествование колокольного звона, а босиком, не в пышных одеждах из шелка, а в рубище, имея только Христово слово и непоколебимую веру в его силу. Они пошли и совершили историческое чудо: к стопам Господа и Учителя своего они повергли гордый Рим и принадлежащий ему тогдашний мир; они совершили это чудо не властью государства, которое их гнало, мучило и убивало, и власти от этого государства они не просили... Они знали, что церковь тогда только будет оказывать благотворное влияние на человеческое общество и разовьет всю свою духовную мощь, когда она будет церковью, а не ведомством».

В.А.Караулов выступил и на втором чтении законопроекта 26 ноября 1910 г., **за три недели до смерти. На этот раз он так охарактеризовал клерикалистскую часть церковной иерархии, тесно смыкающуюся с политическим черносотенством:** «В этой среде идеал не жизнедеятельность общества, не жизнедеятельность народа, а тленное спокойствие могилы. Они довели до маразма цер-

ковь, и теперь они хотят привести в столь же блестящее положение и государство (*рукоплескания*)». Во время этого думского выступления черносотенцы так демонстративно шумели, что председательствующий сделал им несколько замечаний, на что черносотенец Пуришкевич нагло ответил: «Оратор нам мешает говорить».

Общественные интересы В.А.Караулова не ограничивались думской и партийной деятельностью. Он стал, например, активным членом Санкт-Петербургского «Религиозно-философского общества», где сблизился с такими крупными интеллектуальными фигурами, как П.Б.Струве и Н.А.Бердяев. Его новые коллеги, в свою очередь, высоко ценили не только религиозно-философские убеждения Караулова, но и его уникальное умение претворять их в политическую жизнь. В статье, опубликованной в 1909 г. в «Русской мысли», П.Б.Струве призывал не смешивать два различных явления – «религиозность» и «клерикализм». «Достаточно некоторого знакомства с историей новейшего времени, – писал Струве, – чтобы видеть, что положительная религия и даже преданность церкви отнюдь не обязывает к тому, что между всеми политически образованными людьми признается за клерикализм». В качестве яркого доказательства этого тезиса Струве приводил в пример деятельность такого человека, как английский премьер-реформатор Уильям Гладстон. «Но и у нас на глазах, кто в Государственной Думе выступал в защиту противоклерикальных и истинно государственных проектов вероисповедной реформы? – задавался вопросом Струве. – Главным застрельщиком в этой борьбе был такой религиозный и преданный православный человек, как В.А.Караулов».

Конец жизни. Смерть. Похороны

За несколько месяцев до смерти Караулова его важную общественно-политическую роль оценил и великий русский философ Николай Александрович Бердяев. В статье, опубликованной во влиятельной либеральной газете «Утро России», издаваемой старообрядцами Рябушинскими, Бердяев поставил Василия Караулова в один ряд с такими русскими религиозными мыслителями, как Федор Достоевский и Владимир Соловьев. Отмечая,

что «вопрос о свободе совести – один из самых острых вопросов русской жизни, из тех вопросов, в которых дана точка пересечения внутренней жизни духа и внешней жизни общества», Бердяев напомнил о роли депутата В.А.Караулова в борьбе за свободу совести в России. «Борьба за свободу совести обычно ведется людьми, равнодушными к вере и церкви, и в этом случае борьба эта носит характер формальный, – заметил Бердяев. – Но следует как можно чаще напоминать, что свобода совести бесконечно дорога людям верующим и чувствующим себя в Церкви, что для них свобода совести есть религиозная святыня... Свобода относится к содержанию религиозной веры, т.к. христианство есть религия свободы. Вот почему самая страстная защита религиозной свободы принадлежит по праву верующим христианам – им дело это дорого по существу, а не формально. В Государственной думе особенно горячо защищал свободу совести Караулов – верующий христианин».

В середине декабря 1910 г. В.А.Караулов серьезно заболел пневмонией и 19 декабря скончался «от паралича сердца, вследствие крупозного воспаления легких». 21 декабря, в день похорон, рано утром в квартиру покойного пришел полицейский пристав и в категоричной форме потребовал, чтобы ему показали все надписи на венках и лентах. Ввиду тесноты в квартире, многочисленные венки были вынесены на лестницу и здесь тщательно осмотрены приставом, который после некоторого раздумья признал их допустимыми. Гроб вынесли на руках соратники Караулова по кадетской партии – Шингарев, Колубакин, Некрасов, Кутлер, Винавер. Учащаяся молодежь образовала вокруг гроба цепь; в начале одиннадцатого началось движение процессии к зданию Государственной думы. На Шпалерной, перед Таврическим дворцом, думское духовенство отслужило литию. Потом опять по Потемкинской, затем по Кировной и Знаменской улицам процессия двинулась в южную часть города, на Волково кладбище. Около одиннадцати часов пересекли Невский проспект. Корреспондент «Утра России» на следующий день написал: «На тротуарах огромное количество публики. Все углы Лиговки, Пушкинской и Знаменской густо усеяны народом».

К полудню процессия достигла кладбища. По просьбе старообрядцев им была предоставлена возможность нести гроб. Приехал из Москвы А.И.Гучков, который в числе других друзей покойного вы-

носил на руках гроб из кладбищенской церкви. Организаторы были заранее предупреждены о запрете говорить над могилой речи политического характера: видимо, власти помнили, в какую манифестацию превратились недавние похороны бывшего председателя I Думы С.А.Муромцева в Москве. Речь над могилой держал только близкий друг покойного – Н.В.Некрасов: «Дорогой Василий Андреевич! Уста наши заграждены. Мы не можем говорить о том, что мы знаем, что сам ты считал наиболее драгоценным в своей жизни и деятельности. Говорить обиняками невозможно у отверзтой могилы того, кто был вдохновенным проповедником вечной правды, и мы предпочитаем молчать... Сохраним же наши мысли о нем до того счастливого момента, когда, хороня своих друзей, мы сможем у их гроба свободно и смело давать оценку их личности и деятельности».

Через несколько дней после похорон в память о В.А.Караулове состоялось и специальное заседание Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества (РФО), активным участником которого он являлся. Известный философ и религиозный мыслитель А.А.Мейер вспоминал об этом заседании: «Для РФО этот человек был особенно дорог тем, что сумел в своей тонкой и чуткой душе совместить горячее и живое общественное чувство, заставившее его испытать все ужасы каторги, с глубокой христианской религиозностью. Это было то сочетание, которые главные деятели общества, задававшие в нем тон, хотели видеть вообще в русской интеллигенции. Вечер в память Караулова снова подчеркнул, что РФО живет одной жизнью с русской интеллигенцией, но живет по-своему, не совпадая с нею, в ее все еще довольно упорном отчуждении от религии».

Некролог на смерть В.А.Караулова опубликовал в «Русской мысли» и другой лидер русского христианского либерализма – Петр Бернгардович Струве. «В этой замечательной фигуре образованного человека, верного церкви и церковной религии и страстно любившего политическую свободу и ее правовые формы, воплотилась одна из роковых загадок русской жизни. Не знаю, как и почему, но душа его одинаково тянулась и к традиции, и к революции, и к старине, и к новизне. Она страстно искала слияния старины с новизной, не по оппортунистическому расчету, не из тактики, а движимая глубочайшей эстетической потребностью, охватывавшей все существо этого человека... Вся его личность как будто спрашивала, возможен ли и как, какими путями, какой ценой, с какими

жертвами воплотиться в русской жизни этот желанный синтез традиции и революции». Струве далее отметил, что «защита свободы совести со стороны Караулова, верного сына православной церкви, была для него не случайным и личным делом, а осуществлением личными силами великой исторической задачи – примирения веры и свободы. Вне такого примирения ему не мыслилась возможность прочного духовного и общественного развития русского народа и даже сама крепость русского государства».

П.Б.Струве очень точно обозначил два главных вопроса, которые всю жизнь волновали В.А.Караулова: «Может ли православная церковь так, как она исторически сложилась, со всем ее прошлым, принять свободу совести, освободиться от цезаропапистской прикреплённости к государству, стать свободной и независимой церковной общиной, а не церковью-ведомством?» и «Может ли современное сознание, современная религиозность примириться с той церковно-догматической связанностью, которой отмечены все исторические церкви?.. Я не знаю, – закончил свою статью-некролог П.Б.Струве, – как отвечал самому себе Караулов на этот последний вопрос. Но я думаю, что чем менее догматичен и внутренне нетерпим человек, тем легче его религиозному сознанию, не отрываясь от той или иной исторической церкви, оставаясь, так сказать, в ее ограде, сохранить свою собственную религиозную индивидуальность. Такие люди, быть может, более, чем фанатические приверженцы догматов, составляют истинную “соль” всякой церкви... И великое значение свободы совести и веротерпимости заключается в том, что только она позволяет церковным организациям, исторически сложившимся, удерживать в своей среде эту незаменимую драгоценную “соль”, которая ищет любовного и достойного примирения между индивидуальной религиозностью и соборным благочестием, – примирения, одинаково далекого и от лицемерного расчета, и от догматического изуверства, и от мистической экзальтации. Таков был Караулов».

9 мая 1912 г. на могиле В.А.Караулова на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге был установлен памятник. Первоначально на гранитном постаменте под бронзовым бюстом были выбиты слова из известной думской речи Караулова: *«Да, я был каторжником, с бритой головой и кандалами на ногах...»*. Однако петербургский градоначальник не разрешил открытие памятника с подобной надписью, и она была прикрыта железной доской...

СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВОСТРОТИН: «Сибирь – продукт вольного народного завоевания...»

Начало пути

Степан Васильевич Востротин родился 10 декабря 1864 г. в Енисейске в богатой купеческой семье. Основателем династии был Степан Михайлович Востротин – крепостной крестьянин уральских купцов Зотовых, приписанный к знаменитому Каслинскому заводу Екатеринбургского уезда Пермской губернии, основанному еще в 1747 г. тульским купцом Яковом Коробковым, а в 1751 г. приобретенному Никитой Никитичем Демидовым.

В 1850-х гг. Степан Михайлович вместе с сыновьями Тимофеем и Василием арендовали Питское зимовье на Новонифонтовском тракте и, благодаря большому обороту, собрали первый капитал, позволивший вложиться в золоторудное дело. В 1861 г. братья Тимофей и Василий Востротины приехали в Енисейск и занялись разведкой и разработкой золотых приисков. Записались сначала во 2-ю, а потом в 1-ю купеческую гильдию. Брала крупные подряды на поставки товаров, вина и спирта на прииски, давали деньги в рост. К 1870-м гг. у каждого из братьев работало более 600 рабочих.

Василия Востротина, построившего богатый дом в самом центре города на берегу Енисея, уважительно называли «министром» и говорили о нем так: «Богатство не развратило его. Он был скромный, прост, доступен каждому, любил песни приисковых рабочих, тягался силою, уважал ловкость... Хотя был почти неграмотен, но слыл “дипломатом”».

Сын Василия, Степан Востротин, в 1887 г. окончил Казанский ветеринарный институт, затем учился у знаменитого Луи Пастера в Парижской медицинской школе, однако смерть отца заставила его вернуться в Россию, чтобы возглавить семейное золотопромышленное дело.

Город Енисейск, бывшая столица Сибири, после постройки тракта Томск-Красноярск-Иркутск потерял былое значение. В начале XIX в., благодаря открытию месторождений золота, наметился новый подъем. Но к 1880-м гг. месторождения начали истощаться, и прииски стали редеть. К тому же город преследовали и другие несчастья. Летом 1869 г. загорелись окрестные торфяники, огонь перекинулся на город, и тот выгорел практически полностью. На следующий год остатки некогда знаменитого торгового центра затопило небывалым разливом Енисея. Опустошение довершили эпидемии, прежде всего оспы.

В этих условиях группа подвижников из числа наиболее богатых семей (Востротинных, Кытмановых, Фунтосовых, Баландиных) поставила своей задачей возрождение славы родного города. Собственно, стратегия развития Енисейска была понятна: поиск возможностей для активизации северной торговли, через Енисей и Карское море, с Европой. Большую роль в этой работе сыграл Степан Васильевич Востротин, занимавший в 1885–1899 гг. выборный пост городского головы Енисейска.

Еще в 1884 г. С.В.Востротин вместе с английским капитаном Виггинсом совершил плавание из Лондона в Енисейск через Карское море. Уже став городским головой Енисейска, Востротин, вместе с другими сибирскими промышленниками и общественными деятелями, активно поддержал развитие военно-морских баз на севере России, в первую очередь в Екатерининской гавани на Кольском полуострове. В свое время, еще Александр III собирался строить русскую военно-морскую базу именно здесь, на Мурмане, а не в Либаве (Лиенае), как хотели многие высшие военные. Император понимал, что в случае войны порт на Балтике может быть быстро отрезан от России. Его любовь к Северу обуславливалась также влиянием бывшего начальника личного конвоя, генерал-адъютанта Шереметева, который с 1883 г. возглавлял Арскую китобойную кампанию, а его бывшее председательство в 22 года в Комиссии по борьбе с го-

лодом в Вологодской и Архангельской губерниях. После смерти Александра III его наследник, Николай II, подпал было под влияние сторонников базы на Балтике, однако, памятуя заветы отца, он подержал и план С.Ю.Витте о строительстве коммерческого порта в Екатерининской гавани. Вот в эти-то планы и включились предприниматели-сибиряки, и в первую очередь С.В.Востротин, увидевший здесь новый шанс для развития Енисейского края. 24 июня 1899 г. город Порт-Александровск был торжественно заложен в присутствии дяди нового царя – великого князя Владимира Александровича.

В 1902 г. С.В.Востротин издал получившую широкую известность книгу «Северный морской путь и Челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири», где на большом фактическом материале показал, что завышенные тарифные пошлины, прикрываемые тезисом о «защите от иностранного влияния», мешают развитию российского Востока и России в целом.

Начало политической карьеры

Весной 1906 г. Востротин сделал попытку избраться в I Государственную думу. 30 апреля 1906 г. в помещении городского театра состоялись выборы енисейского выборщика на съезд городских избирателей. Пришли голосовать примерно треть из зарегистрированных избирателей (401 из 1286). С большим преимуществом в выборщики прошел врач А.А.Станкеев, представитель кадетской партии, набравший 304 голоса. Востротин набрал тогда лишь 66 голосов, что стало для него важным политическим уроком: один лишь личный авторитет недостаточен для победы; нужна налаженная «партийная машина» и серьезно поставленная избирательная кампания.

На довыборах в III Государственную думу (на место скончавшегося В.А.Караулова) Степан Востротин, уже как лидер местного отделения Конституционно-демократической партии, уверенно победил. Был он в то время гласным городской думы Енисейска, личным почетным гражданином и обладал недвижимостью на 15.000 рублей. Все личные средства С.В.Востротин вложил тогда в развитие Енисейского речного пароходства. Был занят он и пробле-

мой открытия первых русских радиостанций на Югорском Шаре и Маточкином Шаре (Новая Земля), а также на полуострове Ямал, в чем встретил поддержку министра путей сообщения С.В.Рухлова.

25 октября 1912 г. в Красноярске состоялось губернское избирательное собрание по выборам члена IV Государственной думы от Енисейской губернии. Баллотировались 7 человек, но в первом туре ни один не набрал большинства голосов. На следующий день баллотировались два кандидата: С.В.Востротин и К.М.Сухарев – доверенный торгового дома купцов Мокроусовых из Ачинска. Победил енисеец Востротин с перевесом в три голоса.

Депутат от Енисейской губернии

Первая большая речь С.В.Востротина в IV Думе состоялась 15 марта 1913 г. Обсуждался запрос правительству о необходимости скорейшего введения земства в Сибири. С.В.Востротин напомнил, что еще в 1905 г. в царском рескрипте на имя иркутского генерал-губернатора «твердо и повелительно указывалось приступить к разработке вопроса о введении земских учреждений в Иркутском генерал-губернаторстве» (т. е. в губерниях Енисейской и Иркутской, в Забайкальской области, а также в Западной Сибири – губерниях Томской и Тобольской). Однако правительство, отметил Востротин, по существу бойкотировало этот вопрос в III Думе, а теперь согласно ограничиться лишь Западной Сибирью (Томской и Тобольской губерниями). Причину этой медлительности и неуступчивости Востротин усмотрел в том, что, по мнению высших властей Империи, «земское самоуправление в Сибири будет исключительно состоять из крестьян, мелких торговцев и мещан, а этому крестьянскому мужицкому земству правительство не доверяет».

Выступление В.В.Востротина привлекло большое внимание депутатов, а потом и общественности, ибо его содержание далеко выходило за пределы формально обсуждаемого вопроса. По сути дела речь шла о стратегии развития России в целом, об альтернативе: либо бюрократический путь при опоре на деградирующее дворянство, либо путь интенсификации частнопредпринимательской инициативы, в том числе и для развития дальних пределов

страны. «Гг. члены Государственной Думы, – обращался к депутатам Востротин, – если в Европейской России могут еще представители дворянского элемента доказывать, что они будто бы потомки строителей русского государства, то в отношении Сибири у них нет совершенно никаких корней, – у них нет там даже и земского земельного ценза. В Сибири имеются заслуги только одного крестьянства, вольного казачества и торговых и промышленных людей. Сибирь... есть продукт вольного народного завоевания, это подарок, который крестьянская масса и вольное казачество преподнесли европейской России. И вот, казалось бы, что давно наступил момент, когда прямой долг, простая обязанность заплатить по счетам этому народу».

Далее Востротин привел слова императора Александра III, который в ответ на телеграмму иркутского генерал-губернатора по случаю празднования 300-летия Сибири сказал: «Надеюсь, что с Божьей помощью обширный и богатый Сибирский край, составляющий уже три столетия нераздельную часть России, будет в состоянии пользоваться нераздельно с нею одинаковыми общественными и правительственными учреждениями». Востротин напомнил: «Прошло после того 30 лет, а этих одинаковых общественных учреждений в Сибири и до сих пор нет. Правительство совершенно игнорировало обширную Сибирь, оно игнорировало даже Высочайший рескрипт. С проведением Сибирской железной дороги, с организацией усиленного переселенческого движения само правительство вывело Сибирь из ее сонного, спокойного, незаметного существования, само содействовало крушению тех бытовых условий, которые гарантировали местному населению экономически обеспеченную жизнь; там совершается теперь огромная экономическая ломка, и в этот период, казалось бы, как можно скорее нужно придти на помощь этой стране организацией общественных учреждений. Сибирь вступает в мировой рынок и начинает играть все более и более заметную роль в политической жизни страны и приобретать международное значение, а между тем ее земское хозяйство находится в печальном состоянии, вследствие чего положение местного населения несколько не улучшается; оно остается, можно сказать, почти без школ, без медицинской помощи, без путей сообщения, населению грозит одичание и вырождение. Между тем, не существует решительно никаких оснований,

никаких препятствий для введения земских учреждений в Сибири, они придумываются, создаются искусственно, с целью только затормозить реформу».

В своей речи Востротин напомнил, что «исторические современницы Сибири» – Северная Америка, Австралия, даже Южная Африка – «пошли совершенно другим путем, они не испугались ни больших расстояний, ни редкости населения, они с давних времен призвали к участию в работе над местными нуждами местных деятелей, местные силы, и это дало великий результат: и экономический расцвет, и культура этих стран вызывают зависть других народов. У нас, наоборот, у нас гибнут бесцельно силы, готовые работать на благо своей родины, и Сибирь утрачивает веру в слова, веру в обещания правительства, утрачивает веру в Высочайший рескрипт, когда поколение за поколением сходит без пользы для культуры своей страны, в ожидании реформы (*шум*), в силу невозможности работать для блага своей родины... Выборные земские учреждения – это есть общее право всей России, и распространение этого общего права на все окраины безотлагательно необходимо. Пора же, наконец, иметь доверие, гг., к народу, который плотью и кровью завоевал колоссальные пространства, от Урала до Тихого океана, и создал, можно сказать, величайший резерв для русского народного хозяйства (*рукоплескания*)».

С Фритьофом Нансеном от Тромсё до Енисейска

Однако общероссийскую известность С.В.Востротину принесли не только думские выступления, но и его новое полярное путешествие в 1913 г. по маршруту Тромсё (Норвегия) – Енисейск. В те годы активизировалась Русско-Английская торговая палата, наладившая, в частности, регулярные торговые рейсы между английскими и русскими портами (в первую очередь Одессой и Архангельском). Созданное тогда же «Сибирское Акционерное общество пароходства, промышленности и торговли» планировало наладить регулярные торговые рейсы также между Северной Европой и Центральной Сибирью через Карское море, ибо переправка грузов по железной дороге была очень дорога. В 1912 г.

общество зафрахтовало норвежский пароход «Тулла» специально для плавания во льдах, но тот не сумел пробиться через массы льда в Карском море.

Летом 1913 г. предпринято было новое путешествие, возглавить которое руководитель Акционерного общества Иона Иванович Лид пригласил знаменитого ученого и полярного исследователя Фритъофа Нансена. У пароходной фирмы «Христенсен» был зафрахтован пароход «Коррект», на который было погружено 1 тыс. тонн цемента в бочках для нужд Сибирской железной дороги.

Другими членами экспедиции стали: молодой, но уже опытный капитан Иоганн Самуэльсон; лоцман Ганс Христиан Иогансен (во время экспедиции Норденшельда на «Веге» в 1878 г. он командовал пароходом «Лена», прошедшим из Норвегии к устью Лены, а затем поднявшимся до Якутска); ученый-этнограф Иосиф Григорьевич Лорис-Меликов, знаток малых народов Сибири. Руководство российской части экспедиции взял на себя С.В.Востротин – депутат Государственной Думы и член «Русско-Английской торговой палаты», регулярно печатавшийся в так называемых «русских номерах» лондонской «Таймс».

Нансен так написал о Степане Востротине в своей книге воспоминаний «В страну будущего», изданной в Петрограде в 1915 г.: «Степан Васильевич Востротин – золотопромышленник из Енисейска, бывший городской голова этого города, а в настоящее время член Государственной думы, представитель края с почти миллионным населением. Вот страна, достойная зависти! Если бы наш стортинг созывался на таких условиях, в нем было бы два с половиной человека, и с ним было бы полегче сладить, чем с нынешними 123 депутатами. Лучшего спутника по Сибири у нас и быть не могло. Карское море Востротин проехал во время своего свадебного путешествия в 1894 г., а вниз и вверх по Енисею плавал много раз. Свою родину и свое миллионное население он знал вдоль и поперек и являлся настоящим живым справочником по всем интересовавшим нас вопросам относительно условий местной жизни и труда. Кроме того, он сам в девятых годах долгое время состоял совладельцем пароходства по Карскому морю и Енисею и даже приобрел для этого предприятия на собственные деньги несколько пароходов. В результате потерял немало денег, но обогатился большим личным опытом в этой области».

Из столицы Норвегии Христиании путешественники по железной дороге доехали до Троньема, затем на пароходе до Тромсе, откуда «Коррект» вышел в море во вторник, 5 августа 1913 г. 3 сентября в устье Енисея участники экспедиции перегрузились на яхту «Омуль», на которой продолжили плавание до Енисейска. Любопытны полуироничные воспоминания Нансена о первой высадке на землю и посещении исследователями стойбища самоедов: «Первым ступил на берег Востротин, как и полагалось народному представителю этой области. Ведь нас ожидали на берегу граждане, избравшие его в Государственную Думу. Мы так и прозвали его “владыкой самоедов”».

Укреплению дружбы Нансена и Востротина способствовала не только исследовательская работа и обоюдное увлечение фотографией (в архивах остались сотни снимков, ими сделанных), но и жаркие политические дискуссии, в том числе о различиях в политическом строе и политической культуре Норвегии и России. Востротин, например, рассказал Нансену такую историю. Лет тринадцать назад он на корабле шел вверх от устья Енисея и повстречал в низовьях реки «стражника», который ехал оповестить рыбаков, подлежащих военному призыву, чтобы они немедленно ехали в Енисейск, а оттуда в Красноярск, т. к. объявлена мобилизация. «Стражник» не мог толком ответить, с кем Россия воюет. Когда Востротин добрался до Курейки, то узнал, что «царь воюет с семью другими царями» и что война идет успешно для «нашего царя» (кто были тем «семь царей», никто не знал, говорили, что там и «англичанка», и «француженка, и еще кто-то»). Только в Енисейске объяснили, что в Китае вспыхнуло восстание (так называемое «ихэтуаньское»), и союзные войска, включая русские, участвовали в его подавлении. Для сравнения с этим курьезным эпизодом Востротин вспомнил и другой случай, тоже запомнившийся Нансену. Во время пребывания в Норвегии в 1899 г. зашел как-то раз Востротин попросить воды в дом к одному местному жителю: «Хозяин, крестьянин или рыбак, угостил его чудесным молоком и, разговорившись с гостем насчет того, что делается на белом свете, рассказал о пересмотре дела Дрейфуса со всеми подробностями. Востротина не могла не поразить разница между этим рыбаком на окраине Норвегии, постоянно читавшим газеты, знавшим подробности процесса Дрейфуса, и зажиточным торговым людом в Сибири...».

В Енисейске участники экспедиции были встречены с большим почетом. Нансен вспоминал: «В числе встретивших нас на пристани находился сам городской голова с цепью на шее, исправник в полной форме, директор гимназии, также в форме, и другие почтенные обитатели города. Были произнесены речи по-русски и по-немецки, потом начались взаимные представления... Потом нас посадили в экипаж и повезли в великолепный большой каменный дом, настоящий дворец, принадлежащий невестке Востротина, Анастасии Алексеевне Китмановой (попечительнице женской гимназии), которая приняла нас с чисто сибирским радушием. Какой контраст представляли эти огромные залы с нашей маленькой каютой на “Омуде”».

А 22 сентября 1913 г. Фритьоф Нансен прочел свою знаменитую трехчасовую лекцию в актовом зале енисейской мужской гимназии (туда же привели и девочек-гимназисток) о своем путешествии к Северному полюсу на ледоколе «Фрам» в 1895–1896 гг. Востротин переводил текст с английского на русский. Затем был дан торжественный завтрак в честь Нансена, который потом вспоминал: «Директор гимназии произнес речь на эсперанто, которого я, впрочем, не понимал и с которого не нашлось даже переводчика. Таким образом, никто ничего не понял. Я, в свою очередь, отвечал на все речи на английском языке, которого не понимал никто из наших хозяев. Но Востротин переводил им мои слова по-русски, и, судя по тому приему, которого они удостоились, я заподозрил, что перевод был много лучше оригинала».

В годы войн и революций

С началом Первой мировой войны депутат Государственной думы С.В.Востротин неоднократно посещал действующую армию. В те месяцы он был избран членом Центрального военно-промышленного комитета (во главе с А.И.Гучковым), а также членом Главного комитета Всероссийского союза городов (во главе с М.В.Челноковым). Осенью 1914 г. С.В.Востротин вошел в руководящий Комитет Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны (Сибиртет), объездив тогда многие города Сибири.

Активизировалась и работа Востротина в Русско-Английской торговой палате: он стал руководителем Комиссии по текущим вопросам товарообмена между Россией и Англией. К участию были приглашены представители посольства Великобритании, шведских, норвежских, финских пароходных и железнодорожных обществ, крупнейших торговых домов, биржевых комитетов портовых городов.

Думская и общественная активность С.В.Востротина выдвинула его в число высших руководителей Конституционно-демократической партии. На VI съезде партии в феврале 1916 г. он был избран в состав кадетского Центрального комитета.

После Февральской революции С.В.Востротин был назначен комиссаром по продовольственным вопросам. Во Временном правительстве он занял пост товарища (заместителя) министра земледелия – коллеги по кадетской партии А.И.Шингарева. Летом 1917 г. Востротин был делегирован во Временный Совет Российской Республики (Предпарламент).

Большевистского переворота С.В.Востротин не принял, войдя в состав подпольного «Национального центра». В начале 1918 г. он приехал на Дальний Восток, где начал активно сотрудничать с управляющим Китайско-восточной железной дороги генерал-лейтенантом Дмитрием Леонидовичем Хорватом. Летом 1918 г. Хорват, контролировавший плотно заселенную «полосу отчуждения» КВЖД, объявил себя «временным верховным российским правителем». Опираясь на «цензовые» круги, Востротин немало способствовал удержанию Хорвата на околкадетских позициях, препятствуя влиянию на него «левых». В «Деловом кабинете» (Совете министров) Хорвата он был министром торговли и промышленности, потом фактически возглавил правительство.

Вторая половина 1918 г. на востоке России была характерна сложным противостоянием двух антибольшевистских сил – условно, «эсеровских» и «прокадетских» (в союзе с умеренными монархистами). В этом споре Востротин неизменно поддерживал вторую линию, активно участвуя как в кадетских совещаниях в качестве члена восточного отдела ЦК партии, так и в многообразных «правых» комбинациях.

В конце октября в Омске между представителями «белых правительств» Сибири обсуждался вопрос о формировании единого руководящего центра. По свидетельству участника совещания, ка-

дета Л.А.Кроля, Востротин выступил тогда, к удивлению многих, против кандидатуры адмирала А.В.Колчака в качестве Верховного правителя: «По словам Востротина, адмирал Колчак был далеко не тот, что раньше. Он стал человеком, слишком часто меняющим решения, колеблющимся. Очень нервным. Вчера я виделся с адмиралом и нашел, что было бы не вредно дать ему еще трехмесячный отпуск... Определенно указывал на то, что в данный момент эта кандидатура мало подходяща». Возможно, однако, что именно в силу изложенных аргументов кандидатура адмирала Колчака удовлетворила все противоборствующие стороны, надеявшиеся со временем перетянуть адмирала к себе.

При Верховном правителе С.В.Востротин занял ряд руководящих должностей: Председателя Комитета Северо-Морского пути; Уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке; Председателя делового комитета Государственной Думы г. Владивостока; члена Государственного экономического совещания.

Эмиграция. Конец жизни

После поражения колчаковских войск С.В.Востротин эмигрировал в Манчжурию. Здесь, в Харбине, получившем название «китайской Женевы», оказалось тогда до 250 тысяч русских эмигрантов. С июля 1920 г. по февраль 1926 г. С.В.Востротин издавал в Харбине ежедневную и наиболее популярную эмигрантскую газету «Русский голос» (всего вышло 1616 номеров). Ближайшими помощниками Востротина в «Русском голосе» стали известные русские конституционные демократы – А.М.Спасский и А.И.Коробов (1872–1934).

Александр Михайлович Спасский окончил медицинский факультет Томского университета; за работу в русских лазаретах во время русско-японской и первой мировой войны был удостоен высоких наград – орденов св. Станислава и св. Анны III степени. Убежденный либерал и демократ, он долгое время был признанным лидером уральских кадетов, возглавлял екатеринбургский областной комитет Конституционно-демократической партии. Проявил себя как талантливый журналист и редактор, возглавляя ряд популярных уральских газет: «Екатеринбургская неделя», «Уральский

край», «Голос Урала» и др. Оказавшись в эмиграции в Харбине, был назначен заведующим городского медико-санитарного бюро, много сделал для спасения горожан от страшной эпидемии чумы в начале 1920-х гг.

Не менее интересной личностью был и «заведующий контророй» (управляющий делами) газеты «Русский голос» Александр Иванович Коробов. Один из лидеров самарских кадетов, присяжный поверенный, он в 1918 г. был избран членом восточного отдела ЦК Конституционно-демократической партии, близко сотрудничал в «правых» омских правительствах с П.В.Вологодским, В.Н.Пепеляевым, А.В.Колчаком. Эмигрировав в Харбин, стал руководителем одной из самых влиятельных русских организаций – умеренно-правого «Русского общественного комитета», оппонировавшего не только левоземлемским кругам, но и ультрамонархистам, возглавляемым генералом В.А.Кислицыным и ориентировавшимся на объявившего себя в 1924 г. Императором Всероссийским великого князя Кирилла Владимировича Романова. После отъезда издателя и редактора «Русского голоса» С.В.Востротина во Францию и прекращения выпуска газеты оставшиеся в Харбине Спаский и Коробов основали там же новую праволиберальную газету – «Русское слово».

Во Франции Степан Васильевич Востротин жил попеременно в Париже и Ницце, многие годы возглавляя влиятельное в среде соотечественников-эмигрантов «русское сибирское землячество». Он скончался 1 мая 1943 г. в Ницце и был похоронен на местном русском кладбище Кокад.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

ИТАЛЬЯНСКИЕ СЮЖЕТЫ

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТРАНСТВИЯ ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА СОЛОВЬЕВА (1875–1876)	6
«ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ» VERSUS «ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ» (Историософские размышления Бориса Константиновича Зайцева)	40

ЭССЕ

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ СТАХОВИЧ: «Правительство систематически разрушало все попытки общественных организаций...»	63
НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ ВОЛКОНСКИЙ: «Вместо порядка, вы зальете страну такой кровью, какой она еще не видала...»	91
МИХАИЛ ГЕРАСИМОВИЧ КОМИССАРОВ: «Наши издания расходятся по России в десятках тысяч экземпляров...»	115
ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ КАРАУЛОВ: «Церковь тогда только разовьет свою духовную мощь, когда она будет церковью, а не ведомством...»	120
СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВОСТРОТИН: «Сибирь – продукт вольного народного завоевания...»	143

Научное издание

Кара-Мурза Алексей Алексеевич
Интеллектуальны портреты
Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв.
Выпуск 2

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 10.12.09.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 10,00. Уч.-изд. л. 8,17. Тираж 500 экз. Заказ № 048.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru

Издания, готовящиеся к печати

1. **Антропологическое измерение российского государства [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2009. – 214 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0149-5.**

В коллективной монографии обсуждается одна из самых острых и малоисследованных проблем в отечественной философии и науке, связанная с теоретическим изучением отношения «российское государство–человек». На основе представлений об антропологическом измерении российского государства как императиве современной эпохи в монографии дается критический анализ состояния духовной культуры и социальных качеств российского человека, а также дается сопоставительный анализ качества политического руководства в России и в Китае.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей и современными проблемами российского государства, положением человека в российском обществе, поиском новых принципов отношений между государством и человеком.

2. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2009. – 236 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0147-1.**

Сборник представляет результаты исследований сотрудников сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН в области комплексного изучения человека, завершенных в 2008 году. Авторы освещают новейшие проблемы биоэтики, гуманитарной экспертизы, антропологии и виртуалистики.

3. **Горелов, А.А. Истина и смысл [Текст] / А.А. Горелов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 147 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 141–146. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0162-4.**

Рассматривается соотношение понятий «истина» и «смысл». Работа состоит из двух частей. В первой части анализируются различные концепции истины, сформировавшиеся в античности и в Новое время, а также виды истины в различных отраслях культуры. Во второй части дается определение смысла жизни как трансформации телесного в духовное и показывается, как данное определение связано с определением истины как процесса и результата познания.

Для тех, кто интересуется проблемами истины и смысла жизни.

4. **Киященко, Л.П. Философия трансдисциплинарности [Текст] / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0152-5.**

В монографии рассмотрена история становления и современные проблемы трансдисциплинарных исследований. Введено основные различия мульти-, меж- и трансдисциплинарных исследований. Представлено онто-логико-гносеологическое измерение опыта трансдисциплинарности, показаны его роль и значение для разрешения кризиса современной философии и науки, прояснены логико-философские основания трансдисциплинарных исследований в виде интегрального, интервального и субъектно-ориентированного подходов. В книге показано, как феномен трансдисциплинарности сочетает в себе традиционные формы дисциплинарного научного знания с широким спектром знаний обыденного, коммуникативного, личностного и иного вида социального опыта, ориентируясь на горизонт универсального знания. Рассмотрены принципы обоснования философии трансдисциплинарности, обуславливающие практическую направленность в решении современных социо-гуманитарных проблем.

5. **Культурные трансформации в современной России (соц.-филос. анализ) [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2009. – 159 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0150-1.**

В работе ставится цель прояснить функции культуры и культурные изменения в современной России. Авторы размышляют над вопросом о возможности культуры быть средством демократизации российского общества, об отношениях между культурой и властью с точки зрения укрепления гражданских начал, о статусе интеллигенции и «средины культуры», о путях минимизации последствий интеллектуальной эмиграции из нашей страны. Прослеживается динамика образов прошлого в советской и постсоветской России, анализируются характерные изменения в гендерном символическом порядке. Применительно к российским условиям актуализируется концепция «символического обмена» Ж.Бодрийяра. Возможность преодоления социокультурного кризиса обосновывается наличием «сверхкультурного измерения», хранителями и наиболее адекватными аналитиками которых выступают философия и религия.

6. **На пути к неклассической эпистемологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2009. – 237 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0151-8.**

В книге рассматривается ряд проблем, связанных с новым осмыслением классических сюжетов эпистемологии. Обсуждается сама идея неклассической философии и неклассической эпистемологии, а также такие вопросы, как конструктивистское понимание эпистемологии, рациональность как ценность познания, философии и культуры, проблема взаимоотношения теоретического и эмпирического знания в современном контексте, возможность нового понимания наглядного опыта и др. Все эти вопросы находились в центре внимания выдающегося отечественного философа Владимира Сергеевича Швырёва (1934–2008), который всю жизнь работал в Институте философии РАН и которому посвящена данная книга.

7. **«Наука и человеческая природа: российская и западная перспектива», конф. (2008; Вако (США)). Международная конференция «Наука и человеческая природа: российская и западная перспектива», 6–8 ноября 2008 г. [Текст]: [материалы] / Отв. ред. В.К. Шохин. – М. : ИФРАН, 2009. – 207 с. ; 20 см. – В надзаг.: Рос. акад. наук, Ин-т философии. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0153-2.**

Сборник включает тексты докладов философов, антропологов и теологов, посвященных широкому спектру антропологической проблематики, которые были представлены на международной конференции «Наука и человеческая природа: российская и западная перспектива» (Бэйлорский университет, г. Вако (Уэйко), шт. Техас, США). Доклады демонстрируют многообразие подходов к проблеме человека со стороны экспериментальной науки, аналитической философии и историко-философских и теологических исследований.

8. **Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. М.С. Киселева. – М. : ИФРАН, 2009. – 226 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0148-0.**

Третий выпуск сборника посвящен анализу проблем инноваций человеческой деятельности в самом широком историко-культурном, социологическом, антропологическом и коммуникационном аспектах. Основная методологическая проблема, встающая перед авторами, – реконструировать способы идентификации новаций самой культурой, а также понять ответные реакции человека на всех уровнях его само-

организации. Новое звучание в связи с этим обретает вопрос о соотношении традиций и новаций, актуальный для самоидентификации человека современной культуры.

- 9. Черняев А.В. Г.В. Флоровский как философ и историк русской мысли [Текст] / А.В. Черняев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 186–198. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0156-3.**

Монография посвящена рассмотрению интеллектуальной деятельности видного мыслителя и ученого послеоктябрьского русского зарубежья Г.В.Флоровского (1893–1979). На основе комплексного анализа с привлечением эпистолярных материалов реконструирован жизненный и творческий путь Флоровского, показана его роль в общественной жизни русской эмиграции. Особое внимание уделено трудам Флоровского по истории русской мысли, раскрыта их методологическая база и оригинальность.